

Сергей Нилус

Святыня под спудом
Тайны православного монашеского духа

Сергиев Посад, 1911

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

1845 ГОД

13 мая

Уединение - Наказание за самочиние, в ночь под 1 августа приключившееся

25 октября

Ева. Дева - О недостатке веры в мире

ИЮНЬ, 1848 ГОД

24 июня

Убили сердце... - Об узком пути ко спасению - I. Неверие - II. Отчаяние - III.
Тщеславие - IV. Различные мечтания и преобразования демонов в ангелов света

1849 ГОД

6 августа

Случай, достойный замечания

10 августа

Из воспоминаний отца иеросхимонаха Иоанна

15 сентября

16 сентября

17 сентября

20 сентября

О слабом и несовершенном обращении к Богу - О необходимом условии к
получению Духа Святого

21 октября

22 октября

23 октября. Воскресенье

24 октября. Понедельник

1 ноября

О терпении в бедствиях

9 ноября

10 ноября

Возвещение блаженного Нифонта тому же преподобному Григорию о том, что святые будут и в последнее время, но будут сокровенно от людей, подвизаясь втайне

15 ноября

1850 ГОД

11 октября

год пошел со дня смерти великого старца Льва (Леонида) - Случай с нашим звонарем

1851 ГОД

Март

11 апреля

Среда Светлой седмицы

16 апреля, в понедельник

2 июня

Ноябрь

1852 ГОД

29 января

Май

1853 ГОД

1854 ГОД

2 мая

1 августа

1855 ГОД

18 марта

Сентябрь

1856 ГОД

5 февраля

18 февраля

21 июня

22 июня

9 августа

13 августа

1857 ГОД

20 января

Исцеление девицы Екатерины Николаевны Грезенковой. С тем, чтобы для прочтения и пользы посылать и другим верующим

8 апреля

26 мая

15 июля

20 июля

7 сентября

1858 ГОД

8 февраля

21 февраля

11 марта

27 апреля

13 мая

14 мая

8 июня

6 августа

1859 ГОД

29 января

17 февраля

20 февраля

15 мая

ДНЕВНИК ИЕРОМОНАХА ЕВФИМИЯ

1860 ГОД

23 августа

26 августа

27 августа

30 августа

31 августа

1 сентября

2 сентября

3 сентября

4 сентября

5 сентября

6 сентября

7 сентября

9 сентября

10 сентября

Октябрь

1861 ГОД

Январь

Февраль

Май

4 августа

5 ноября

1862 ГОД

19 марта

21 апреля

30 мая

16 июня

От составителя

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Один сеет, а другой жнет, другие трудились, а вы вошли в труд их.
Ин. 4, 37-38.

Предлагаю благочестивым читателям материал, на живых и ярких примерах повседневной жизни выясняющий истинную тайну монастырской миссии, проливающий яркий свет в самые затаенные уголки монашеского сердца, освещающий внутреннюю келейную жизнь иноческой души, которая изливала в материале этом мысли свои и чувства не для славы и чести мирской, не для удовлетворения самолюбивой гордости, а глаголала от избытка сердца к самой себе и к своему Богу. Материал этот - келейные заметки, письма, черновики, а также записи некоторых выдающихся событий внутренней монастырской жизни, мною найденные в книгохранилищах Оптиной пустыни, мною собранные и систематизированные в форме дневника ныне уже приложившегося к праотцам оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова). Не ему одному принадлежал этот материал - он был достоянием коллективного оптинского духа, - но я присвоил его ему одному, потому что при жизни восстановителя оптинской славы, архимандрита Моисея, он был к нему едва ли не самым близким лицом: потому что он вел дневник всему тому, чему был очевидным свидетелем во все время долголетней своей иноческой жизни, начавшейся еще во дни основателя старчества в Оптиной пустыни, старца Льва, продолжавшейся при его преемнике по старчеству, старце Макарии, и окончившейся во дни современника нашего, старца Амвросия Оптинского, и, наконец, потому что, по отзывам его современников, он сам был иноком выдающейся духовной жизни. Дневник отца иеромонаха Евфимия послужил мне канвою, с намеченным его рукою узором, но самый узор, как и драгоценнейший жемчуг дивного шитья, составлен и собран из многоцветных раковин, извлеченных из сокровенных глубин безбрежного и бездонного моря великого оптинского духа, питавшего православную русскую мысль в таких

богатырских ее представителей, как братья Киреевские, Гоголь, Достоевский и те "молодые" богатыри, имена которых - как звезды на тверди православного русского неба.

Во всем, что собрано здесь, самоизмышленного моего нет; все это плоть от плоти, кость от кости оптинских насельников и им по духу присных. Что же касается изложенных здесь фактов, принадлежащих к области духовной христианской жизни и ее силы, то моего в них - только одна редакция.

Чувствую и всем сердцем моим сознаю, что не моей меры труд этот, что он не исчерпывает и капли единой великого сосуда оптинского, но смелости моей и дерзновения оправданием да послужит быстрота и натиск злобного духа времени, устремляющегося внушить присным своим рабам и служителям похоронить на веки еще живое и жизнотворное тело православного монашества: при таких условиях начавшейся роковой борьбы некогда размышлять о достоинстве оружия - впору только и без необходимых доспехов ринуться в жестокую сечу и хотя бы одним телом своим на время заградить гробокопателям доступ к разверстой ими могиле.

Но если дни, нами с великою скорбью переживаемые, в небесной книге жизни записаны как дни совершения такого злодеяния, и живому еще цветущему христианству, каким во все времена было истинное монашество, уже настало время быть заживо погребенным в безвременной могиле, то пусть и малый, и несовершенный труд мой этот покажет остатку верных:

Какой светильник разума угас.
Какое сердце биться перестало...

С. Нилус

1845 ГОД

13 мая

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй грешного раба Твоего, иеродиакона Евфимия!

Пресвятая Богородице, спаси мя грешного!

Уединение

- Скажи мне, - спросил некто своего, уже углубившегося в благочестие, друга, - отчего иные любят уединение и ищут его, а другие не терпят и от него убегают? К одному и тому же такое противоположное расположение в людях - откуда оно?

- Когда нет вокруг тебя шума, - отвечал он, - тебе слышно, если кто, хотя бы и тихо, стучится к тебе в дверь. Потому, если ты ждешь в уединении к себе друга или благодетеля, то всячески желаешь освободиться от шума, чтобы в тишине уловить первое его прикосновение к твоей двери и спешить к нему навстречу. А если недруга или грозного судию ждешь ты, то желал бы, чтобы шумом тебе заглушили несносный тот стук. Но Сам Бог изрек однажды вслух всего человечества: *Се стою при дверях и толку* (Откр. 3, 20). Поэтому, для кого Бог есть Бог любви, и кто сам любит Его, тот бежит от шума суеты

мирской в уединение: там, когда святая, таинственная тишина осеняет и объемлет его, ему слышно, как ударяет в двери сердца его Бог любви. Напротив, кто в совести своей сознает, хотя бы незримо и неслышно для его разума, что Бог для него есть Бог суда, и кто не любит Его, - тот бежит из уединения, чтобы шумом света заглушить несносные удары перста Божия. Когда чувства его заглушаются быстрым движением вещей мирских, когда разум омрачается чашею удовольствий света, ему не слышно, как стучится в двери сердца его грозный Судия Бог, или тяжкий посетитель - пробуждающаяся совесть.

Наказание за самочиние, в ночь под 1 августа приключившееся

На монастырской рыбной ловле, что по контракту по реке Жиздре и в озерах казенного леса против села Полошкова, находились монах Афанасий, послушник Алексей Иванов (с давнего времени на рыбном послушании) и несколько человек рабочих. По разным случаям, а более чтобы не терять времени напрасно, воспрещено им было отцом игуменом выбирать мед и огрести пчел из дубов, попадавших им нечаянно в казенном лесу. В ночь под 1 августа трое - монах Афанасий, послушник Алексей и один рабочий, - выбравши в глуши леса, вверху дуба, мед, захотели огрести и пчел. Алексей предчувствовал беду и не соглашаясь, но, понуждаемый Афанасием, влез с работником на дерево. Вдруг Алексей оступился и полетел с верха дуба на землю и весь разбился: переломил челюсти, позвоночник и поранил себя топором, который был у него за поясом. Кроме рук, у него все онемело. Живой мертвец!.. Печаль настоятелю и братии, а монаху Афанасию - язва по гроб...

13 октября, пополудни в 3 часу, скончался послушник Алексей Иванов, страдавший с 1 августа жестокою болезнью от ушиба, полученного им при падении с дерева. Все время, более 17 лет, он трудился в послушании при монастырской рыбной ловле в простоте сердца. Грамоте не учен, послушлив и уступчив всякому. Промучившись в жестоких страданиях с 1 августа по 13 октября, живой мертвец, он питался только теплотою или жидким киселем, а за 8 дней до смерти он и того не мог принимать в пищу. Часто приобщался Святых Тайн, был особорован св. елеем и терпел свои страдания благодушно, с самоукорением.

12 октября он крайне изнемог и пополудни приобщился Св. Таин.

В ночь с одиннадцатого на двенадцатое, часу в двенадцатом, он тихо подозвал к себе больничного послушника Иону и прошептал в восторге:

- Смотри-ка, брат: вон, пришли три Ангела! Какие хорошие! Ах, как мне весело и радостно, что они пришли!

Через несколько минут он опять подозвал Иону, охватил его руками и опять в восторге шептал ему:

- Смотри-ка, смотри-ка, брат: вон, идут два митрополита!

- Как их звать? - спросил Иона.

- Не знаю, брат, как звать-то! - отвечал больной в восхищении.

...13 октября, во время ранней Литургии, Алексей причастился еще раз Св. Таин, а в третьем часу пополудни скончался тихо, в надежде Божией милости за потерпение болезни.

От роду ему было около сорока лет, росту среднего, светлорусый. Погребен 15, в понедельник.

25 октября

Отправлен из монастыря указом по назначению в Харьков, к начальнику тамошней губернии, бывший иеромонах Греко-униатского обряда, Флавиан Лисовский. К нам в монастырь был прислан по распоряжению Св. Синода 12 июля 1842 года из Загоровского монастыря Волынской епархии для продолжения увещания к рассеянию его заблуждений и возвращению в Православие.

Прожив в монастыре нашем три года и два с половиной месяца, Флавиан Лисовский оказывал наружное повиновение настоятелю, к братии относился услужливо, оказывал ревность во внешних добродетелях, твердость, но только не в униии, а в католичестве; приверженность же свою к папе римскому он доводил до обожания. При увещаниях он говорил, что готов был бы присоединиться к Православию, но боится трех страшных присяг, данных им папе. По делам же Лисовского впоследствии обнаружилось одно притворство и иезуитские приемы привлечь кого-либо к своему католическому мудрованию. Флавиан более всего старался обольстить кого-либо из простодушных и немощных, но человеколюбивый Господь покрывал их Своею благодатью.

Однажды живущий в соседней с Флавианом келье рясофорный монах Георгий, полуграмотный, простосердечный и престарелый, услышав от Флавиана противное Церкви мудрование о Пресвятой Богородице, начал вечернее свое правило в келье своей один и подумал:

"А может быть, и в самом деле правильнее верует Флавиан: ведь он и живет честно!"

При этой мысли Георгий вдруг оцепенел и не только не мог продолжать своего правила, но и поворотиться не мог. Испугавшись, он тут же упрекнул себя мысленно в согласии с Флавианом и воскликнул со слезами:

- О, Пречистая Дево Богородице! Согреших аз пред Тобою: помилуй мя грешного!

И пал на колени пред иконой. Оцепенения как не бывало, и он окончил правило.

Поутру он объяснил все духовнику, а духовник посоветовал ему не иметь общения с Флавианом.

В присланном послужном списке Флавиана, в графе "каких качеств и способностей", отмечено: "корыстолюбив; особенных способностей не имеет, только - к Богослужению, но и того по упрямству не совершал".

Таково воспитание папистов! Флавиан Лисовский росту высокого, плотного телосложения, пятидесяти лет от роду; иногда веселый; но крайне безобразен от стрижения на голове волос догола и бритья бороды.."

Ева. Дева

Два слова, сходные по звуку, смыслом разным

Напоминают нам:

Каким мы счастлием, каким и злом ужасным

Обязаны женам!

Нам Ева смерть внесла, Мария - жизнь от древа:
Что отняла жена, то возвратила Дева
(из книги "О Кресте").

О недостатке веры в мире

Сын Человеческий прииде, обрящет ли веру на земли? Если придет Он ныне, найдет ли Он в нас веру? Где наша вера? Где признаки ее? Думаем ли мы, что настоящая жизнь есть только краткий переход к жизни лучшей? Помним ли мы, что прежде должны страдать с Иисусом Христом, чтобы после царствовать вместе с Ним? Почитаем ли мы мир сей только обманчивым призраком, а смерть - переходом к истинному, вечному блаженству? Нет, мы не живем верою, она не одушевляет нас! Наше сердце не чувствует важности и силы вечных истин, которые она предлагает нам. Мы не питаем души своей духовною пищею с такою же заботливостью, с какою питаем тело свое пищею телесною. Мы еще не умеем смотреть на все вещи мира сего очами веры. Мы не заботимся одушевлять верою все наши мысли, чувствования и желания. Мы ежеминутно заграждаем ей вход в сердце наше. Мы и думаем обо всем, и поступаем всегда, как язычники. Человек, имеющий веру, стал ли бы жить, как мы живем?

Будем опасаться, чтобы Царствие Божие не было отнято у нас и дано тем, которые будут приносить плоды лучше наших. Царствие Божие есть вера, одушевляющая человека. Счастливы те, кто имеет духовное зрение видеть в себе Царствие это! Плоть и кровь неспособны к тому: мудрость человека плотского слепа в этом случае, для нее действия Бога в душе человека - мечта и сновидение. Чтобы видеть чудеса внутреннего Царствия, должно умереть внешнему человеку. И это-то кажется миру нелепым!.. Но пусть мир презирает, пусть осуждает Божественное учение о необходимости возрождения, - мы, по заповеди Господа, должны верить Ему, дабы быть сынами Божьими и вкушать сладость небесных даров...

Но, Боже милостивый, во что же Ты попускаешь обратиться миру с его беззакониями, с безверием его?..

Не страшно умереть!...

Да, правда:

Мы с смертью свыклися в наш век.

Но не посмертная награда,

Не то, чем высший человек

Мечту о смерти услаждает.

Нас сдушным гробом примиряет -

Нам ничего за гробом нет.

Нам просто опротивел свет!

Нам надоело жизни бремя.

Наскучил жизненный парад.

Мы обыграть хотели время, -

И каждый проиграл заклад...

Мы разгадали все загадки.

Все тайны сорвали с земли:

И стали низки мы и гадки

Пред оком собственной души.

Ужасный век! Что он посеял.

Какую будущность взрастил!
Какую силу с сердца свеял.
Какую жизнь в нас погубил!
Нет больше юности беспечной
С ее мечтательной душой,
С ее невинностью сердечной,
С ее душевной простотой.
Нам Ныне тесно с колыбели;
Мы рвемся к гробу поскорей:
Мы, незрел, уж перезрели
В огне безвременных страстей.
Нам уж смешно почти, нам стыдно
Невинным быть в пятнадцать лет.
Еще хранить свой детский цвет...
Как ядовитые ехидны.
Впились мы с первых лет в себя:
Здоровье, силы, красота -
Заране все облито ядом;
Заране жизнь облита хладом;
Еще пух детства на устах -
Уж пресыщение в глазах;
Уж опыт выел прелесть жизни,
Разбил цветной ее кумир.
Как насмоленный факел тризны.
Покрыл он чадом целый мир...
Уж все отвергнуто. Все цели.
Все блага отцвести успели:
Зима - средь лучших дней весны!
В пятнадцать лет мы старики!
А там: как царь между рабами,
В сердцах материя одна
Своими грязными цепями
Все страсти мира обвила,
Размежевала жизнь, как поле.
Из нужд слила для нас кумир
И погребла в своей неволе:
Расчет убил духовный мир!
И стало все добычей злата;
Рассудок на вес продают;
Наука - путь к сетям разврата;
Искусство молотом куют.
И нет ни чувств высоких, смелых.
Ни славных замыслов в груди,
В огне терпения созрелых.
Вращенных крепостью души.
Нет больше места им!.. Надменно
Пытая счастье и судьбу.
Мы дали волю лишь уму;
Мы жаждем слышать непременно

Его расчетливый ответ.
А сердце? Сердцу веры нет!
Долой с души все украшения!
Как с лика Божьего сребро.
Мы все расхитили с нее
И - промотали!.. И, в забвеньи.
Скелеты голые душой.
Бредем по тернию сомненья,
Гордяся нашей наготой.
Страшимся чувству дать свободу;
Как мертвецы в своих гробах.
Питаем тлением природу
И точим яд земной и прах.
Нет больше ближнего!..
Все пало.
Все сочтено, все решено!
Самих себя уже нам мало;
В других нет больше ничего.
В грядущем - голая равнина;
В былом сожженная пустыня
Да пепел рушенных надежд:
Все отцвело, все изменило -
И не страшна теперь могила!..
Как насмерть раненый атлет.
Наш эгоизм голодный бродит
И ничего уж не находит:
Что было - в юности пожрал.
Что есть - державный опыт взял...

.....
Нет, други, нет! Не сын я века!
Я с вами в этот век вступил.
Но вместе с жизнью человека
Я жизнь иную получил.
Я также был в его служены!
Я также нес его ярмо
И полный думы и сомненья.
Клонил задумчиво чело...
Теперь прочь дума! Чистым, ясный
Мне в душу влился новый свет.
И ум, товарищ мой опасный.
Увидел радостный рассвет.
Тоска рассыпалась мечтами.
И пала с сердца чешуя,
И жизнь волшебными крыла
Мне снова душу обвила.
Нет, страшно умереть!.. Туманен
В очах греха загробный путь.
Тот странным путь, где каждым равен.
Где вечный сон не даст заснуть.

Отчет прямом, отчет ужасный
Готовит небу сын утрат,
И гроб, наш проводник безгласный.
Ведет и в рай и... в вечный ад...

ИЮНЬ, 1848 ГОД

С наступлением 1848 года настали в Европе бедствия почти повсеместно. Во Франции 24 февраля - революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России: везде мятежи, нестроения... В России: холера, засуха, пожары. 26 мая, в среду, в двенадцатом часу дня загорелся губернский город Орел; сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычею огня. Потом сгорело: в Ельце - 1300 домов, во Мценске. Ливнах, Курске и во многих других городах - великое множество.

К нашему старцу пишет о. игумен Антоний Б.*: "Благодарю о. Иоанна (это наш скитский иеросхимонах, из бывших раскольников), что меня вспомнил и потрудился написать несколько строчек. Кажется, теперь и раскольникам, и православным следует подумывать не о личных своих делах, а о грядущем Божьем гневе на всех, который может, яко сеть, захватить всех живущих на земле. Революция во Франции не есть частное зло, а только воспламенение тех подкопов, которые подведены под всю землю, особливо европейскую, яко хранительницу просвещения и духовного, и мирского. Теперь страшен нам уже не раскол, а общее европейское безбожие. Времена язычников едва ли не оканчиваются. Все европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властен, и начальств, и приличий, и обычаев. Посмотрим, каков будет этот новый Адам в 48 лет, который теперь возрождается из европейской благородной земли. Какова будет эта зловещая птица, высиженная из гнезда парижского? Это яйцо давно положено. Оно еще в 1790-х годах согревалось, и вылупившийся Наполеон хотя и обжег себе крылья на пожаре московском, и, как будто мы вместе с ним простились и с войной, и с общими потрясениями, но, видно, это был только один болтун, а настоящий высидок явится в наше преблагополучное время, во дни мира и утверждения. Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот - Россию, то чего нам ждать - посудите!.. Я не смею угадывать, но только прошу премилосердного Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы".

* Бочков. Впоследствии настоятель Черемнецкого монастыря Петербургском епархии.

24 июня

Четверток. Праздник в Скиту Рождества святого Иоанна Предтечи. Пополудни в три часа, в четвертом, зашла страшная туча с молниями и громами с юго-запада при 20 гр. тепла. Она разразилась страшною бурей с проливным дождем и градом. От этой тучи во многих местах Козельского уезда произошли разрушения, в особенности же в нашем монастыре. На церквах - Казанской и Больничной - разломало на части железную крышу, сорвало кресты; на колокольне поколебало главу со шпилем и вырвало кровельный лист; на корпусах - трапезном и братском, что возле колокольни, и на казначейском - повредило

железные крыши; во многих других местах повредило черепичные крыши и изгороди; поломало множество садовых плодовых деревьев. В Скиту упавшею сосной повредило башню, что на конном дворе, а с юго-западной стороны тоже упавшею сосною разбило два каменных столба в скитской ограде. А в монастырском лесу поломало и вырвало с корнем до двух тысяч самых толстых сосен... Страшная буря! Никто не припомнит такой!

По поводу этой бури старец сказал: "Это знамение гнева Божия на отступнический мир. Началось с Европы, доходит и до нас. Приблизилось время, предуказанное Откровением. Мы-то не доживем, ну а правнуки наши узрят пришествие Господа в славе".

Господи помилуй!.. А действительно, тяжело стало жить ныне современному человеку. Не от добра жизни пишут люди так, как пишет в своем стихотворении архимандрит Игнатий (Брянчанинов). Вот стихи эти.

Убили сердце...

Здесь все мне враждебно, все смерти тлетворным
дыханием дышет:
Пронзительный ветер, тяжелые воды, пары
из болота,
Измены погоды и вечно пасмурно - грозящее небо.
Как бледен луч солнечный Бельта, повитый
туманом и мглою!
Не греет он, - жжет!.. Не люблю, не люблю я
сиянья без жизни!
Сражен я недугом, окован, как цепью, к одру
им прикован,
Им в келлии заперт. Затворник невольный,
влачу дни ко гробу.
А сердце мое?.. Ах! убили его!.. Оно жило доселе.
Страданиями жило, но жило. Теперь - тишина
в нем могилы.
Его отверзал я с любовью и верой открытой всем
ближним.
Вонзили мне в сердце кинжалы; и были кинжалы
наградой
За дружбу, за слово прямое, за жизнь, принесенную
в жертву!..
Уйду я, убитый, уйду от людей я в безвестность
пустыни!..
Я вижу, что людям приятно и нужно: им нужны
лесть, подлость.
Тщеславие, чуждое истинной славы. Забыли, что
слава - от Бога,
От совести чистой. Но Бог им не нужен, и
совесть - им бремя;
Не нужны им в слуги наперсники правды
с общественной пользы желаньем:
Им нужны рабы - орудья их воли развратной...
Уйду от людей и в глубокой пустыне предамся

рыданиям:

Там в пищу мне будут лишь стоны, и слезы -
напитком.

Оплачу себя, мое сердце убитое, мир, в зло
погруженный, -

И снизу в могилу печальный, в надежде отрады
на небе".

Об узком пути ко спасению

26 июня. С трудом можно входить в Царствие Божие: его должно восхищать "нуждою", его должно брать сплюю, как осаждаемый город. Врата в Царствие Божие тесны. Чтобы войти в них, должно стеснить и подвергнуть мучению греховное тело; должно унизиться, смириться и сделаться малым. Широкие врата, которыми идет большая часть людей и которые совершенно отворены, ведут к погибели. Посему не должно входить во врата сии. Когда мир оказывает нам свое благоволение и расположение, когда путь жизни нашей не представляет нам никаких неудовольствий, когда "добре рекут о нас вси человецы", то - горе нам! К будущей жизни мы тогда только бываем более способны, когда в жизни настоящей обременяют нас многочисленные бедствия. Итак, не будем следовать за большею частью людей, которые ходят по путям широким и удобным. Должно идти по следам малого числа избранных, по пути святых, по трудной стезе самоотвержения. Путь к небу должно пролагать между скалами несчастий этой жизни и вместе помнить, что последний шаг жизни требует самого великого усердия войти в тесные врата вечности. Вот что пишет об этом последнем шаге в вечность - "о брани в час смертный" - афонский иеромонах Макарий:

"День особенной духовной брани в нас есть день смерти. Если враг дерзнул явиться к безгрешному Спасителю нашему при конце Его земной жизни, в чаянии найти в Нем какую-нибудь погрешность, как сказал Сам Господь: *Грядет мира сего князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30), - то тем смелее является он каждому из нас пред нашею кончиною и дерзостно прнражается к нам, грешным. Итак, чтобы брань смертная не застигла нас неготовыми, необходимо бороться мужественно во время данной нам Богом жизни. Проведший свою жизнь в мужественной борьбе по навыку и опытности в духовной брани легко одерживает победу и в последний час смерти. Для сего требуется также частое и внимательное размышление о смерти. Делающий это страшную для неготовых смерть встречает с меньшим страхом: ум его, не занятый сторонними предметами, будет свободен в избрании мер для успешного окончания предсмертной борьбы.

Но в чем состоит предсмертная брань, и что нужно делать в час смерти, чтобы не остаться навсегда побежденным?

Есть четыре главных и более опасных прилога, которыми враги наши - демоны - имеют обыкновение побеждать нас в эти минуты, - это:

- 1) Неверие;
- 2) Отчаяние;
- 3) Тщеславие;
- 4) Различные мечтания и преобразования демонов в ангелов света.

I. Неверие

Если враг начнет нападать на тебя лживыми умствованиями и влагать в твой ум помыслы неверия, презри плевелы его и с твердою верою говори ему: "Иди за мною, сатана, отец лжи! Не хочу ничего слышать от тебя. Я верую, во что верует Святая Церковь, - и более ничего, никаких твоих умствований мне не нужно". И отнюдь не давай места в сердце твоём помыслам неверия, по слову Св. Писания: *Аще дух владеющего* (т.е. врага) *взыдет на тя, места не остави: лукавство бо изыде от лица владеющего* (Еккл. 10, 4 - 5). Помыслы неверия внушает диавол, чтобы низринуть тебя; а потому утверди ум свой, стой мужественно, берегись принимать не только какое-либо умствование, но даже и изречение Св. Писания, представляемое тебе доброненавистником: знай, что священные изречения приводит он всегда неполными и худо произносимыми, с превратным толкованием их, хотя и старается показать их уму хорошо, чисто и ясно произносимыми. Если этот лукавый змий спросит тебя: "Чему верует Церковь?" - оставь его с полным презрением и отнюдь не отвечай на его вопрос. Зная ложь и коварство его и видя, как он старается уловить тебя словами, веруй лишь несомненно от всего сердца в учение Св. Церкви и, когда, Божьею благодатью, силен ты в вере и непоколебим помыслом, к большому посрамлению врага, отвечай, что все, во что верует Св. Церковь, есть непреложная истина. Но, положим, он возразит: "Какая это истина?" - кратко скажи: "Та, в которую Св. Церковь верует". При этом постоянно старайся содержать сердце твоё устремленным к Распятому за нас и взывай к Нему: "Боже мой, Творче и Искупителю мой! Помози мне в час сей и не попусти удалиться от истины святой веры или поколебаться в ней, но благослови мне, в истине сей благодатию Твоею рожденному и наставленному, окончить жизнь мою к славе Пресвятого имени Твоего".

II. Отчаяние

Второй прилог, которым лукавый усиливается совершенно победить нас, есть страх, влагаемый в сердце напоминанием нам всех наших грехов, чтобы низринуть нас в ров отчаяния и безнадежности. Чтобы не впасть в такую беду, нужно тебе хорошо знать, что напоминание грехов тогда бывает от благодати и спасительно, когда оно смиряет тебя и возбуждает в сердце сокрушение о том, что грехами своими ты оскорблял Бога и, вместе с тем, поселяет в тебе надежду и упование на благость Его. Но когда напоминание грехов смущает тебя, ввергает в неверие и малодушие и заставляет считать себя человеком навеки осужденным, которому нет более времени ко спасению, знай, что такое напоминание - от диавола. Посему, смиряя себя как можно более, отнюдь не оставляй надежды на Бога, и ты победишь врага его же оружием и воздашь славу Богу.

Нужно нам всякий раз печалиться и болеть сердцем об оскорблении, причиняемом Господу, когда вспоминаем грехи свои, однако, необходимо питать и надежду на крестные заслуги Его и, ради этих великих заслуг, просить у Него прошения. Если же тебе кажется, будто сам Бог прямо говорит твоему сердцу, что ты не от овец Его, то и в таком случае не должно тебе оставлять надежду и упование на Него. Не переставай и тогда взывать: поистине. Боже мой, я достоин того, чтобы Ты отверг меня за грехи мои, но все-таки дерзаю уповать на Твое благоутробие и надеяться, что Ты простишь меня; посему и умоляю: не лиши спасения создание Твое, достойное осуждения за злые свои дела, искупленные, однако, ценою Святейшей Твоей Крови. Желая быть в числе спасенных. Искупитель мой, во славу Твою, я весь, с надеждою на безмерное благоутробие Твое, предаюсь в руце милосердия Твоего: твори со мною, что Тебе благоугодно, ибо Ты един Владыко мой. Если Ты и умертвишь меня, и тогда я буду иметь в Тебе животворную свою

надежду.

III. Тщеславие

Третий прилог состоит в тщеславии и самомнении, которое побуждает надеяться на самого себя и на то, что я буду спасен собственными своими делами. Смотри же всегда, и особенно в тот последний час смерти, не попускай своему уму полагаться на себя и на свои дела, хотя бы ты совершил и все добродетели святых; напротив, надейся на одного Бога и на Его благоутробие; поминая крестные страдания Спасителя, понесенные Им ради спасения твоего, уничтожай себя до последнего издыхания. Если же иногда, случайно, и возникает в тебе мысль о каком-нибудь добром деле, знай: силою Бога, а не твоею оно совершено. Проси помощи Божией и надейся получить ее не ради заслуг своих или ради испытанной тобою брани, в коей ты явился победителем, но постоянно содержи себя в святом страхе, сознавая искренно, что все твои заботы, труды и подвиги были бы тщетны, если бы не содействовал тебе и не собирал их под сень крыла Своего Сам Бог; на Его только защиту возлагай все свое упование. Если последуешь этому совету, то не победят тебя враги в час смерти прилогом тщеславия: тебе откроется свободный путь от земли к небесному Иерусалиму, в преблаженное наше Отечество.

IV. Различные мечтания и преобразования демонов в ангелов света

Если упорный в борьбе враг наш, никогда не утомляющийся в наведении искушений, будет одолевать тебя когда-нибудь, и особенно перед смертью, некоторыми ложными явлениями, видениями и преобразованиями в ангела света - ты стой твердо в сознании своего ничтожества и смело говори: "Возвратись, окаянный, во тьму твою, ибо я не имею нужды ни в видениях, ни в другом чем, кроме благоутробия Христова и ходатайства Приснодевы Марии и Святых пред Господом". Пусть бы ты и в самом деле сознавал, что те видения действительно от Бога, - и тогда старайся отстранять их от себя, сколько можешь, и не думай, что устранением их, в сознании своего недостойнства, ты оскорбишь Бога. Если видения точно от Бога, Он Сам знает, как просветить и уверить тебя и не вменит Себе в оскорбление, что ты опасаясь принимать их. Дающий смиренным благодать не отнимает Своей благодати за дела, совершаемые по чувству смирения.

Таковы более общие оружия, употребляемые против нас врагом в последние часы нашей жизни, хотя на каждого он восстает, смотря по наклонностям и страстям, каким кто более подвержен.

Итак, повторим: чтобы не остаться навсегда побежденными, непременно должно прежде наступления смертного часа, при Божьей помощи, вооружаться против тех страстей, которые особенно обладают нами, и бороться с ними мужественно, чтобы легче победить нам диавола и в страшные последние минуты жизни.

Вот тот конец тесного и широкого пути, которым все люди идут в вечность. Но тесный путь готовит к вечности, и последняя борьба со врагом нашего спасения застаёт воина Христова во всеоружии, а - широкий? Подумать страшно!..

Бог predetermined нам быть сообразными образу Сына Своего: подобно Ему распинаться на кресте, подобно Ему удаляться земных удовольствий, подобно Ему в страданиях возлагать все свое упование на Бога и переносить их покойно. Но как велико наше ослепление! Мы всегда желаем удаляться от креста, который соединяет нас с

нашим Господом; но мы не можем оставить креста, не оставив вместе Распятого на нем Иисуса Христа: крест и Распятый на нем - неразделимы.

Итак, будем жить и умирать вместе с Тем, Который пришел показать нам истинный путь к небу: не будем ничего столько желать, как приносить нашу жертву Богу на том же жертвеннике, на котором совершал Свою Иисус Христос... Но, к несчастью, все труды и заботы наши относятся только к тому, чтобы жить в обилии и довольстве и удаляться от узкого пути к Нему. Мы не понимаем, что таинство благодати соединяет блаженство со слезами. Всякий путь, который ведет к Престолу, должен быть приятен, хотя бы он был устлан тернием. На узком пути потребно терпение, но оно облегчается надеждою; потребно терпение, но оно услаждается видением отверстых небес; потребно терпение, но оно не бывает принужденно, а проистекает из свободного желания терпеть.

1849 ГОД

С 24 мая проходил отрядами через наш город пехотный полк, квартировавший в Белёве походом в Венгрию. Многие офицеры и нижние чины приходили в наш монастырь, слушали напутственный молебен, принимали благословение пролить кровь за Веру, Царя и Отечество. Но еще более трогательно было видеть благочестие полкового командира, который, проходя с полком через город Козельск, прибыл к нам в монастырь с штаб- и обер-офицерами и с ними несколько десятков отборных солдат. Все они слушали по Литургии молебен. После молебна полковой командир пришел в настоятельские покои и просил о. игумена благословить стоявших у крыльца во фронт воинов. О. игумен с христианским назидательным словом и отеческою любовью благословил каждого порознь, желая им сохранить верность Царю и Отечеству и победить врагов, изменников своему государю.

Полковник с офицерами были учреждены чаем и закускою. Принявшие благословение ходили также в скит, где принимали от старцев благословение, после чего отправились в путь с верою и надеждою на Всемогущего Бога, дающего победу над врагами.

Полковник высокого роста, худощав, волосы на голове седые.

Рязанским пехотным полком, квартировавший в Калужской губернии, выступил в поход из Калуги 15 мая. Поляки - как офицеры, так и солдаты - из всей армии оставлены внутри России, с отдалением от границ польских.

6 августа

Случай, достойный замечания

За раннем Литургией сего 6-го числа рясофорный монах Савва, больничный служитель, сказал послушнику Иакову, пономарю:

- Что вы никогда не поставите свечки угоднику Божьему преподобному Евфимию, к его иконе?

Икона эта у окна, возле северной двери алтаря, в приделе Великомученика Георгия Победоносца.

- Ризою, - продолжал о. Савва, - украсили, а свечки не ставите. Это все равно, что надеть на тебя драгоценную одежду, а хлеба не давать.

Послушник Иаков отвечал, что свечи к иконам ставят не пономари, а свечники. В это время подошел помощник свечника, послушник, штаб-лекарь, Максим Васильевич Путинцев, и начал ставить свечи к местным иконам. Монах Савва вынул из кармана 5 копеек медью и говорит:

- Максим Васильевич, возьми 5 копеек да поставь свечу преподобному Евфимию!

Максим Васильевич отвечал, что о. Галактион (свечник) на 5 копеек не дает свечки, и не взял их. Савва остался в скорби.

Только Максим Васильевич спустил паникадило пред царскими воротами, как увидел на паникадиле 10 копеек медью. Он удивился и говорит

Савве:

- Ну, отец Савва, давай теперь свои 5 копеек: я пойду поставлю преподобному Евфимию 15-тикопеечную свечку - теперь о. Галактион даст.

Только он принес и поставил свечку и пошел обратно к свечному ящику, как его внезапно посреди церкви остановила какая-то женщина, - подает ему 10 копеек медью и говорит:

- Возьми, батюшка, за свечку!

- За какую свечку? - спросил Максим Васильевич.

- Да вот за ту, что ты сейчас поставил.

Тут вспомнили, что перед этой иконою, действительно, никогда свечей не ставили, а мимо нее часто приходится ходить в алтарь.

Не внушение ли это было о. Савве от преподобного Евфимия?

10 августа

Об истинном благочестии

Аще кто льстит сердце свое, сего суетна есть вера.

Иак. I. 26.

Сколько самообольщений на пути благочестия! Одни думают, что благочестие состоит единственно во множестве молитв; другие полагают его во множестве дел внешних, относящихся к славе Божией и пользе ближнего; иные - только в одних непрерывных желаниях приобрести спасение; некоторые - в исполнении одних внешних строгих обрядов или правил Церкви.

Все это хорошо и необходимо до известной степени. Но тот обманывается, кто полагает в этом основание и сущность истинного благочестия.

Истинное благочестие, которое освящает нас и совершенно посвящает Богу, состоит в исполнении истинной воли Божией в то время, в том месте, в тех обстоятельствах, в которых Бог поставил нас, - в исполнении всего того, что Он требует от нас. Сколько бы ни было в нас благочестивых чувствований и желаний, сколько бы мы ни сделали блистательных дел, они тогда будут иметь цену в очах Божьих и мы тогда только получим за них награду от Бога, когда этими чувствованиями, желаниями и делами мы действительно исполняем волю Божию. Слуга какого-нибудь господина пусть делает

самые блистательные дела в его доме, но если не исполняет его воли, то эти дела, которых господин не требует от него, не будут иметь никакой цены, и господин его по справедливости будет говорить, что слуга его худо исполняет свою должность. Истинное благочестие требует не только того, чтобы мы исполняли волю Божию, но и того, чтобы мы исполняли ее с любовью. Бог хочет, чтобы все наши приношения Ему совершаемы были охотно и с радостью. Во всех Своих заповедях Он прежде всего требует от нас сердца чистого, исполненного к Нему любовью. Любовь и милосердие к нам Небесного Царя и Господа нашего столь бесконечны, что мы должны полагать все свое блаженство в том, чтобы быть самыми верными и совершенно преданными Ему рабами. Эта верность и преданность должны быть всегда и везде одинаково постоянны во всех неприятностях жизни, во всем, что противно нашим видам, намерениям и склонностям; они должны соделать нас готовыми жертвовать исполнению Закона Божия всеми нашими благами, нашим временем, нашей свободой, нашей славой и, наконец, нашей жизнью. Питать в себе такую преданность к Богу и выражать ее в делах - вот истинное благочестие. Но так как основание воли Божией иногда бывает для нас неизвестно, то долг самоотвержения требует, чтобы мы ее исполняли рабски, со слепым повиновением, но мудрым в самой слепоте своей. Обязанность эта необходима для всех людей. Самый просвещенный человек, который способен руководить других к Богу, имеет нужду в Божественном водительстве, хотя бы планы Его были бы ему совершенно неизвестны.

Из воспоминаний отца иеросхимонаха Иоанна

Батюшка отец Иоанн воспитывался и всю юность своей жизни провел в расколе и только в зрелом возрасте воссоединился с Православною Церковью. Сего 4-го сентября 1849 года он безболезненно, непостыдно и мирно отошел ко Господу, в чаянии жизни вечной. Мир праху его.

В бумагах, оставшихся после его смерти, мною найдена была своеручная записка его под заглавием: "Историческое известие о приключении в жизни и чистосердечная признательность Новгородской епархии Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря иеромонаха Исаакия, в схиме Иоанна".

Замечательный это был раб Бога Вышнего! С любовью о Господе вписываю в свои заметки его автобиографию.

"Родился я, - пишет о. Иоанн, - в 1763 году, мая 1-го дня, от правоверных родителей - от отца, именем Иоанна, и матери Анны, по прозванию Малиновкиных, проживавших в Экономической слободе, называемой Подновье, отстоящей от Нижнего Новгорода, вниз по течению Волги-реки, в пяти верстах. Крещен и святым миром помазан от православного священника. По смерти же родителей моих остался пяти годов от рождения моего и, по таким обстоятельствам, воспитывался и грамоте русской обучался от старообрядцев: и тогда постепенно влили они в юное сердце мое догматы своего учения, через которые и отторгнули меня от Святой Церкви. По ревности же моей к пустынножительному проживанию, на осьмнадцатом году от рождения моего, оставивши дом и Отечество мое, удалился в Керженские леса и скиты, в коих прожил немалое время и, по неведению моему Священного Писания и слабости рассудка моего, во всем следовал тогда, яко пленник некий, удаленный Святой Церкви, жизни их. Но во все то время не находила душа моя спокойствия, всегда почти чувствуя какой-то недостаток и скуку в рассуждении религии, наиболее же потому, что видела между оными скитниками и даже во всех разного толка старообрядцах великое несогласие в толковании Св.

Писания и религии. Мне приходилось видеть у многих старообрядцев, что у них в одном доме и семействе даже по три секты содержатся: муж "перемазанской" секты, жена - "перекрещенка" или "нетовщинка", или другой секты, а дети других толков придерживаются. И по этим причинам как муж с женой своей, так и дети с отцом своим и с матерью вкуче не пьют и не едят и Богу не молятся, почитая каждый себя за правоверного, а других еретиками и погаными. Поэтому они пьют и едят только из своих сосудов, из которых другим не позволяют кушать. Тоже и иконам, пред которыми сами молятся, другим поклоняться не допускают.

Но в чем у них всегда оказывалось величайшее согласие, так это в ненависти и хуле на Православную Церковь. Сойдутся между собою они и как только увидятся, так и начинают друг с другом спорить о Церкви, о правоте своих - это для них хлеб насущный; и всякий из них свою секту похваляет, а другие, яко непотребные, осуждает. И тут все они горячатся до бесконечности. Но если прилучится тут такой человек, который похвалять будет Грекороссийскую Церковь и догматы ее, а старообрядческие толки, яко нелепые, опровергать, - то они немедленно же тогда все происходящие между ними раздоры прекратят и примирятся, но вооружатся, яко разбойники или гладные звери, на того человека и даже готовы растерзать его, особенно же если таковой будет из их сословия. Если бы они не опасались светского правительства, то в состоянии были бы поступать с таковым, как в древности иудеи поступили со святым архидиаконом Стефаном. Это я испытал на практике, о чем скажу ниже. Это единодушие в ненависти отчасти объясняется воспитанием старообрядческих детей. Старообрядцы первый и наистрожайший детям своим урок дают, чтобы они Грекороссийской Церкви нашей гнушались и никогда бы не входили в оную, яко в еретическую и скверную. Посему, держа их на руках своих, показывают пальцем на мимо проходящих священников наших и говорят им:

- Смотри: идет еретик, антихристов слуга, щепотник, стрижены усы, табашник... Смотри: бегай их, яко душепагубных волков, и благословения от них никогда не принимай.

Так от пеленок внушается злоба и ненависть детскому сердцу.

Такие и подобные им вздоры показывались мне отвратительными и тогда, но особенно же то, что у старообрядцев запрещалось поминовение душ усопших родителей моих за то, что родители мои умерли и погребены в общении с Православной Церковью.

В спорах о правоте своих сект и толков дело доходило иногда до драки. Видевши таковые сумасбродные бредни, я удивлялся и недоумевал: какая и откуда тому злу причина? Откуда такое разделение между ними? Все они, думал я, читают только одни любимые ими старопечатные книги, по которым поют и Богу молятся: через них же надеются и спасение получить: а в толкованиях между собою различествуют... И недоумевал я.

Проживши с таковыми немалое время и довольно насмотревшись на все казусы их, чрез которые даже и голова моя заболела, я вознамерился от таковых, яко душевредных, последствий избежать и спокоеиться в тишайших местах. Наслышался я, что таковые имеются в Костромской губернии, в Рымовских лесах; и в таковой надежде, оставивши вышеозначенные Керженские скиты, яко преисполненные разных развратов и гнусных нелепостей (да не возглаголют уста мои дел человеческих!), удалился я в означенные Рымовские леса, в которых обрел скит, называемый Высоковский*. Жители же оного - иноки и бельцы - все были старообрядцы "перемазанской" секты, которой и я тогда придерживался, яко слепец - палки. Порадовался я им, яко единоверцам, и там надеялся души моей спокойствие иметь.

* Этого Высокопского скита жители напоследок, при содействии Божней благодати, оставивши нее свои богопротивные и нелепые мнения, в 1806 году присоединились к нашей Православной Грекороссийской Церкви, а в 1820 году, по прошению их. скит их по именному соизволению Государя нашего Императора Александра Павловича и по благословению Св. Синода утвержден в правильный и переименован во второклассную Высоковскую Успенскую пустынь. Настоятель же того скита, инок Герасим, яко достойный, от Костромского и Галичского епископа Самуила хиротонисан во иеромонахи и назначен в означенную пустынь строителем.

По усердному моему расположению к монашеской жизни, в том скиту постригся я во иночество от бежавшего от Святой Церкви к старообрядцам иеромонаха Ефрема, от рождения моего на двадцать втором году.

Проживши несколько времени, увидел я и в том скиту, якоже и в Керженских, раздоры по причине, что близ него имелись и другие скиты, в которых жила разная сволочь разных толков: "поповщина", "перемазанцы", "диаконовщина", "спасовщина", "нетовщина", "перекрешеванцы", "самокрешеванцы" и другие, якоже и в Керженских скитах. Чрез их поселение в Рымовских лесах живущий там народ до крайности развратился.

С этими-то людьми скитники наши нередко видались и, по их обыкновению, производили пылкие и неосновательные споры о верах своих; а я, все сие видевши, приходил в недоумение и крайнее расстройство духа моего. И как было не расстраиваться, когда при прочих развратностях старообрядческих, мне сердце поворачивало еще, Например, следующее наставление, которое они дают детям своим, особливо женскому полу: ныне де время последнее, антихристово, почему Церковь овладели разные ереси и от правоверия отступства, чрез что архиереи и священники уже безблагодатны. По сим причинам ныне в Церкви венчаться грешно; но по человеческой немощи девственную жизнь препровождать прискорбно, а потому не всякий человек сие может вместить. В таких обстоятельствах "хоть семерых роди, а замуж не выходи".

Как же было окрестному населению от таких нравоучений не развратиться? Оттого дух мой приходил в сильное расстройство, и я молился: "Господи Иисусе Христе! Есть ли ныне где истинная Церковь и вера? Я между старообрядческими скопищами таковых не предвижу, потому что они сами себя порочат и еретиками называют"... Так молился я, но что касается до возвращения моего в недра матери нашей Грекороссийской Церкви, от нее же еще в юности по невежеству моему отторгся, тому препятствовали тогда некоторые сомнения о святости и непорочности ее, потому что старообрядцы развратными толкованиями вскружили как свою, так и мою голову, якобы ныне от лет Никона, бывшего Московского Патриарха, чрез книжное исправление в Грекороссийской Церкви царствует антихрист, и в ней получить спасение невозможно.

И был я в скорби и недоумении тягчайшем, не оставляя, однако, молитвы ко Спасу Всемилостивому, да вразумит меня Он сам и да укажет Он мне истинный путь ко спасению грешной и окаянной души моей...

Во время проживания моего в Высоковском скиту я настоятелем оного послан был с книгою по разным городам и селениям собрания ради денежной милостыни на содержание братии и другие разные потребности и, прибывши с книгой той, между прочим, в

г. Мологу, от мологского купца Петра Тимофеевича Мальцева,* пребывавшего еще тогда в расколе, но уже склонявшегося к Православию, услышал анекдот о раскольниках замечательный, известный ему как очевидцу и повлиявший на него как истинный глагол Божий. Вот что рассказал мне Петр Тимофеевич:

* Петр Тимофеевич Мальцев вскоре после этого присоединился к Православию и в 1832 году скончался в добром исповедании.

"В Берлюковском раскольническом скиту, в Муромском уезде Владимирской губернии, в лесных местах, в нем же живяше раскольников около 150 человек, жил и един брат, именем Алексей, имевший ремесло переплетать книги. Умел он хорошо грамоте и переплетал у живших в скиту старопечатные книги для всего скита, а между тем приносимые к нему книги многожды прочитывал. И так, начитавшись этих книг довольно, имевши к тому и понятие хорошее, вразумился из них, что без Церкви Святой Соборной и без приобщения Божественных Тайн спастися никому не можно. И начал он размышлять, колебаться и смущаться об отлучении своем от Святой Церкви и желал со сведущими людьми посоветоваться о том.

Бысть же тогда в том скиту проживающий, отлучившийся от Святой Церкви беглый поп, человек неглупый, но бежавший от Церкви за некоторые дурные поступки свои. Означенный Алексей-переплетчик, придя к сему попу, наедине стал просить его, говоря, что он желает поговорить с ним о нужном духовном деле, а также получить от него совет с тем, чтобы поп оный о том никому не объявлял, поклявшись ему в верности пред образом Божиим, ибо Алексей боялся, чтобы скитяне не узнали о том и не прибили бы его. Поп на просьбу его дал ему клятву, что он из слов его ничего никому не скажет. Тогда Алексей открылся ему о своем сумнении, сказывая, что он много перечитал книг древних и во всех-де их написано, что кроме Святой Соборной Церкви и без приобщения Божественных Христовых Таин спастись невозможно никому. И просил Алексей того попа именем Божиим, чтобы он по чистой совести сказал ему для душевной пользы, сколько знает, сущую правду. Вот поп и сказал ему:

- Я тебе скажу правду; только и ты клянись мне так же, как и я тебе перед образом клялся, дабы, что я тебе скажу, никому того не объявлять.

Посем Алексей таким же порядком клялся попу, что он никому не поведаст того, что ему поп скажет. После такового клятвенного обязательства поп сказал ему следующее:

- Чтенное тобою в означенных книгах есть самая сущая правда и истина; и кроме Святой Соборной Апостольской Церкви, и без приобщения Божественных Таин Тела и Крови Христовой спастись никому невозможно.

И прочее об истине и вечности Церкви поп много уверял и говорил Алексею.

- А что я живу здесь, - говорил тот поп Алексею, - тому причиной дела мои: укрываюсь от начальства, избегая наказания.

От сего Алексей, уверившись о святости Церкви, начал помышлять, как бы отлучиться из скита, покаяться и присоединиться к Соборной Церкви.

Были у Алексея в том скиту двое искренних друзей-приятелей. А он наслышан уже был, что в Саровской пустыни монахи живут воздержанно и что сия пустынь не очень далека расстоянием от Берлюковского скита, - посему, сказавши двум братьям по духу, будто ему нужно отлучиться для некоторой надобности, отпросился у настоятеля. Что идет он в Саровскую пустынь, о том он не сказал никому, ниже своим двум братьям духовным. И отправился он тако в намеренный путь свой посмотреть жития оных отцов пустыни...

Долго ли, коротко ли шел Алексей-переплетчик из своего скита к отцам пустынным, но, пройдя большой лес, вышел он яве к Саровской пустыни и, увидев оную, вдруг возрадовался духом и начал молиться в радости на церковь Божию со слезами. И егда моляшеся, тогда у десных его руки три первые персты на знамение креста сложишася чудесно сами по себе, и он ими молился, таковому сложению перстов весьма удивляясь. И заключил в уме своем Алексей: "Видно, так Богу угодно!"

Пришедши в пустынь, увидел Алексей братию в подвигах молитвенных и трудах иноческих; увидел он службу церковную, исправляемую весьма тщательно и со страхом Божиим: и возлюбися все сие ему весьма, и покаялся он в сей пустыни, и приобщен был ко Святой Церкви.

Пожив там немалое время, возвратился Алексей в Берлюковский раскольнический скит с чаянием обратить ему и двух друзей своих из раскола.

И, пришедши, начал сперва к одному беседу простирать, который был посмысленнее из сих и помягкосердечнее; но, на первый случай, тот стал совсем отрекаться и противоречить сильно. По малом же времени, удалось-таки Алексею мало что внушить ему о Святой Церкви, сказывая притом и о Саровской пустыни и о благоустройстве ее. Итак, уговорил его Алексей, чтобы он сходил туда и посмотрел, и пожил бы в ней хотя недолгое время. И согласился на то друг Алексея, и пошел туда по той же дороге, по которой и Алексей ходил.. Егда же вышел он из густого леса к Саровской пустыни и увидел ее, то, будучи на том же месте, на котором и Алексей стоял и молился, ощутил и сей раб Христов в себе великую духовную радость; и в таком благодатном восторге начал молиться на церковь Божию, что в Саровской стоит пустыни. Егда же моляшеся, о чуде! - тогда и у сего брата в молении у правой руки три первые перста сложились нечувствительно сами по себе, и тремя перстами он и знамение крестное на себе сотворил. И, помолясь, пришел он в Саровскую пустынь и начал в ней присматриваться ко всему монашескому жительству, трудам и церковной молитве. По знакомству же, заведенному Алексеем, начал и сей с некоторыми отцами в разговоры входить, рассказывая о себе, с каким намерением пришел к ним.

По довольном прожитии всей пустыни оставил и этот раскол и присоединился к Святой Церкви. Потом возвратился он в Берлюковский скит с великою радостью и душевною пользой и, пришедши, объявил о себе Алексею, что и он присоединился к Православию.

И бысть между сими двумя братьями радость и любовь больше прежней. И стали они советоваться, как бы им и третьего друга своего извлечь из душевной погибели, т. е. из раскола. И начали они ему помалу предлагать, что без соединения церковного и приобщения Святых Христовых Тайн спастися никому невозможно. Доказывали они ему о вечности и непоколебимости Святой Церкви и о том, что как Церковь без епископа стоять не может, так и христианство, - и прочее многое говорили они ему; но тот брат, яко упрямый раскольник, даже и слышать сего от них не хотел, но еще и бранил их, укоряя. И сколько они ни говорили, сколько ни увещевали и ни просили, но тот никакого увещания

их не принимал.

Не успев в словесных убеждениях, стали они просить его, яко друга, чтобы он побывал в Саровской пустыни. Но он и от этого долго отрекался; однако же, по многой просьбе и молению их, едва согласился идти туда. И так, помолясь Богу, пошел и этот, с позволения настоятеля на отлучку, по той же дороге, по которой ходили и два брата, два друга его.

Егда подошел и сей к Саровской пустыни и вышел из лесу на то же место, на котором молились прежде оба его друга, и увидел монастырь, то вдруг несказанно возрадовался и от радости начал молиться усердно на церковь Божию в духовном восторге. И егда моляшеся, тогда у десных его руки три первые персты сложишася сами о себе воедино, и моляшеся ими, возлагая на себя образ святого креста. По молитве же удивляшеся попрем ногу, како персты его сложишася сами о себе, тогда как прежде ему и в ум даже не приходило никогда троеперстным сложением молиться. И пришел он в Саровскую пустынь, где увидел образ монашеской жизни благочинной, трудолюбивой и церковную службу Божию устава доброго, и вся благая, деющаяся к получению Царствия Небесного; и, взошед в дружество с тамошнею братиею, особенно с приятелями друзей его, стал с ними вести беседы о своем состоянии.

Много внушала ему саровская братия о Святой Церкви от Священного Писания, и чрез немалое время, при содействии помощи Божией, возмогла и сего упрямого в расколе третьего брата вразумить и обратить к Святой Церкви. И так, и третий брат оставил раскольническое суеверие по чудесному милосердию Божию и сделался сыном Православной Церкви.

Потом распростился он с Саровскими отцами и, испросивши их благословения, возвратился в Берлюковский скит к двум друзьям своим и пересказал им все, что с ним было.

И стало их уже в Берлюковском скиту тричисленная единица правоверных между множества жестоких раскольников...

По некоем времени, при Божией помощи, приобрели они в том скиту к своему единомыслию несколько раскольников, и стало такое отступление от раскола известно всем, отчего в берлюковских раскольниках произошел великий мятеж, смущение и ропот, а на Алексея с товарищами - великая ненависть, ибо их сочли за развратителей благочестия. И стал тут Алексей с единомышленниками своими защищать явно Святую Церковь и обряды ее, а раскольников, яко неправовверных, - обличать. И по многой распре той бысть общее согласие, а особенно со стороны раскольников, надеющихся за житие и молитвы удостоверитья чудом. И положиша, яко евреи, имеющие ревность не по разуму, такое условие, чтобы, по посте и молитве, поставить котел в руку глубины, налить его водою. а на дно котла положить крупного песку; потом котел разварить огнем, воду вскипятить и, когда вода закипит белым ключом, опустить в воду голую руку и достать со дна котла песку, помолясь Богу, чтобы, чья будет правая вера, того и рука осталась бы неврежденной.

Сделавши такое условие, положили они с обеих сторон несколько дней поститься и молиться Господу Богу, да явит Он им Свою милость.

И было с обеих сторон усердие великое, пост и молитва прилежные.

И явил Господь Бог, видя усердие, благодатное чудо для показания истины и для

душевного спасения.

По окончании назначенных дней поста и молитвы собрались все в назначенное ими место, поставили котел с водою, подложили огонь и разварили воду так сильно, что она заклокотала. Но тут вышла пря, кому из котла прежде вынимать песок. Но Алексей настоял, чтобы скитянам от большего их числа вынимать первым, поелику тех более, нежели в десять крат, да притом же они и присоветовали, чтобы чрез такое чудо явлено было, чья вера истинная.

И было с обеих сторон прение великое.

Наконец, Алексеевым настоянием и разными доказательствами принуждены были скитяне избранному от себя на то ревностнейшему по расколу брату повелеть вынимать песок из клокочущего котла. Великое было усердие и ревность того брата, но и страх не меньше. Помолясь Богу, приступил скитянин тот к котлу; но как только вложил голую руку в кипящую воду и опустил кисть руки, то руку его так сварило, что сей ревностный скитянин отбежал от котла с великим воплем.

Потом скитяне принудили и Алексея приступить к котлу. Оградив себя крепкою верою и крестным знамением и сотворив над котлом тремя перстами знамение креста Господня, опустил и Алексей в кипящий котел всю голую правую руку и, захватив со дна горсть песку, вынул и показал его всем тамо бывшим и зрящим.

Рука же его бысть цела и здорова.

Таковым чудом приведены были берлюковские скитники в великое изумление и, оставивши раскол, обратились в Православие, а некоторые, ожесточенные в расколе, разошлись.

И распростерся о сем чудеси слух по всей стране той; а Алексей с духовными и единомышленниками своими, собратиями, вышли из Берлюковского скита и водворились по разным православным монастырям.

О чудесном же том событии извещено было и в Саровскую пустынь, и в другие места во славу Пресвятого имени Божия и Святой Церкви Его".

Вот что рассказано мне было именитым мOLOGским купцом Мальцевым, и глубоко затронул сердце мое рассказ этот.

В 1790 году, бывшу мне по тому же сбору в Санкт-Петербурге, я, по совету одного со мною прилучившегося из Керженских скитов монаха Паисия, вошел с ним вместе из любопытства в Петропавловский собор, что в крепости, посмотреть на Литургию. Стали мы с Паисием вблизи и прямо против царских врат. По окончании Литургии священник по обыкновению осенил людей крестообразно рукою с возгласением: "Благословение Господне на вас" - и т.д. Тогда, по действию врага рода христианского, нападе на меня страх и ужас и, яко стрела, вонзился в мое сердце, и я почувствовал нестерпимую тошноту, а в голове боль такую, что даже в глазах потемнело. Не терпя более быть в храме, я в ту же самую минуту, быстро вышедши из церкви, яко изумленный, бежал до Апраксина переулка, где квартировал в доме петербургского купца Никиты Федорова Ямщикова. В этом доме тогда устроена была моленная, старообрядческая часовня "перемазанской" секты, и при ней беглые попы проживали. Там же проживали и приезжие монахини из разных старообрядческих монастырей. Я тогда в такое изумление пришел, что встречные

люди казались мне точно какие деревья. И когда я пришел во двор дома Ямщикова, и когда в покои вошел - все показывалось в глазах моих, яко дым, да и самый дом представлялся мне в ином виде. Встречая там знакомых мне людей, я спрашивал:

- Чей это дом? Куда я зашел?

И они таковому вопросу изумлялись и даже смеялись. Потом они спрашивали меня, какая была причина моему изумлению. Я отвечал на это:

- По любопытству моему вошел я в Петропавловский собор во время Литургии, и служащий священник осенил меня рукой, по обыкновению их, именованно, и я полагаю, что чрез такое осенение потерял я спасение свое и погиб я душевно навеки.

Именованное перстосложение старообрядцы толкуют якобы еретическое предание, да к тому же и яко печать антихристову, почему и крайне опасаются в Святую Церковь входить и благословение принимать.

Замечания всякого достойно, что монах Паисий, тогда бывший также раскольником "перемазанской" секты, потом оставил оную и присоединился к Святой Церкви, в которой и скончался в добром исповедании в Высоковской пустыни".

15 сентября

Продолжаю вписывать в свой дневник записки почившего иеросхимонаха Иоанна.

"Еще в том же году, бывши в Великом Новгороде, я, по совету того же монаха Паисия, вошел с ним в собор, называемый Софийский, то есть Премудрости Божией, ради поклонения святым мощам угодников Божиих. И вторительно почувствовал я тогда сатанинскую стрелу, почему и здесь мне показалось яко некая мгла, отчего и пол церковный показался мне якобы неровный, то есть иногда на оном являлись бугры и иногда - ямы. Опять в мысли мои вошел страх и ужас до того, что я думал, как бы мне не провалиться сквозь землю. От сего и святым мощам я поклонялся с торопливостью и целовал оные с холодным духом.

Обаче после вышепоказанных со мною происшествий, по любопытству частью, а частью по усердию, стал я посещать православные монастыри и пустыни, как-то: Николаевский Пешношский монастырь, Берлюковскую, Екатерининскую и другие пустыни, Свято-Троицкую Сергмеву Лавру, Флоришеву пустынь; был и в достопочтеннейшей Саровской пустыни, и в Санаксарской. Наипаче возвеселила дух мой святая Саровская пустынь, в коей церковное столповое пение отправляется прекрасно и монашеское благочиние исправляется в наистрожайшей степени, какового благочестия в старообрядческих монастырях и скитах мне видеть не приходилось.

В сей великой пустыни и я, низайший, в 1807 году удостоился попользоваться от православно-монашескующих душевными и телесными Авраамскими назиданиями в течение шести месяцев и за все сии чувствительнейше благодарю и молю сладчайшего Иисуса, да воздаст им достойную мзду, егда придет во славе Своей, а в нынешнем веце да процветает пустынь сия, яко крин Господень. О пустыни сей по справедливости смею сказать: вот, в нынешнем веке примерная пустынь, украшенная как по внешности, так и внутренне христианскими, монашескими добродетелями. Во дни моего проживания в оной пустыни монашескующих находилось более ста человек и столько же послушников, - и все они, каждый по силам своим, усовершенались в добродетели. И были между ними

такие великие, что столпом огненным досягали еще при жизни своей самых небес... Был я и в Белоезерском, и Новоезерском, и в Тихвинском, и других монастырях Новгородской епархии, в коих имеются святых угодников Божиих нетленные мощи и святые чудотворные иконы; и во всех этих святых местах я входил с благоразумными людьми в разговоры и в рассуждения о Православии Греко-российской Церкви и о старообрядческом состоянии. И мне представляли от Священного Писания и разных достоверных церковных учителей доказательства и убедительные, неоспоримые резоны, яко в Грекороссийской Церкви ересей и от правоверия отступств не имеется никаких, но Православие сохраняется и сияет, яко солнце, в полной мере, якоже и в древности. Доказывали мне, сколь потребно ко спасению душевному соединению с Церковью, которая, якоже корабль для преплытия моря, потребна - без нее же спастись невозможно. Доказывали мне, сколь душевреден порок отступления церковного, его же даже и кровь мученическая загладить не в состоянии. Касательно же старообрядческого, вернее сказать раскольнического, состояния, то мне доказано было, что оно, яко отторгшееся Святой Церкви, за то и под клятвою правильно обретается. Горе таковым, кои, находясь в расколе, не предварят исправить себя покаянием и присоединением к ней.

Наслушавшись всех этих и многих других яснейших доказательств, я был убежден совестью признаться тогда в заблуждении своем. Притом же еще, достовернейшего ради уверения о святости Православной Церкви, я вдался прилежному чтению Св. Писания и разных изданных от Святой Церкви книг против непокоряющихся ей. Такими путями постепенно стал я, яко от сна, пробуждаться и в чувство приходить, и признавать совершенное свое старообрядческое заблуждение. О, как удивлялся я тогда своей прежней слепоте и невежеству! И молился я Господу, чтобы благодать и благодать Божия, умудряющая младенцев и не хотящая смерти грешнику, открыла и мне умные очи в совершенное познание святости, и непорочности, и православия Грекороссийской Церкви.

В таковом благом разумении о Святой Церкви я прожил в Высоковском скиту еще пять годов, в тех мыслях, чтобы и прочим своим заблудшим собратиям показать путь к познанию истины.

Во время проживания моего в скиту, по внешности еще принадлежа к раскольническому заблуждению, в одну ночь, спящу мне в покое на постели, услышал я ужасные громы и видел страшные молнии, отчего я сделался в преужасном страхе и трепете. И в таком положении будучи, я прикинул будто бы в окно посмотреть, - и увидел я весь воздух покрытым темными, даже черными облаками, и из них редела ужасная буря, а в той - огонь и дым. И падали звезды с неба, и птицы, сраженные на полете внезапною смертью, валились на землю; а на земле люди, великое множество людей, бегали, как помешанные, и кричали:

- Горе, горе! Горе нам, грешным: второе пришествие Христово наступает!

Видя все эти ужасы и не терпя быть в покоях, я выбежал наружу к этим людям и между ними увидел неких черных (думаю демонов), опутывавших всех, кого я видел, толстой, как канат, веревкой; и черные эти влекли опутанных к какой-то высокой горе, в которой зияло, как пропасть, широкое и глубокое отверстие. Веревкой этой с прочими людьми захвачен был и я; и сколько я ни старался освободить себя от нее, сделать этого не мог: когда я хотел перескочить через нее, она поднималась вверх, а когда я хотел подлезть снизу - она опускалась до самой земли, и были все мои труды тщетны. И - увы мне окаянному! - не мог я освободиться и с прочими был вовлечен в пропасть, в которой

увидел великое множество связанных людей, черных и смрадных, лежащих на дне пропасти, стонущих и трясущихся. И спросил я некоего человека:

- Что это и какие это люди?

- Это, - ответил он мне, - грешники, осужденные на бесконечные муки. Здесь и твоя часть!

О, Боже мой! Сколько же в то время о своей участи сожалел я и плакал, и в каком был я тогда ужасе - того не могу ни языком изъяснить, ни на сей хартии пером начертать.

По сем пробудился, имея очи, исполненные слез, и все чувства мои - трепетания.

Прошло с того видения без малого 60 лет, а оно стоит передо мною, как живое, до сего дня, почему и почитаю я его не за простой сон, а за некое чудесное откровение, данное мне для исправления грешной моей жизни".

16 сентября

Продолжаю рукопись о. Иоанна. "Видение это, указавшее мне, что своими силами без помощи истинной Церкви мне, да и никому, спастись нельзя, укрепило меня в намерении скорее уйти из раскола.

Во все время пятилетнего моего по возвращении со сбора пребывания в Высоковском скиту я многократно вступал со своею раскольничью собратиею в беседы о православии Грекороссийской Церкви и об ее обрядах. В этих беседах я обнаруживал все заблуждение их, почему некоторые из них убеждены были совестью своею признаться в невежестве своем и заблуждении и тем оправдать истинность и святость Православной Церкви. А ожесточенные в расколе бедне гневахуся на мя за сие, скрежетаху зубами своими, называли еретиком и отступником от их православия и избирали удобное время попотчевать меня по-солдатски. Хотя я и знал их мысли, но не надеялся, чтобы могло от них, яко монашествующих и собратий, последовать для меня что-либо вредное. Более же обеспечивался я тем, что из числа братии некоторые уже защищали меня, да притом же и настоятель того скита поддерживал мою руку. Обаче, некоторое время спустя, некоторые от братии, ревностно придерживавшихся раскола и злобствовавших на меня, нарочито собрались в казначейскую келью. Выпили они там несколько горячительного, позвали меня, якобы для дела, и приказали сесть, и сами завели речь о Грекороссийской Церкви и об ее обрядах и, по обыкновению их, стали произносить на нее разные клеветы и нестерпимые ругательства. И приступили они тут ко мне, и стали спрашивать, как я разумею о ней и согласен ли с мнением их. И на вопросы их я сказал им следующее:

- Для чего вы меня истязуете и хотите знать мнение мое, яко новое, о Церкви Святой? Известно вам всем, что я о сем пункте и прежде сего многократно говаривал с вами и доказывал. Да и ныне скажу, что Православная Грекороссийская Церковь свята и непорочна, и обряды ее честны и приятны достойны, а ваше мнение и состояние порочно и душевредно. Да заградятся же уста глаголящих суетная и ложная на Церковь Христову!

И они, действительно, молчаша, а я продолжал: - Отцы честные и братия! Побойтесь вы Бога и суда Его! Докудова будем спать, яко в ночи, в невежестве нашем? Вонмем и восстанем! Уже время пробудиться и при свете Евангельского светильника посмотреть на состояние нашего суеверия. Мне показывается ясным, яко основание веры нашей - не на твердом камени, а на песке, потому что во всех наших старообрядческих сектах не предвидится истинного пристанища, то есть Святыя Церкви, в коей любовь и согласие,

каковых в скопищах наших нет, потому и Церкви не имеется. В Церкви должно быть епископам, без которых Церковь существовать не может; а в старообрядческой мнимой не тобою что епископов не имеется, но даже и священников правильных нет. Хотя и мнится им иметь некоторых якобы пастырей, но неправильных и безблагодатных, отлучившихся Святой Церкви интереса ради или за какую-нибудь важную погрешность, из-за которой, избегая заслуженного наказания, они и приходят к старообрядцам. И таких-то законопреступников старообрядцы укрывают.

Услышав это, они закричали, как сумасшедшие:

- Ах ты, еретик! Как ты осмелился поносить благочестие пастырей наших, чрез которых мы, яко чрез Ангелов Божиих, надеемся спасение получить? Не потерпим более сего! Мы уже давно собирались за сие тебя попотчевать хорошенько, - настало ныне то время: мы тебя поучим, чтобы ты о сем говорил покороче.

Итак, Иаковлевы дети, на брата своего, Иосифа, разъярившись, яко дивии звери, зубами своими заскрежетали, бросились на меня, схватили за волосы и ударили о помост. Они меня били, топтали ногами, сколько злости их было угодно; а иные из них, смотря на сие, смеялись и восклицали:

- Терпи, терпи, брате, да на успехи ти будет! Писано бо есть: "Аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение". Ты ныне познал Православие, ну, так бы и говорил о нем покороче!

Благодарение милосердому Богу - не оставил Он меня: нашлись из той же партии кое-кто подобродушнее и, сожалея обо мне, побежали дать знать о сем настоятелю скита, иноку Герасиму, который был для меня особо благодетельный отец и покровитель. Настоятель прибежал в скорости с другими братьями и едва мог исторгнуть меня из рук тиранских и скрыть меня от них в потаенное место. Они же по таковом надо мною торжестве напились, сколько могли, пьяные, и, яко беснующиеся, кричали, бегали, искали меня повсюду, но к счастью моему и их, не отыскали.

Через три дня после того, когда я оправился от побоев, настоятель выпроводил меня ночью из скита тихими стопами в деревню, называемую Высоково, отстоящую от того скита в трех верстах, а из Высокова на наемной подводе я был им отправлен в Нижний Новгород.

И решился я с того времени с означенными скитниками, и с подобными им, компаний более никаких не водить и совершенно присоединиться к Святой Церкви.

Но потчевание то голова моя, грудь и ребра чувствуют и доднесь.

Что же касается оскорбивших меня, то некоторые из них, напоследок раскаявшись, много сожалели о таковом поступке и, при содействии Божией благодати, придя в чувство, через год вместе с настоятелем своим присоединились к Грекороссийской Святой Православной Церкви. Ожесточенные же и пребывшие без раскаяния, те, яко пружи, разыдошася по разным Керженским скитам".

17 сентября

Скончавшийся в Господе отец иеросхимонах Иоанн, из записок которого я выписал себе для памяти наиболее интересное и назидательное, истинно великий был раб Божий и

исповедник крепкий Православной веры, которой он и послужил даже до крови. Всю свою многотрудную, по присоединении к Святой Церкви, жизнь он посвятил борьбе с расколом и письменными своими трудами, и горячим словом убеждения. Мир святому праху трудника Божия! Присоединение к Православию целого раскольничьего Высоковского скита создается едва ли не на мученической его крови: после истязаний его, понесенных им от Высоковских изуверов, только год ведь прошел, как весь скит уже стал православным. Смирение его не допустило в его записках поставить в причинную зависимость эти два события, но имеющему уши слышать и очи вплести связь событий этих почти очевидна.

За год до смерти о. Иоанна, под тринадцатым числом октября 1848 года, им записан виденный им знаменательный сон. Записан он дословно так:

"1848 года, октября 13 числа, в ночи, во сне представилось: будто бы я и множество разного звания людей стояли во храме, украшенном святыми иконами. И пред царскими вратами, пред аналоем, в виде человека, по мнению моему, стоит, будто бы. Господь Иисус Христос. Он стоит и читает тихо книгу, в коей написаны были грехи, соделанные человеками. И я, зная множество соделанных мною при жизни разных грехов и преступлений против Закона Божия, обличаемый совестью, стою в великом страхе и трепете, ожидая от праведнейшего Судии конечного изречения и осуждения меня на бесконечное томление в адских темницах. А для ввержения туда грешников позади нас стояли демоны в виде человеческого, ожидавшие приказания для исполнения дела. Но, паче чаяния, неизвестно почему, такое осуждение оставлено было до другого времени... После такого видения я проснулся и долго был в ужасе, от которого даже почувствовал болезнь в себе".

В тех же записках отца Иоанна я нашел еще нечто, достойное благоговейного внимания. Нечто это - "Малая повесть об одной брянской монахини", записанная собственною рукою почившего старца. Выписываю ее целиком.

Малая повесть об одной брянской монахини

"В декабре 1842 года был я по делам монастырским в г. Брянске Орловской губернии, и вздумалось мне пойти в тамошний девичий монастырь, где, отстояв утреню, в междучасие от утрени до обедни, вышел я из церкви и сел на лавочке отдохнуть. Тут подошла ко мне одна монахиня по имени Евгения, которая должна была пономарить во время следующей Литургии, и спросила меня:

- Из какого вы, батюшка, монастыря? Я ответил.

- Где вы были и куда путь держите?

- Был, - отвечаю, - в Кромах и других городах.

- Хорош был, - спрашивает, - сбор в Кромах?

- Плох, - отвечаю, - уж очень там, матушка, много ожесточенных раскольников.

Монахиня усмехнулась, а затем стала мне рассказывать :

- Я, батюшка, ведь и сама Кромская - знаю хорошо город этот. Была я рождена и воспитана православными родителями, а замуж выдана за раскольника

"перекрещенской" секты. По малоумию моему, меня уговорили - особенно свекор, лютый

враг Святой Церкви, - вступить в эту секту с исполнением их душепагубного обряда. В деревне Калчевой меня и перекрещивали. Когда стали меня погружать в кадущку, наполненную водою, я пришла в какой-то ужас и вдруг ощутила во всем теле необыкновенную немощь. В страхе нечаянно взглянула я вверх и вижу: от меня отлетел белый голубь, которого я и теперь, как сейчас, вижу. По мирской рассеянности, я, с течением времени, об этом позабыла, но когда попущением Божиим в краях наших начала свирепствовать холера, которой и я не миновала, то тут я опомнилась от своего заблуждения. Как схватила меня холера да стала корчить, тут и стала я просить Бога, чтобы Он открыл мне веру истинную, православную. Только не надеялась я тогда и ночь прожить... Когда стало мне уж очень плохо, выползла я, чрез великую силу, в кухню для того только, чтобы меня видели, как я помирать буду. Не чаяла я тогда в живых остаться... Только около полуночи я вдруг почувствовала облегчение и слышу голос:

- Евфросиния! Присоединись к Церкви.

В миру меня Евфросинией звали... И было мне это, что я голос слышала, - до трех раз. Поутру я почувствовала совершенную ослабу от болезни и стала рассказывать домашним, что со мною в ночи было. А свекор как взглянет на меня свирепым взором да как крикнет:

- Вишь, как дьявол ненавидит добра-то? Хочет перед смертью нарушить твоё спокойствие.

Я опять от этих слов поколебалась, а к вечеру болезнь вернулась ко мне с сугубой силой.

Я опять выползла в кухню и опять явственно слышу тот же голос:

- Евфросиния! Присоединись к Церкви. Спала ли я или нет. когда слышала этот голос, - сказать не умею, но, кажется, не спала. Тут я уже в полном сознании в ответ на голос этот дала обещание присоединиться к Церкви, но в то же время мысль моя колебалась между решимостью моею и боязнью свекра с его ненавистью к Православной Церкви. Вдруг взор мой упал на какую-то икону Божией Матери, которой, я знала, в кухне не было, и вижу я: наклоняется эта икона надо мною, и так - до нескольких раз... Поутру опять болезнь моя от меня отступила.

Пришла ко мне в это утро племянница моя справляться о моем здоровье, а я совсем здорова, да и рассказываю ей, что со мною было. Схватила меня племянница за руки и стала усердно просить идти с нею в церковь. Сначала я было стала отговариваться, а потом поддалась на ее увещания и хоть с неохотой, а все-таки решилась идти. Только вышла я с ней из дому в проулок, как вдруг слышу: посыпались откуда-то на меня страшные ругательства.

Гляжу: какие-то странные люди везут на лошадях огромной толщины бревна и кладут мне их поперек дороги. Я перелезаю через них, а племянница с удивлением на меня смотрит и ничего не видит. Трудно мне было через эти бревна лазить, а все-таки, сопровождаемая ругательствами этих людей, я добралась-таки с племянницей до церкви и, к великому моему изумлению, в церкви, на столпе, я вижу ту икону, которая ночью в видении несколько раз наклонялась надо мною.

И объята я была страхом великим и радостью пресладкою.

Отстояла я Божественную Литургию: прихожу домой, а муж мой и спрашивает меня:

- Где была?

Я и рассказала ему все по порядку, что со мною было и как взыскал меня Господь Своею милостью.

Выслушал меня муж со вниманием да и говорит:

- Не препятствую я тебе в добром деле. Наутро собралась я к заутрени, а свекор свирепо так на меня глядит и спрашивает:

- Ты это куда?

А муж за меня отвечает:

- Батюшка! К заутрени жена идет: вы ей не препятствуйте - она присоединилась к Святой Церкви.

Аж зарычал свекор мой, но делать было, видно, нечего: поздно схватился - дело было сделано. А вслед за этим подкосила моего свекра коса смертная, и так и умер он в своем закоснении. Умер вскорости тут и муж мой, но его Господь перед смертью удостоил присоединиться к Православию. И осталась я вдовою с двумя малолетними детьми - сыном и дочерью. Отдала я сына в Брянск к хозяину, а он, немного поживши, угорел в бане да и помер. Пришла я в Брянск поминать сына, зашла в девичий монастырь да тут и осталась, и дочь свою с собою прихватила - слава Тебе, Господи!"

С любовью и радостью выписал я себе для назидания эти истинные события из жития блаженных памяти старца иеросхимонаха Иоанна. Молитвами его святыми да управит и мой путь к вечности всещедрый Податель благ вечных, в Троице славимый Господь наш!..

20 сентября

О слабом и несовершенном обращении к Богу

Люди, удалившиеся от Бога, думают, что они опять приблизились к Нему, коль скоро несколько стали приближаться к Нему. Самые образованные, самые просвещенные люди часто находятся в таком грубом заблуждении касательно этого предмета. Если простолюдин, которому удавалось бы часто видеть царя на улице, возомнил бы себе, что он тем самым уже находится при дворе в числе царских приближенных, то заблуждение его ничем бы не отличалось от вышеуказанного. Люди, несовершенно обращающиеся к Богу, обыкновенно оставляют грубые пороки, но продолжают вести жизнь хотя и менее порочную, но все же мирскую жизнь, исполненную рассеянности. Они судят о себе сравнением своей настоящей жизни с прошедшею, а не по Евангелию, которое должно быть единственным основанием суждения. Люди эти почитают себя праведными и засыпают глубоким сном беспечности, не заботясь более о своем спасении. Такое состояние может быть опаснее явно развратной жизни. Развратная жизнь может возмутить и пробудить дремлющую совесть, возродить расположенность к вере и побудить к великим усилиям приобретать спасение. Несовершенное же, поверхностное и внешнее обращение к Богу только заглушает спасительный голос совести, водворяет и утверждает в сердце ложное спокойствие и соделывает неисцелимыми внутренние душевные болезни.

Человек, несовершенно обратившийся к Богу, обыкновенно говорит: "Я раскаялся перед духовным отцом во всех слабостях моей прошедшей жизни; я читаю хорошие книги; хожу к богослужению, молюсь Богу и, кажется, искренним сердцем избегаю грубых, по крайней мере, пороков; но я признаюсь, что не чувствую себя способным жить так, как бы я совсем

не принадлежал к миру, и не могу прервать моих отношений к нему. Религия была бы слишком строга, если бы она запрещала такие связи с миром, которые, по моему мнению, не заключают в себе ничего предосудительного. Все утонченности, которые ныне предлагают в деле благочестия, идут так далеко, так они требовательны, что ими можно человека скорее привести в малодушие и ослабить его деятельность, нежели возродить в нем любовь к добру". Таково рассуждение христианина, который хотел бы получить рай за самую дешевую цену, который не хочет вдуматься, чем человек одолжен Богу и какой дорогою ценою приобретает вечное блаженство теми, кто его получает. Такой человек далек от совершенного, истинного обращения к Богу: он не знает ни важности, ни обширности Закона Божия, ни обязанностей покаяния. Хотелось бы ему, чтобы нравственное Евангельское учение позволило некоторые дела, приятные для нашего самолюбия. Но Евангелие свято и неизменяемо; все люди будут судимы по его заповедям.

Слабый и беспечный христианин! Оставь ложные умствования и прими себе в руководители Евангелие: оно покажет тебе истину и научит следовать ей.

О необходимом условии к получению Духа Святого

Отец, Иже на небеси, даст Духа просящим у Него. Дух Святой есть Дух истины. Он руководит человека к духовному совершенству. Напротив, дух злобы, дух мира и дух нашего собственного самолюбия есть дух обмана и заблуждения: он удаляет человека от истинного блага. Если мы хотим быть свободны от влияния на нас духа злобы и духа мира, если мы желаем руководиться единственно Духом Божиим, то отречемся от духа самолюбия, совлечемся похотей плоти и облечемся в правду и святость воли Божией. Отвергнем суетную мудрость ума нашего и последуем единственно Премудрости Божией; не будем обоготворять кумира самолюбия нашего, подобно красивой, но преданной миру женщине, которая боготворит кумир лица своего. Сердцем будем подобны младенцам, чтобы иметь простоту веры, чистоту и невинность нравов, чтобы чувствовать ужас греха и не стыдиться унижения и святого юродства крестного, которое есть сила и Божия премудрость.

21 октября

Пяток. Пополудни в 8 часов вечера неожиданно прибыл в монастырь наш о. наместник Троице-Сергиевой Лавры, архимандрит и кавалер Антоний с малоярославским о. игуменом Антонием.*

* Не из числа обыкновенных смертных были эти оба посетителя - наместник Лавры архимандрит Антонии и малоярославский игумен Антонии. Первым был близок к преподобному Серафиму и к великому митрополиту Московскому Филарету: второй - родной брат великого оптинского игумена (впоследствии архимандрита) Моисея и Саровского игумена Исаии, отличался великим подвигом личной духовной жизни. Оба были яркими представителями духовной силы истинного монашества первой половины XIX века.

22 октября

Храмовой праздник явления иконы Богоматери Казанской. Божественную службу совершал о. игумен М. соборно. Высокие гости - о. архимандрит Антоний с о. игуменом Антонием - утром посетили все монастырские службы: братскую трапезу, хлебопекарню, рухольную и проч.; потом слушали позднюю литургию. Трапезовали обще с братией. О. архимандрит Антоний, по смирению своему, не согласился в трапезе сесть на приготовленном стуле возле настоятеля, но сидел вместе с братнею, почитая себя странником и ничтоже глаголаше.

Пополудни, в три часа паки, о. наместник с о. игуменом Антонием отправились в Скит, посетили скитона начальника о. М., церковь и прочие в скиту места.

23 октября. Воскресенье

О. наместник с о. игуменом Антонием паки отправились в скит к обедне в 7 часов утра и до 11 часов время проводили в духовной беседе со скитона начальником - старцем о. М. Оттуда все трое прибыли в обитель к настоятелю, о. игумену М., и трапезовали четверо. Отец наместник при трапезе, казалось, более насыщал - питал своею любвеобильною, смиренномудрою беседою души слушающих, нежели пища - тело: так он сладкоглаголив, что, слушая его, не почувствуешь усталости и в целые сутки.

Пополудни, в 3 часа паки, о. наместник с о. игуменом Антонием отправились в скит; отправили панихиду в скитской церкви по иеросхимонахе Иоанне и прочих почивших старцах, записанных о. наместником, и вновь продолжали беседу с о. скитона начальником, о. М., о душевной пользе. Вечером же в настоятельских келлмах продолжали духовную беседу до 12 часов ночи.

24 октября. Понедельник

О. наместник и старцы были у ранней Литургии, после которой назначен отъезд из обители. Беседуя в последний раз в настоятельских келлиях, о. наместник сказал:

- Время, старцы Божий, расстаться нам!

Трогательны были минуты прощания их. О. наместник прочитал молитвы с отпуском на путешествие; все четверо поверглись смиренно друг другу в ноги, плакали и просили взаимных молитв друг о друге.

До монастырского парома шли все пеши. На берегу, простившись со старцем о. М., убедили его не входить в паром, опасаясь для него простуды, ибо он, забыв свою недавнюю болезнь и старость, провожал легко одетый. Когда паром двинулся от берега, о. наместник сказал с поклонением старцу о. М., стоявшему на берегу:

- Простите, батюшка о. М., перекрестите нас!

Батюшка, в свою очередь, поклонился и, смиренно повинувшись, осенил знамением крестным пльвших на пароме и сказал:

- Не пойду, пока не увижу благополучной переправы вашей.

Когда же паром пристал к другому берегу, старец о. М. сказал:

- Теперь радуюсь, видя благополучно достигших берега. Благословите же и меня, о. архимандрит!

Повинуясь старцу, и о. наместник сделал на старце знамение креста и умиленно сказал:

- Буди с вами благословение Божие. Простите, батюшка, и помолитесь. - И оба они на разных берегах низко поклонились друг другу.

О. игумен М. провожал о. наместника с о. игуменом Антонием до сельца Кожемякина за 20 верст от обители, где посетили помещика Николая Ивановича Хлюстина, который нарочито приезжал в нашу обитель и убедительно просил заехать к нему в дом. Там расстались и с о. игуменом М., который возвратился в монастырь в девятом часу вечера; а о. наместник с о. игуменом Антонием отправились до Перемышля на обительских лошадях; из Перемышля же того же вечера, в 8 часов, отправились в Калугу, поспешая из опасения осенней ненастной погоды.

Посещение достоуважаемого о. архимандрита Антония, изъявленное им архипастырское благословение высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского, и доставленные неоценимые дары на благословение монастырю и скиту пребудут неизгладимо в памяти. Трогательно видеть обращение между собою таких, соединенных духовным союзом любви о Христе, мужей; еще более назидательно и утешительно было слышать духовную их друг с другом беседу.

Вот как о сем посещении выразился батюшка, старей наш о. М., в письме от 25 октября к знакомым:

"Все эти дни были мы в приятных хлопотах: в пятницу вечером, т. е. 21 числа, утешили нас своим посещением почтенно-любезные гости - лаврский наместник о. архимандрит Антоний с малоярославским игуменом о. Антонием. Ласковому, приятному его обращению с нами, убогими, а паче со мною, ничтоже стоящим, надо было удивляться. Кажется, он любовью дышал, что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово его любвеобильной беседы запечатлевалось в сердцах наших, а описать оные тупое мое перо с таким же умом не имеет способности. Наградил скит наш святынею и еще обещал прислать. С каким благоговением принял рукоделие скита нашего - ложечки и точеные штучки - надо было удивляться! И хотел представить оные митрополиту. Ну, словом, оставил память и пример нелестной любви и смирения. Что можем воздать ему? Токмо в благодарном сердце сохранить сие чувство и молить Господа простым словом: спаси его. Господи!"

1 ноября

О терпении в бедствиях

Спаситель сказал: *В терпении вашем стяжите души ваша.* Человек, не желающий охотно переносить несчастий жизни этой, не имеет власти над собою: он, так сказать, бежит от самого себя. Но человек, охотно и без роптания переносящий бедствия, посылаемые Провидением, находится в мире с самим собою и Богом. Быть малодушным и нетерпеливым - значит желать того, чего не имеем, желать свободы от всякого зла, совершенно несообразной со свойством ограниченной природы человеческой, или значит не желать того, что имеем, не желать пользоваться силами, данными нам для перенесения несчастий. Малодушие и нетерпение показывают, что человек увлекается страстями сердца своего, которых обуздать не может ни разум, ни вера. Несчастье, которое терпит человек, перестает быть несчастьем, если он терпит его охотно и со смирением. Для чего же нетерпением и ропотом из мнимого зла сделать себе зло истинное? Внутреннее спокойствие находится не в чувствах, а в воле. Оно нимало не

нарушается и самую сильную горестью, если воля остается твердою, спокойною и покорною Промыслу.

Слыша ропот и негодование человека, находящегося в несчастии, можно подумать, что он самый невинный в мире, что весьма несправедливо не позволено ему быть в раю земном. Но пусть он вспомнит все грехи свои перед Богом, пусть основательно размыслит о глубине своего развращения, о своем недостоинстве пред Богом: тогда он, без сомнения, согласится, что правосудие Божие имело причины наказать его несчастьем. Тогда вместе с блудным сыном, в глубоком смирении, скажет он: "Согреших на небо и пред Тобою! Я знаю, чем должен я Твоему правосудию, но мое сердце неспособно дать Тебе удовлетворение. Ежели бы Ты простил мне преступления Закона Твоего, мое сердце не почувствовало бы благодарности к Тебе: оно более бы удалилось от Тебя. Но Твоя милосердная Десница сама исполняет надо мною то, чего исполнить я сам никогда не был бы в состоянии: она поражает меня, будучи побуждена к тому Твоею благодатью; поражает, дабы исцелить мои душевные раны. Дай мне силу переносить терпеливо Твои спасительные удары! Грешник должен с благодарностью принимать от Тебя их, как способ возвращения к Тебе, которого избрать он сам не имел бы ни мудрости, ни силы. Твое милосердие ко мне, сыну погибели, пригвоздило некогда ко кресту Единородного Сына Твоего и соделало Его Мужем болезней... Пусть же страдальческий образ Его показывает мне непрестанно, что я должен более страшиться мучений вечных, нежели мучений, уготовляющих мне вечное Царствие с Сыном Твоим..."

Образцом терпения всяких скорбей, даже до скорби смертной, были всегда для нас наши великие старцы. Таким крестоносцем терпения был и старей Леонид, в схиме Лев, отшедший ко Господу в монастыре нашем 11 октября 1841 года, - с небольшим, стало быть, семь лет тому назад. Я жил при его старчестве в обители нашей более десяти лет. Вся жизнь этого великого старца была скорбь и гонение; по неисповедимым путям Божественного Промысла, проходя в мир горний вечного радования, он и перед самым исходом души своей из тела призван был потерпеть тяжкие страдания. У меня сохранилось письмо одного из ближайших учеников его, строителя Тихоновской пустыни, Геронтия, к одной боголюбивой особе, и в письме этом изображена кончина этого истинно "до конца претерпевшего" подвижника веры Христовой.

"Предчувствуя, - так пишет о. Терентий, - скорое скончание свое и отшествие к Богу, батюшка, в бытность в нашей обители, сказал:

- Не увижу я, видно, трапезу новую...

- В то время, за благословением его, она начала строиться.

Мы же ответили:

- Может, Господь и продлит вашу жизнь и нас утешит?

Но он говорил:

- Нет, едва ли до зимы проживу; уж я отъездил к вам и не буду здесь больше.

И давал конечное решение в недоумениях. Одному князю московскому (имени его не могу означить) говорил:

- Поживи, если хочешь, до ноября и схоронишь меня.

Но ему так удивительно показались эти слова, что он не решился остаться. Когда же дошло до него известие о кончине батюшки, то от сбивчивости его слов весьма удивился и писал: "Неужели сей светильник получил скончание дней своих?". О чем и послано было к нему уверительное известие.

В первых числах сентября начал батюшка ослабевать здоровьем, но до 15-го числа еще ходил по келье, а в праздник Рождества Богородицы и Воздвижения Честного Креста Господня, на всенощном бдении, которое по болезни его служили у него в келье, во время положенное сам кадил, но был поддерживаем и пел по силе своей величание. 16 числа, по своему желанию, был особорован св. елеем при множестве братии, любивших его, куда я нечаянно подоспел со своими сотрудниками: о. Сергием, о. Михаилом и о. Ефремом. И удивительно нам было смотреть, отчего такое большое стечение братии, ибо никому не сказывали и хотели тайно от всех, кроме священных особ и им сослужащих сие исполнить. Это было желание самого батюшки нашего. От сего дня более начал он готовиться к общему долгу - смертному часу и при прощении молитв от приходящих братии утешал их своим благословением; иному при том давал книгу, иному - образ и никого не оставлял без утешения. В 28 день сентября по его желанию был сообщен Св. Христовых Тайн, и над ним был пропет канон исходный. Это удивительно было и ужасно всем. Размышляя в себе скорое свое сиротство, начали братия просить его, дабы не оставлял их в скорби. Он же, слыша сие и видя, возмущился духом и, мало прослезившись, сказал:

- Дети! Если у Господа стяжу дерзновение, всех вас приму к себе. Я вас вручаю Господу: Он вам поможет течение сие скончать, только вы к Нему прибегайте - и сохранит Он вас от всех искушений. А о сем не смущайтесь, что канон пропели: может быть, и еще раз шесть или семь пропоете.

Что и случилось на самом деле, ибо по его слабости канон сей пели от 28 сентября до 11 октября восемь раз и двенадцать раз сообщали его Св. Христовых Тайн. Пищи же никакой не мог вкушать!

От 28 сего сентября начал более ослабевать силами, а 6 октября не стал уже и вставать, но, на смертном одре лежа, взывал умиленным гласом:

- О, Вседержителю, о. Искупителю, о, Премилосердый Господи! Ты видишь мою болезнь: уже не могу более терпеть - прими дух мой в мире!

А потом:

- Господи, в руке Твои предаю дух мой!

А после сих произношений непрестанно взывал и к Божией Матери, Преподобной Богородице, прося от Нее помощи. К приходящим же отцам и братьям говорил:

- Помолитесь, чтобы Господь скорее сократил жизнь мою!

Но потом, паки повинувшись воле Божией и возлагая себя на Его Промысл, взывал:

- Господи! Да будет воля Твоя, и якоже Тебе угодно, тако сотвори.

И так продолжал подвиг свой до утра 11 числа. Утром же 11 октября в 20 минут 10-го часа начал креститься и говорить:

- Слава Богу! Слава Богу!

И сказавши много раз эти слова, помолчал мало и обступившим его потом сказал:

- Через час милость Божия на мне будет.

И через час с того времени, как сказал это, начал более веселиться духом и радоваться сердцем и, хотя в трудах болезни, но уповая на будущее воздаяние, не мог скрыть лица, которое все более и более стало светлеть. Когда приблизился вечер и заблаговестили к вечерне, он, услышав звон, приказал читать вечерню и слушал оную, а каноны велел оставить. Сам же начал говорить:

- Слава Богу, слава Богу!.. Слава Тебе, Господи! И богомудро, великою пользою исполненные, давал вопрошающим его ответы. Простясь со всеми, послал нас ужинать, оставив при себе только одного брата, который, заметивши его редкое дыхание и быстрый взор на икону Пресвятой Богородицы, в ту же минуту позвал нас; но уже батюшка перестал говорить. Мы, видя его кончину, прослезились. Но он, посмотревши на нас, перекрестил сам себя, а потом, сложив руку, благословил ясно всех нас предстоявших и опять взглянул на икону Божией Матери, как будто просил о нас заступиться. После сего закрыл глаза и отошел в небесные селения в 7 часов и 20 минут вечера 12 числа октября.

По кончине батюшки нашего приближенные старца и братия начали советоваться, где погребсти его тело, и у всех явилось желание положить его в монастыре против придела Св. Николая Чудотворца

Введенской церкви и предложили о сем игумену, на что он изъявил согласие. Удивления достойно, как при сем сбылись слова батюшки, которые мы, однако, припомнили уже после похорон: он еще при жизни своей, как бы шутя, уговаривался с находившимся в монастыре, где он старчествовал, Алексеем Ивановичем Желябужским, скончавшемся там же в июне, и говорил ему:

- Старец! Мы с тобою рядышком ляжем и бок с боком.

Так и лег с ним рядом.

Достойно еще удивления, что тело батюшки, находясь во гробе до третьего дня, согрело всю одежду и даже немного доску гроба; ручки же его были весьма мягки и имели особенную белизну. Между тем, он, бывши больным, имел и руки, и все тело холодным и многим любящим его говорил:

- Когда получу милость Божию, то тело мое согреется гораздо теплее.

Это мы и увидали на самом деле. Особливо же о сем говорил батюшка своему ближайшему и любимому келейнику Иакову.

При погребении народу было множество, как в великий праздник, и, по любви к старцу, его тело целовали со слезами и прощались непрерывно четыре часа.

Такова награда от Бога еще здесь, на земле, богоугодному терпению. Какова же она там, на небе?!

9 ноября

2 марта, в среду Св. Четырдесятницы, - отмечено в моих черновиках, - выбыл из нашего

монастыря г. Пороховшиков Иван Александрович, поступивший прошлого 1848 года в октябре месяце из отставных поручиков. Он все время пребывания у нас занимался чертежами, снятием копий с планов и фасадов монастырских зданий и также с натуры.

Замечательно происхождение его и не менее замечательна его судьба.

Родился он в Албании в 1803 году от отца турка-магометанина и матери гречанки. Отец Пороховшикова, по имени Али, был берейтором и с посланником турецким прибыл в Петербург при Императоре Павле. Понравился Али Императору и убежден был остаться при Дворе. Потом он принял христианскую веру, и при крещении ему дали "метрдетеля", и за границу был безотлучно при Государе. На службе царской он заслужил чин коллежского асессора, вступил во второй брак и скончался при Дворе Императора Николая Павловича в 1827 году в Москве, где и погребен в Донском монастыре, оставив по себе наследство сыну - 40 душ крестьян в Московской губернии. Сын его, Иван Александрович, оставался в Албании у деда своего. Осиротевши от матери, он был привезен в Петербург, восьми лет, и помещен в число сирот, покровительствуемых Императрицею Мариєю Федоровною, и был окрещен в христианскую веру.

По смерти Государыни его воспитывала фрейлина, княжна Горчакова, а потом - графиня Строганова: воспитывали по-княжески, и он был любим ими. Судьба готовила ему, казалось, обширные богатства и связи, но он ими не умел воспользоваться. Строганова уехала за границу, а Иван Александрович был передан в Петербургский Императорский театр. У него открылись таланты, и он восемнадцати лет был выпущен на сцену. Актер, музыкант-танцмейстер, он в то же время записан был в кавалерийский полк и, бывши при театре, получил чин военный. По смерти Императора Александра I, Император Николай, увидав в поданном списке в числе актеров прапорщика Пороховшикова, потребовал его налицо и спросил, почему он не находится при полку. Пороховшиков ответил, что он этого давно желает (театр ему уже тяжел становился); но директор театра доложил, что Пороховшиков находится при театре по воле покойного Государя и что на представляемые Пороховшиковым пьесы нет другого способного актера.

При открывшейся в 1829 году войне с турками Пороховшиков выпросился у Императора из театра в полк и был прикомандирован к генеральному штабу, за границу, в действующую армию, при Дибиче; был в сражениях, затем воевал с поляками и находился при взятии Варшавы.

По окончании войны он в 1837 году вышел в отставку поручиком и поступил музыкантом в Придворную певческую капеллу, но за самовольное вступление в брак удален из нее в 1842 году. Это-то и было началом его падения на счастливой дороге его жизни. Из Петербурга он вынужден был отправиться с женою в Харьков. Здесь, как и везде, он в качестве знатока своего дела мог получать хорошие доходы и жить безбедно, но супруга его, привыкшая щеголять по Петербургу и обладавшая, кроме того, иными непохвальными качествами, расстроила его семейную жизнь. Он дрался за нее на дуэли и затем оставил ее. После того он жил в домах многих богатых помещиков, обучал их детей танцам, игре на фортепиано, на скрипке и других инструментах; обучал хоры музыкантов известных помещиков Калужской губернии - Клушина, теперешнего вице-губернатора. Домогацкого, Смагина, Толмачева, Толубеева и др. Получал он за это в год до 7 тысяч, но для него одного и этого недоставало. Оставив супругу, он заглушал горе свое хмельными напитками и мотовством, ожесточаясь сердцем против всего человечества. К религии он стал совершенно равнодушен; поста, как он сам сознавался, никогда не знал во всей своей жизни и более 20 лет не приобщался Св. Тайн. Наконец, в августе 1848 года, бывши

с товарищем своим на Макарьевской ярмарке по своим танцевальным и музыкальным занятиям, он заболел жестокою холерою. Смерть устрасила его, и он вознамерился, если останется жив, исправить свою жизнь, принуждаемый к тому еще и недостатком во всем. От холеры он выздоровел, но оглох до того, что ему надо было кричать над самым ухом. Кое-как расплатившись за постой в гостинице последними своими вещами, платьем, продав даже свою скрипку за полцены (стоила 1500 рублей, а отдал за 800 рублей), он в крайней нужде едва добрался до нашей обители, о которой он прежде, проживая в Калужской губернии, слышал много доброго. Не имея надежды исправить свою жизнь в мирских домах, он остался у нас в монастыре; надел монастырское послушническое платье, по силе своей трудился при общих послушаниях в поварне, а днем занимался чертежами. В Филиппов пост готовился и удостоился приобщиться Св. Тайн, после чего от этого дара Божией благодати совершенно успокоился духом. В день причащения он с радостнейшими слезами говорил:

- Теперь я опять сделался сыном Церкви.

Назидательно было слышать прямое и откровенное сознание его в отчуждении от всякого религиозного чувства. В монастыре ему открылось многое, чего он не мог познавать в суете мира.

Г. Пороховщиков росту небольшого; волосы черные; образ лица круглый, турецкий; характер пылкий, как у азиатца, но добрый, сострадательный и благодарный, а с нуждающимся он готов делиться последним. Он умен и хорошо образован; говорит на языках: французском, турецком, татарском, греческом и молдаванском.

Почувствовав облегчение в своей совести и утвердившись в благих начинаниях, Пороховщиков объяснил о. игумену, что он, как обязанный семенной жизнью, теперь намерен отправиться в Москву.

Добровольно переделся в мирское платье и отправился с благословением из обители сем.

Во все время своего пребывания в обители вел себя скромно и мирно со всеми.

10 ноября

Почему одни умирают внезапною смертью без покаяния, а иные долго болеют

Такой вопрос предлагает себе человеческое сердце, поражаемое видом разнообразной смерти, собирающей свою непрерывную жатву в этом многоболезненном мире. Ум человеческий на этот вопрос ответа не дает и дать не может. Но вот что некогда было открыто Духом Святым чрез блаженного Нифонта преподобному Григорию о некоторых тайнах смерти и жизни.

- Отец святой! Почему, скажи мне, так не равна бывает смерть людям, что одни долго перед смертью страдают и болеют, а другие умирают скоропостижно? - спросил преподобный Григорий блаженного Нифонта, епископа кипрского города Констанции.

Отвечал блаженный Нифонт:

- Сын мой Григорий! Послушай, что о внезапно и без покаяния умирающих говорит Св. Писание: *и низложил еси я, вневгда разгордешася*. Так наказуется только гордость, грех диавола: повинные этому греху так и умирают. Кто страдает пред смертью

продолжительною и тяжелою болезнью, тот, хотя бы и одержим был всякими страстями, конец своей жизни пред переходом в вечность проводит в продолжительном и добром покаянии. Господь исцеляет только сокрушенных сердцем, принимая их сердечное сокрушение в объятия Свои, ибо никто из праведных не может без скорби окончить дней своих. Нам ли, грешным, не дано будет такого искушения ради очищения многих наших скверн, если Господь и самого Апостола Павла не пощадил, но дал ему в плоть "пакостника плоти", чтобы не превозносился Апостол Господень обилием высших дарований благодати Святого Духа? Пример праведного Иова, на которого сатана испросил навести искушение, пусть вразумит нас и болезнью смирит, чтобы научиться нам смиренномудрию. Человеческая злоба наша так трудно подчиняется врачеванию, что нам мало грешить самим, мы еще и тщеславимся и осуждаем, а не слышим Господа, говорящего нам: *Что высоко у людей, то мерзость пред Господом.*

Почему младенцы тяжело страдают и болезненно умирают? Почему Господь их рано от нас восхищает?

Об этом тоже спросил преподобный Григорий блаженного Нифонта, говоря:

- Вот и еще, отец мой, вижу, что в лютых болезнях страждут младенцы: какой грех сотворили они? Как понять, за что низлагает их Бог?

Отвечал блаженный:

- Когда умножаются грехи человеческие, и уже неисцельна становится злоба людская, тогда Господь восхищает к себе детей их и посылает на них многочисленные и тяжкие болезни, чтобы этим уцеломудрить их родителей. Видя мучения детей своих, греха не сотворших, не устроятся ли и не обратятся ли они сами на покаяние? Не воскликнут ли они: "Горе нам, грешным, что за наши беззакония мучатся незлобивые младенцы! Что же будет нам, окаянными, в страшный день второго пришествия Господня?"

И если, видевши то, родители не исправятся, но пребудут в прежнем нечестии, то подвергнутся еще большей страшной муке, потому что наказаны были и не уразумели. Детям же, здесь пострадавшим и мученным ради обращения к покаянию родителей, воздадутся Господом венцы и почести в веке бесконечной жизни.

- Но, отец святой, - сказал на это преподобный Григорий блаженному Нифонту, - ведь в Писании сказано, что каждый по делам своим приемлет, но не сказано - за грехи другого.

Отвечал блаженный Нифонт:

- Милосердый Господь видит окаменение человеческого сердца и неразумие, ибо многие, живущие в мире, подымая на себя труды великие ради тщеславия, на Бога ропщут и в печали своей даже смерть призывают, а в грехах своих не каются и о душах своих попечения не имеют. По этой-то причине Господь наказывает как детей, так и самих родителей различными бедами, чтобы болезнью детей очистить родительские беззакония и возбудить самих родителей к принесению покаяния и тем оправдать их на Страшном Суде Своем. Итак, сын мой, знай, что младенцы без греха страдают для того, чтобы им за напрасную их смерть получить жизнь нетленную, а родителям их удостоиться за их страдания целомудрия истинного покаяния.

И подивился такому толкованию преподобный Григорий, и сказал:

- Многих вопрошал я о сем и не мог уразуметь истины. Теперь же воистину разумею, что

твоими устами, честной отец. Сам Дух Святой даровал мне извещение.

На это отвечал ему блаженный Нифонт:

- Нет, брат, нет! В моей душе нет ни одного дела доброго, нет и в устах моих ни одного полезного слова: только одна скверна и мерзость. Но в тебе - вера о Господе неоскудная, и ты меня, грешного, вопрошал с такою искренностью, желая познать истину, что Бог, не желая оскорбить веры благой души твоей, по вере твоей и дал тебе, сын мой Григорий!

Удивился Григорий смирению святого и сказал:

- О, раб благой Господа! Раб возлюбленный и верный! Всякий целомудренный ум, и чистое сердце, и помысел немятежный получит осияние от Святаго Духа и Духом Святым от сияния Его подает просвещение находящимся во тьме.

Возвещение блаженного Нифонта тому же преподобному Григорию о том, что святые будут и в последнее время, но будут сокровенно от людей, подвизаясь втайне

- Еще спрошу тебя, отец! - так говорил блаженному преподобный Григорию. - Открой мне: есть ли еще на всей земле святые Божий подвижники, которые бы, сия добродетелью, как Ангелы, были подобны Антонию Великому, Иллариону, Павлу и другим многим, явным и тайным, их же знает только Бог один?

И отвечал блаженный:

- Сын мой! До скончания века не оскудеют святые, но в последние годы скроются от людей и будут угождать Богу в смиренномудрии, что явятся в Царстве Небесном выше первых чудотворных отцов. А такая награда им будет за то, что в те дни не будет пред очами их никого, кто бы творил чудеса, и люди сами от себя воспримут усердие и страх Божий в сердцах своих, ибо в то время и чин архиерейский неискусен будет и не станет любить премудрости и разума, а будет заботиться только о корысти. Подобны им и иноки будут от обладания большими имениями; от суетной же славы помрачатся душевные их очи, и будут у них в пренебрежении любящие Бога всем сердцем; сребролюбие же в них будет царствовать со всею силою. Но горе инокам, любящим злато: не узрят они Лица Божия! Чернец и белец, дающие золото в рост, если не отстанут вскоре от этого зла, лихоимцами и здесь назовутся, и молитва их принята не будет, и пост без пользы, и приношение жертвы Богу, и милостыня - все вменится им в мерзость и осквернение. По широкому пути пойдут они... Но я не хочу много говорить о них, ибо и сам я от юности и до старости не попекся о своем спасении.

Знай же, что умножится всякая злоба от неведения Писания.

* * *

И уже умножилась теперь "всякая злоба", переполняя едва ли не до краев чашу гнева Господня. Еще у нас, в Православной России, Бог пока грехи терпит, но надолго ли? У нас еще в благословенной тишине святой обители - слава Богу - все, за молитвы наших старцев, тихо, мирно; но и в наше уединение нет-нет да проникнет молва из внешнего мира; и свидетельствует молва эта о том, что умножаются и у нас на Руси беззакония мира, и что все теснее и теснее становится верующему сердцу жить на белом свете, угрожающем стать тьмою.

Одному такому сердцу, трепещущему в тисках все умножающейся неправды, в ответ на письмо его, отец игумен А., близкий по духу нашей обители, писал так:

"Вы недовольны окружающим вас миром; и я - также. Но вы ищете здесь чего-то, а я знаю и верую, что Царство Христово не от мира сего, ожидаю и правды, и совершенства в будущей жизни. Несчастен человек, если он здесь на земле станет искать и покоя, и правды; здесь, где осуждена и распята Истина. Вы спрашиваете: где же милосердие? Но я спрошу вас: можно ли и **должно ли** быть милосердным к тем существам, которые тысячи лет бьют, и терзают, и клеветают, и обманывают друг друга? Надобно еще удивляться милосердию Правителя мира, что солнце, луна и звезды доселе совершают свой порядок и что земля дает к насыщению ненасытного, алчного, кровожадного человека. Кто отстранит себя от соучастия в людских неправдах (отстранит по возможности, ибо вполне этого нельзя сделать), тот познает в самом себе и правду, и милосердие Божие; тот во всех превратностях жизни будет выше всех испытаний и внутреннего своего человека не преклонит ни за что и ни перед кем из подлой корысти и даже самосохранения. Я знал до **пяти** человек (не более) в жизни моей шестидесятилетней, которые были блаженны в этом мире скорбен и, лишенные всего, даже крова и насущного хлеба, не заботясь вовсе об этом дневном подкреплении, ходили по миру, как вольные птицы, и совершенно предали себя в волю Божию. Два из них были из купцов, и притом богатых: один - Зиновьев, скончавшийся восьмидесяти с лишком лет на Валааме; другой - Лосев, 20 лет юродствовавший и утопленный в 1847 году за правду. Об трех остальных говорить долго. Кто сам будет милосерд к другим и строг к себе, тот познает и милосердие Божие и в душе своей ощутит такую радость и блаженство, что все блага, и покой, и удачи этого мира не возьмет за свою **горькую** слезу о бедном и падшем человечестве. Самые скорби и слезы его души праведны и будут греть, а не терзать его душу; он **без слов**, одним появлением своим, доставит несчастливцу мир и некоторое облегчение. Не проклятия и запросы к правосудию Божию услышатся от него, а только одно теплое желание отдать самого себя за ближнего. Любовь ко всему миру - от последнего животного, от бедной мыши до грешного человека - ощутит он в себе: вот где - совершенство!

Простите. Вот - мои понятия, если и неудовлетворительные, то **опытные**. Скажу, что здесь христианин всегда найдет и радость, и дело, и мир душевный, если полюбит ближнего любовью Евангельской. Но для этого он должен пройти множество испытаний. Эту тяжкую науку желал бы я лучше познать, нежели еврейские и эллинские слова даже об имени Непостижимого: в них легко ошибиться, особенно мало знающему; но совесть наша знает и без Канта, что худо и что хорошо..."

Но как любить ближнего любовью Евангельской, когда на место Евангелия ум человеческий поставил теперь философию, на место Бога - гордыню ума своего?

"Умножается, - по глаголу блаженного Нифонта, - всякая злоба от неведения Писания..."

15 ноября

Но "да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли". Как здесь на земле, так и на небе не происходит ничего без воли и позволения Божия. Но люди любят волю Божию только тогда, когда она согласна с собственными их желаниями. Будем любить ее одну, - тогда земля будет для нас небом. Будем благодарить Бога за все: как за худое, так и за доброе - потому что зло делается добром, когда мы его принимаем как ниспосланное Богом. Не будем роптать на пути Промысла Божия, но будем с благоговением искать в них, сколько позволят наши силы, следов премудрости и благодати Божией. И в течении светил

небесных, и в порядке времен года, и в происшествиях жизни человеческой - везде исполняется воля Божия. Будем молить Бога, чтобы воля Его исполнялась и в нас, чтобы и мы ее любили, чтобы она все для нас услаждала, уничтожала нашу волю, и одна она царствовала в нас, ибо одна воля Божия есть воля благая, и угодная, и совершенная - и наша обязанность исполнять ее.

Господь наш Иисус Христос сказал о Себе, что Он всегда угодное творил Отцу Своему. Иисус Христос есть образ наш, и Отец Его есть также и наш Отец. Итак, будем молить Господа, чтобы действовал Он в нас по воле Отца Своего так, как Он Сам действовал по ней; чтобы Он таинственно соединил нас с Собой и мы не желали бы ничего, как угодное творить Отцу Его. Тогда все сделается в нас непрестанною жертвою Богу, непрестанною молитвою, постоянным выражением нашей любви к Богу.

Передо мною объемистая старая рукописная, книга, озаглавленная: "Памятная записка о скончавшихся и погребенных в богохранимой обители (нашей) и в ските св. Иоанна Предтечи, находящемся при оной". На книге этой на заглавном месте надпись:

"Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти?"

"Блаженны умирающие о Господе, ей, починут от трудов своих".

Сколько в книге этой записано имен христиан, проведших жизнь свою Господа ради и подчинивших волю свою воле Господней!

Отмечу в дневнике своем из книги этой кое-что на душевную потребу и пользу самому мне, многогрешному Евфимию.

"30 апреля 1815 года, пополудни в 4 часа, скончался схимонах Иоанникий на 55 году от рождения. В монастырь поступил из пономарей Жиздринского уезда, села Толстошеева в 1802 году, пострижен в мантию 1806 года марта 29, а в схиму - в 1810, в апреле месяце. В послушании трудился при пасеке, бывшей в монастырском лесу. **При сей пасеке уединенная его келлия послужила первым основанием уединенной жизни, ибо на сем самом месте в 1819 году построен ныне существующий скит и даже доселе соблюдена в целостности попечением настоятеля та самая деревянная келлия, в которой жил схимонах Иоанникий.** В иноческих подвигах преуспевал, в особенности, послушанием, тихостью и кротостью с блаженной простотою и незлобием; имел нелицемерную любовь к настоятелю, игумену Авраамии, и ко всей о Христе братии; к церкви Божией притекал первый и исходил последний. По добром подвиге о спасении души своей почил блаженно о Господе с напутствием всех потребных для вечной жизни Таинств. Тело погребено 2 мая в воскресный день. Многие из окрестных жителей память его доселе почитают служением на его могиле панихид о упокоении его души".

А вот и возлюбленный схимонахом Иоанникием настоятель его - игумен Авраамий! В рукописи событие это записано так:

"Умер в 12 часу ночи 14 января 1817 года настоятель нашей пустыни, игумен Авраамий на 58 году от рождения, положивший первое основание возобновлению обители. Погребен в южной паперти Введенского собора. Теперь, с расширением храма, место его погребения вошло внутрь придела во имя святителя Николая Чудотворца. Над местом тем ныне икона Введения Богоматери в киоте, и пред нею лампада.

По кончине игумена найдено в бумагах его духовное завещание такого содержания:

"Духовная грамота К. В. О. пустыни многогрешного черноризца, игумена Авраамия.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Се аз, многогрешный игумен Авраамий, слушая глас Господа моего, во Святом Евангелии глаголящего: Будьте готовы, яко, в оньже час не мните, Сын Человеческий приидет. Не весте бо, когда Господь приидет: в вечер или в полночь, или в куроглашение, или утро; да не пришед внезапно, обрящет вы спяща. Того гласа Господня слушая и бояся, а к тому же частым недугованием одержим бывая и день от дня изнемогая телом, чая на всякое время оного. Господом глаголанного нечаянного часа смертного, и по силе приготавливаясь к исходу от сей жизни, - сею духовною грамотою моею вестно хочу сотворити всякому, иже восхошет по кончине моей взыскивати имения моего келейного, во еже бы не трудитися ему вотше и не истязавати служивших мне Бога ради. Да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моя не собирах. Сие не тщеславяся реку, но да искателей моего по мне имения вестно сотворю: отнележе бо приях святей иноческий образ и постригохся в Московской епархии, в Николаевском Пешношском монастыре в тридесять третье лето возраста моего и обещах Богови нищету изволенную имети, от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения и мшелоимства, кроме святых книг и сорочек с карманными платками. Не собирах злата и сребра, не изволях имети излишних одежд, ни каких-либо вещей, кроме самых нужных, и то для служения: две ряски - теплая и холодная, и один подрясник; но нестяжание и нищету иноческую духом и самим делом по возможности моей соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогдаже мя остави. Входящая же в руе мои от благодетелей святых обители сея подаяния, и тыя истошевах на монастырские нужды для братии и на разные постройки; также иждивах на нужды нуждных, идеже Бог повеле. А о имени моем никтоже убо не трудитися, по смерти моей испытую или взыскупа какового-либо келейного моего собрания, ибо ниже что на погребение оставлено, ни на поминаение, да нищета иноческая наипаче на кончине явится: Богу бо верую, яко приятнее Ему будет, аше ни едина цата по мне не останется, неже егда бо многое собрание было раздаваемо. И аше мне тако нишу никтоже восхошет обычному предати погребению, молю убо тех, иже свою смерть памятствуют, да отвлекут мое грешное тело на К. кладбище и тамо между трупиями да повергнут. Аше же владычествующих изволение повелит меня, умершего, погребсти по обычаю христианскому, то прошу и молю христоролюбивых погребателей, да погребут они меня в сей О" пустыни у соборной церкви, по правую сторону у южных входных дверей; и никого не зовите на погребение.

Аще же ли кто от христоролюбивых изволяет безденежно помянуть грешную мою душу в молитвах своих Бога ради, таковой и сам да помяновен будет во Царствии Небесном. Требуяй же за поминаение мзды, того молю, да не поминает мя ниша, ничтоже на поминаение оставивша. Бог же да будет милостив и мне грешному во веки. Аминь.

Сицевый завет мой, се моя духовная грамота, таковое о имении моем известие. Аше же кто сему известию не имет веры, начнет со испытанием искати по мне злата и сребра, то аше и много потрудитися, ничтоже обрящет, и судит ему Бог".

Блажен, треблажен игумен святой, сотворший волю Господа своего!..

В той же книге монастырских записей нахожу под 1828 годом запись такую:

"22 декабря. Скончался в скиту преподобный старец Досифей на 75 году от роду. Пострижен в Плошанской пустыни. Из однодворцев Драгунской слободы города

Карачаева. Провождал пустынную жизнь более 40 лет в лесах Рославльского уезда Смоленской губернии. Достиг блаженного незлобия и искренней простоты. Из смоленских лесов прибыл на жительство в скит в октябре 1827 года. Пред смертью его за несколько времени достопамятный был случай: супруга одоевского помещика, Александра Сергеевича Воейкова, лежала в горячке близ смерти. Окружавшие ее одр потеряли всякую надежду на возвращение ее к жизни. Больная забылась на минутку, и в это время окружавшим ее показалось, что она беседует с кем-то невидимым. После этого она вдруг встала с постели сама собою, без посторонней помощи, и спросила:

- Где же монах? Он мне сейчас сказан: "Что ты лежишь? Вставай да в О. пустынь приезжай молебен служить, а я на твое место лягу - так Бог велел!"

Больной ответили, что никого в комнате, кроме них, не было. С того часа больная чрез несколько дней была здорова и поспешила с супругом в О. пустынь. Когда они приехали, то, по Божьему строению, первым встретили на скитской дорожке старца Досифея, который только один из всей братии был в то время в скиту, а прочая братия была на послушании. Увидавши старца, бывшая больная, никогда раньше его не видавшая и ничего о нем не слыхавшая, в ту же минуту вспомнила, что именно его видела в своем видении, в том же образе и в том же одеянии. Старец показал им внутренние постройки в скиту и приветливо побеседовал с ними на пользу души в простоте сердца. Вскорости после того, в декабре месяце, старец занемог, проболел 12 дней и тихо почил о Господе в твердом уповании на спасение свое после 50-тилетних трудов в монашестве".

Такова чудесная сила пустынных подвигов. Такова сила пустынной молитвы. *Непрестанно молитесь*, - говорит Апостол Павел. Наша зависимость от Бога так велика, что не только мы должны делать все для Бога, но должны просить у Него и средств угождать Ему. Эта обязанность прибегать к Нему во всех наших делах не должна казаться нам тягостною, напротив, она должна быть для нас утешительной. Не есть ли блаженство беседовать с Богом, открывать Ему все сердце свое и чрез молитву быть в теснейшем общении с Ним? Сам Бог побуждает нас к молитве. Разве не дает Он нам те блага, которых просить у Него Сам побуждает нас? Итак, будем молиться Ему с верою, будем опасаться, чтобы плод молитвы нашей не уничтожился сомнением, которое, как говорит Апостол Иаков, подобно волнению возметаемому и развеваему. Если кто из вас находится в печали, говорит тот же се. Апостол, тот должен утешать себя молитвою. Но - сколько мы несчастны! - мы чувствуем скуку в этом небесном занятии. Наше хладнокровие к молитве есть источник других отступлений от Закона Божия. *Просите и дастся вам; ищите и обряцете; толцуйте, и отверзется вам.* Если бы мы должны были просить только богатства, то какая бы заботливость, какое усердие, какое постоянство наше было бы в молитвах! Если бы мы должны искать только сокровища, то куда бы только не проникло наше желание найти его? Если бы мы должны были стучать в двери, чтобы получить свободный вход в тайный совет царя, чтобы открыть себе путь к важнейшим должностям государственным, то сколько бы раз мы повторяли свои удары! Чего только не делаем мы, чтобы найти ложное счастье! До каких унижений, до каких даже бедствий не доводим мы себя единственно для призрака мирской славы! Сколько трудов, сколько стараний употребляем мы для получения ничтожных удовольствий, которые оставляют по себе только одни угрызения совести!.. Истинное сокровище есть только сокровище благодати, и его-то люди, обыкновенно, не хотят искать и просить у Бога. Будем же неослабно стучать в двери милосердия Его: Он их отворит нам, ибо слова Господа нашего Иисуса Христа не могут быть неверны: неверны только мы.

Отмечу в записках моих еще две смерти, записанные в книге монастыря нашего: рядового

послушника и знатной боярыни.

"1839 года, в августе (число не обозначено), скончался рясофорный монах Макарий, в миру - вяземский купец Макар Осипов Барышев. Лет престарелых. В монастыре с 1837 года. По силе своей трудился в послушании на чреде чтения Псалтыри. Кроткого нрава и правдивого. Поболел недели три. При смерти необыкновенно скоро заговорил Иисусову молитву и, на вопрос о сем, послушнику сказал:

- Присядят бесы! - И указал рукою к ногам своим. Почил о Господе тихо". Это одна запись. А вот и другая: "1841 года, августа 30. Скончалась на монастырской гостинице подполковница, графиня Александра Ильинична фон-дер-Остен-Сакен на 44-м году от рождения. Она приехала в гостиницу в июне сего года нездоровая и постепенно ослабевала. Во все сие время находилась при ней родственница, вдова, графиня Елисавета Александровна Толстая, чернская помещица. Пред смертью, по прочтении духовником отходной, она тихим голосом с поспешностью говорила невидимому духу: - Руку, руку! Пустите руку!..

И скончалась тихо. При погребении довольно было родных ее: малолетние племянники, графы Толстые *, генерал Ергольский и другие"...

* Один из них был Лев Николаевич Толстой, современный нам отступник и ересиарх. Графиня Александра Ильинична Остен-Сакен была воспитательницей малолетних Толстых. Вот что пишет о ней Л.Н. Толстой: "Тетушка была женщина истинно-религиозная. Ее любимым чтением было чтение житий снятых, беседы со странниками, юродивыми, монахами и монахинями, из коих одни жили постоянно в нашем доме, тогда как другие посещали его мимоходом. В числе монахинь, проживавших у нас, постоянно была некая Марта Герасимовна. крестная мать моей сестры. В молодости она странствовала по монастырям под видом юродивого Иванушки. Мария Герасимовна крестила мою сестру, потому что матушка ей обещала это, если Господь пошлет ей дочь; имея уже четырех сыновей, матушка очень желала иметь дочь, и когда она родилась, то ее крестила Мария Герасимовна. Она жила частью в женском монастыре в Туле, а остальное время у нас... Тетушка. Александра Ильинична, была не только обрядово-религиозной. т.е. соблюдала посты, много молилась и беседовала с людьми снятой жизни, каким был о. Леонид из Оптиной пустыни, но она жила истинно-христианскою жизнью, чуждалась не только роскоши и помощи слуг, но сама старалась услужить другим. У нее никогда не было денег, потому что она раздавала их всем, кто просил у нее... Горничная Даша, перешедшая к ней в услужение по смерти бабушки, рассказывала мне. что когда бабушка жила в Москве, то, идя в церковь, она проходила на цыпочках мимо спавшей девушки и делала сама все то, что по общепринятому обычаю должна делать горничная. Трудно себе представить, до чего она была проста и нетребовательна во всем, что касалось жизни и одежды... Религия, наполнявшая душу тетушки, имела для нее такое высокое значение, была так выше всего, что она не могла ни на что сердиться, ничем огорчаться и не придавала всему земному того значения, какое обыкновенно придают ему..."
...И такой-то рабы Божией в час смертный дерзали касаться бесы... Чего же ожидать тому, кто своими лжеучениями смутил весь мир?.. (Прим. С. Нилуса).

...Выписал я сказание об этих двух смертях себе в назидание: уже поговаривают умники

из мирских о мире невидимом:

- Какие там бесы? Кто их видел? Монахи да попы выдумали их, чтобы пугать ими невежественных простолюдинов и властвовать над ними!

Жалкие безумцы! Каков будет их ужас в час смертный!..

1850 ГОД

Июль 20. Давно уже не касался я своих записок. Многие тому были причины, и, конечно, главная из них - мое нерадение, но в тихой и мирной, по милости Божией, жизни нашей монастырской за протекшее время ничего особенно достопримечательного не происходило, а на мне лежало столько обязанностей по моему послушанию, что не до записок мне было.

Сегодня, и 17, и 19 приходил к нам в монастырь пешком из города К. граф Алексей Константинович Толстой*, и, когда о. игумен предлагал ему лошадей до города К., он сказал, что имеет обещание ходить в монастырь пешком. Он служил в императорской канцелярии и в город К. прибыл с сенатором, князем Давыдовым.

* Известнейшим поэт и личный друг Императора Александра II. (Прим. С. Нилуса).

Жива еще Россия, пока среди знатнейших ее бояр находятся еще такие рабы Божий, живущие одной душой, одним сердцем со своим народом!..

О том, что мы жизнь свою должны сообразовать со словом Божиим

Господи, к кому мы идем; глаголы живота вечного имаши. Так говорили Апостолы Господу Иисусу Христу. Более всего мы должны слушать Его, Господа нашего. Слова людей только тогда должны обращать внимание наше, когда они согласны со словами самой Истины, которая есть Иисус Христос. Поэтому все сочинения людей тогда только могут быть хороши, когда в них нет ничего противного Евангелию. Итак, будем, сколько можно, чаще прибегать к этому священному источнику, чтобы почерпать в нем слова жизни вечной. Иисус Христос ничего не говорил, ничего не делал, чего мы не должны были знать, из чего бы не должны были извлекать правил жизни. Но мы, обыкновенно, руководимся собственными своими мыслями и желаниями, которые не представляют ничего, кроме суеты, и не хотим последовать Божественной Истине, слова которой показывают нам путь к жизни вечной. Будем молить Божественное, несотворенное, воплотившееся для нас Слово, чтобы слово Его проникло в нашу душу, оживотворило ее и освятило.

Многие говорят, что они желали бы знать, каким образом можно успеть в добродетели; но как скоро узнают об этом из Слова Божия, то ревность к добродетели ослабевает. Мы чувствуем, что мы не то, чем быть должны, и ясно видим иной раз грехи свои, и как они ежедневно возобновляются. Но мы думаем, что уже освободились от них, коль скоро начали желать себе спасения, несмотря на то, что мы ограничиваемся одним желанием. Будем же почитать недействительным и ничтожным всякое, даже, по-видимому, благочестивое желание, если оно еще не столь сильно, чтобы могло жертвовать всем, что останавливает нас на пути к Богу. Будем не только слушателями, но и исполнителями

Слова Божия. Псалмопевец не просто молит Бога, чтобы Он научил его Своей воле, но чтобы научил и творить ее.

* * *

Нынешний день к обедне приехал преосвященный, и я, как чередной, имел счастье служить с ним. Хотя и ожидали его, но он приехал сверх чаяния, и я назначен не в свою череду; а это значит: Богу так угодно.

11 октября

Десятый год пошел со дня смерти великого старца Льва (Леонида). Полезно вспомнить хотя бы и вкратце славное и многотрудное житие его.

Старец скончался в субботу, в половине восьмого пополудни, 11 октября 1841 года, на 71 году от рождения. В монашестве он был 46 лет, а происходил из мешан города Карачева Орловской губернии и в мире назывался Львом, по фамилии Наголкин. Много претерпел он на своем веку до самой кончины всяких скорбей чрез ложные хулы, изобретаемые завистью людей за богоугодное житие его. По ревности его к совершенству в духовной жизни, он, бывши строителем в Брянской Белобережской пустыни, с 1804 года оставил добровольно начальство и жил вместе со схимонахом Феодором и другими старцами, пришедшими из молдавского Нямецкого монастыря, в скитах на Валааме и в Свирском монастыре. Родился старец Лев в 1769 году. Начально поступил в Оптину пустынь в 1797 году; жил два года и пришел в Коренную пустынь. К нам переместился в 1829 году, в скит. Во время десятилетнего его пребывания у нас он был подобен столпу, духовно утверждающему и советом, и примером благочестие христианское. Он имел свыше дар рассуждения и смирения. Настоятелю был верный и преданный помощник в благоустроении обители, скита и братии. Братия, желающая своего спасения, во всякое время получала в душевных скорбях своих и недоумениях полезные советы, разрешение сомнений и утешения при содействии благодати Божией, обильно на нем почивавшей. Кроме нашей обители, из всех мест всякого состояния, звания и пола стекались к нему люди, изливали пред ним лично или чрез письма свои скорби и болезни душевные и в советах его получали отраду и утешение. Исцелялись духовным врачевством его и телесные недуги. В подобных случаях обычным советом его было поговорить, чистосердечно покаяться в грехах, начиная с семилетнего возраста, и приобщиться Св. Тайн. Он читал над больными из требника и помазывал елеем из лампы, горящей неугасимо пред иконою Богоматери Владимирской, принесенной из Молдавии схимонахом Феодором, и заповедовал молиться по заповеди Евангельской за обидящих и ненавидящих. Кто только с чистою и доброю верою притекал к о. Льву, никто не отходил, не быв утешен духовно и телесно, чрез что и обитель наша процветала как умножением доходов, так и собранием братства, стекавшегося из разных мест под духовное окормление отца Льва (Леонида). Пред народом же любил он скрывать высокое устройство своего духа под крайнюю простоту слова, часто соединенного с некоторою шутильностью, называемую иными даже юродством. Речь его отличалась особенным, своеобразным соединением духовной силы Писания и яркой выразительности народного русского языка. Вид его был мужественный, крепкий. Борода у него была небольшая, редкая; на голове волосы седые, густые и длинные - до пояса. Во время жизни своей в скитах он часто встречался с дикими зверями - с медведями и волками, но звери не делали ему вреда, и только один волк ухватил, было, его раз зубами за ногу, но тотчас же, точно чем-то испуганный, оставил пустытника и убежал. От укуса этого о. Леонид

несколько прихрамывал во всю остальную свою жизнь. Некогда случилось о. Леониду, обрубая на сосне сучья, упасть с дерева на землю; от этого у него сделалась мучительная болезнь кишок, постепенно усиливавшаяся. В сентябре 1841 года о. Леонид стал крайне ослабевать телом, 30-го он особоровался. Таинство елеосвящения совершали нечаянно приехавшие: игумен Антоний, бывший скитский начальник; строитель Тихоновой пустыни иеромонах Геронтий и наши скитские: скитоначальник иеромонах о. Макарий, игумен Варлаам, иеросхимонах Иосиф, казначей иеромонах Гавриил и прочие - все ученики о. Леонида. Двенадцать дней о. Леонид не принимал никакой пищи, укрепляясь частым приобщением Св. Тайн. 8 октября вечером позвал своего духовного отца, иеросхимонаха Иоанна, исповедовался, приобщился Св. Тайн и велел собравшимся ученикам петь канон на исход Души. По окончании отходной, благословил всех и все более ослабевал от жестокой болезни. Настала суббота 11 октября. Отец Леонид, приобщившись поутру в 8 часов Св. Тайн, сказал:

- Ныне со мною будет милость Божия!

Пополудни, в 4 часа, благословил ученикам читать в келье своей малую вечерню и по "Сподоби, Господи" велел окончить. Ученик его, послушник Иаков, умиленно сказал:

- А прочее, батюшка, вы, верно, будете править там, в соборе св. Отец?

Так и устроил Господь, ибо 11 октября Святая Церковь празднует память св. Никейского Собора. Отца Льва (Леонида) клеветники называли еретиком, но Господь принял его душу именно в этот день.

В начале 8 часа он стал умиленно взирать на икону Божией Матери; в келлии были его ученики. Отец Леонид взглянул на предстоящих и, приподняв правую руку, благословил всех иерейским благословением и тихо предал душу свою в руке Божии.*

* Оптиной пустыней издано житие старца иеромонаха Леонида (и схиме Льва).

Помянув молитвенно память великого старца в день блаженной его кончины, я невольно вспомнил о том, не менее его великом, кто был его руководителем, наставником и учителем в духовном делании. Я имею в виду того схимонаха Феодора, о котором я упомянул, записывая кончину старца Леонида (Льва). Под рукой у меня находится одно замечательное письмо его, найденное в рукописях, принадлежащих старцу Леониду. Писано оно к какому-то ученику по поводу его падения.

Что за премудрость, что за сила слова и что за любовь! И подумать, что письмо это писано рукою "необразованного" человека, простейшего мешанина города Карачева (схимонах Феодор происходил из одного города и звания со старцем Леонидом)! Премудрые и разумные мира, возьметесь ли вы найти объяснение, откуда могло родиться такое вдохновение у одного из тех, коих вы обличаете в темноте и невежестве?

Выписываю это сокровище дословно.

"Честнейший отец! Я, духовные друзья мои и дети неизобразимо желаем тебе в единственном Мироправителе, Иисусе Христе, духовно царствовать.

Хотя по ничтожеству нашему мы на посланные к тебе письма ответов не удостоились и о твоём положении не имели от тебя известия, несмотря на то, что были вернейшие случаи, при которых должно было непременно известиться; но сие-то самое более и вынудило нас написать к тебе ещё однажды. Причина же этому та, что я, хотя и грешник недостойный, но и твой духовный отец, и духовный не просто, ибо я имею преимущественное обязательство от Святаго Евангелия: я был приемником тебя тогда, когда ты священно обещался хранить чистоту, послушание и строгость жизни, принял на себя вид Ангела, вступил сердцем твоим на путь самоотвержения.

Итак, я обязан назидать тебя в местах и отдаленных, внушать тебе все то, из чего благопокорливый сын может извлекать непосредственную пользу для души своей: и это не только для тебя и твоего спасения, но и для спокойствия, собственно, моего духа и совести.

Я приемлю в уме первосвященника Илию, который не сокрушался за необразование детей своих, Офни и Финееса, в должном благочестии, за что не только испровергся дом его, но и Кивот свидетельства Господня раздраженным беззакониями детей Богом предан был в избивательские руки Филистимлян. При сем жалостнейшем положении святыни поражены были смертно и дети добродетельного старца. Здесь-то бесчестную жизнь запечатлели плачевною кончиною, ибо - увы! - они пали и душами. Созерцая сие горестное событие, ужасаюсь, чтобы и нам не подвергнуться той же участи.

Что же?

Услышал я, что ты привязан к твоей матери чрез попечение о ней, как будто один из сынов мира, которые имеют обязанность посвящать себя спокойствию своих матерей не только по закону, но и по предлогам суетным. Ты попытаешь ей часто быть в обители, где обитаешь. Но это совершенно несообразно с твоим обетом: твоею матерью должно быть сердечному сокрушению - с сею-то матерью мы обязаны всегда разделять время; а о той, от которой ты родился, сию ты должен внутренне почитать, но не обращаться часто. Ибо стыдно и бедственно монаху последовать требованиям мира, поелику сие тщетно и гибельно. Одно слово скажу тебе о сем: исправься!

Слышу еще от многих, что ты очень часто оставляешь обитель и келью, поздно возвращаешься на место уединения и будто пребываешь тогда в местах неизвестных или, лучше сказать, подозрительных. Наконец, в разговоре с некоторым человеком сказал ты:

- Я здесь потерял такую вещь, которой не стоит весь город!

Признаться должен я, что ты это справедливо сказал: не только город, но и весь мир не стоит души, о драгоценности которой изобразил и Спаситель мира священно: "Кая польза человеку, аще весь мир приобретает, душу же свою отщетит?" - и проч. Если ты потерял душу, то ты потерял такое сокровище, коего все великолепное изящество природы поистине не стоит.

Однакоже, любимейший отец, поколь еще не прекратилась жизнь твоя, при истинном познании грехов и твердом уповании на заслуги Христовы, неоцененную сию потерю возвратит можно, а наиболее тогда, когда со смиреннейшим сокрушением сердца, призвав духом веры в помощь Всевышнего, положишь в храме души твоей решительное основание, так сказать, вторично легкомысленно не следовать по стремлениям плоти. Умная Дина - душа твоя - да не снидет в Сихем порочных направлений. Правда, следующая истина: *нестъ грех, побеждают милосердие Божие*, - может ободрить и

самый отчаянный дух; но должно рассудить, что это относится только к тем, которые, говорю, истинно покаются с душевным намерением не возвращаться более на грех, которые не подражают оным псам, прибегающим на свои блевотины... Может быть, ты надеешься на будущее время? Но кто нам возвестит, что родит следующее утро? Не цвету ли сельному подобен человек? Послушай же, что написал на сен конец премудрый и святой Исаак Сирский: "Кто, - говорит он, - надеясь на покаяние, грешит, тот идет пред Богом путем коварства; но таковой не достигает цели покаяния". Следовательно, его внезапно восхищает рука смерти и слипа земли поднебесной переселяет в темную землю жителей немилосердия, адских оных духов, коих пища - огонь, питание - зависть. Ты, освященный сын, послушай! Не трогательны ли для тебя следующие примеры?

Один священноиннок многими был почитаем по наружности за мужа благочестивого и уважаем, но внутренне он тайно предавался мерзким плоти вожделениям. Однажды, совершая Божественную, священнейшую Литургию, пред Херувимскою песнею наклонив обыкновенным образом голову и читая молитву "никтоже достоин" и проч., внезапно скончался. В каком состоянии оставила его душа его?

Еще: один известный мне священноиннок, увлекаясь любострастием, осмеливался недостойно совершать Божественную службу: его свергает ужасная болезнь и сближает со смертью. Все средства отразить оную были тщетны; напротив того, болезнь усиливалась и становилась опаснейшей. Пробужденная горестью совесть внушает, что он должен быть жертвою смерти за недостойное священнодействие. Пришедши в чувство, он решительно обещается более никогда не совершать Божественной Литургии и, вместе с сим отречением, возвращается и прежнее его благосостояние, так что и следов болезни не было приметно.

Подлинно, сан священства и облачение великолепны, однако дотоле, пока соответствует тому и внутренняя красота души. Когда же она, по ненаблюдению, померкнет, когда совесть, строго обличающая нечистоту, пренебрегается, - то тьма заступает место света и открывает путь ко мраку и огню вечному, если только не уклонимся от сего пути на путь добродетели и смирения, что приводит в царство славы. - Так пишет преподобный Феогност в гл. 51, 54 и 55.

Но сказывал мне еще один благочестивый отец следующее событие, о котором он слышал от своего старца: два брата и по духу, и по намерению, оба будучи уединенны, посвятили себя и уединенной жизни. Это было на Украине в конце XVII1 столетия по Рождестве Христовом. Жили они по разным кельям, и, по прошествии некоторого времени, один из них увлекся любострастием, которому он весьма и предался. Узнав о сем, другой, любитель чистоты, смиренно и любвеобильно уговаривал его отстать от сей губительной привычки; но поработанный страстью нечистоты, имея, вероятно, на то несытое сердце, соединив вместе еще и гордость, отвечивал:

- Ангельское - не согрешать; дьявольское - не покаяться.

Кто не согласится с сим? Но это не должно обращать в повод к беззаконию, ибо милосердия Божеского тайна сокрыта. Хотя милосердие Троидино одержало и одерживает верх над правосудием, но это, мне кажется, простирается более до нечаянности, нежели до намерения, простирается к слабостям человек, правых сердцем и смиренных, но не до обманывающих себя нерадивцев, имеющих гордый рассудок, или восхищающихся мерзким Оригеновым учением о высочайшем милосердии Непостижимого, Которого правда пребывает в век века.

Спустя несколько времени целомудренный оный брат, однажды окончив положенное свое правило, сел на скамью, преклонясь на столик, на котором погрузился нечаянно в тонкий сон. И видит он в таком положении при тамошней речке, Ирдик называемой, двух сидящих эфиопов,* которые обыкновенным образом вметали в воду рыболовные удки. При таком занятии, они один другого весьма поощряли к ловле. Один из них закинул на добычу свою удку и ничего не вытащил, на что другой, смотря, говорил следующее:

* Бесов.

- Как ты неискусен! Смотри, как я свою запушу! С сим словом погружает свою удку в глубину и вдруг вытаскивает из воды монаха в полном облачении, приличном его сану. На сего присматриваясь, брат заметил живо, что это тот самый друг, который легкомысленно ввергал себя в сладострастие и нечистоту. Пробудясь в страхе, немедленно пошел он навестить брата, которого видел пойманного эфиопом. Достигает кельи его - и увы! - ужасное и горестное зрелище представилось глазам его. Что же? Он находит брата уже мертвым, лежащего в жалостном беспорядке. Женщина, с которою он соединялся беззаконно, сидела в крайнем огорчении, недоумении, страхе, и ужасе, и вопле и призналась, что преследующая ежеминутно земнородных коса смерти поразила брата на самом деле плотской нечистоты.

Увы! Увы! Увы! Кто даст очесам нашим слезы оплакивать погибельную участь несчастного плотолюбца? О! Что удивительного, что и всех таковых сквернителей более, нежели других людей, преследует внезапный час смерти?

Послушай также еще и о следующем жалостнейшем происшествии, которое мне сообщил тогда же старец:

Один монах, воспитанник Софрониевой пустыни, облеченный там в ангельский образ славным архимандритом Феодосием, оставил обитель и, по единственному стремлению своей воли, определился в один из монастырей Черниговской епархии. Здесь был произведен во иеромонаха. Живши таким образом несколько времени, низвергся, так сказать, в реку бесчестнейших плотских страстей и, возмутив источник совести своей, многократно осмеливался совершить Божественную Литургию. Называю я мерзкую страсть любодеяния рекою, ибо как трудно пресечь стремление реки, так и еще более трудно ограничить гнусную привычку плотолюбия. Как в возмущенном источнике ничего нельзя приметить, кроме мрачного хаоса двух стихий - воды с землею, так и в потерянном совести ничего более нельзя заметить, кроме недостойного расположения сердца к истине, ибо человек уже *не еже хочет содевает, и сие творит живущий в нем грех*. Так он легкомысленно решается на всякое законопреступление, о богатстве благодати Божией нерадит, почему и весьма удобно подвергается, наконец, погибели. И вот однажды, приготовившись совершать страшную Тайну Св. Евхаристии, пошел тот инок, как обыкновенно, в святой храм. И что же? Является ему ужаснейшее бесовское привидение, которое как скоро он узрел, дух его смутился, сердце вострепетало, весь чувственный состав, подобно как в лихорадке, потрясся, изменились черты лица, испущенный им страшный голос, выражающий мрак души и отчаяние, привлек на живой труп его духовных орлов той обители: братия слетелась к нему на необыкновенный вопль его. Хотя они слетелись не терзать его, а восхитить от бедствия и гибели, воспарить с ним к

Престолу милосердия Божия, но - увы! Намерение не достигает цели. На вопрос братии бедный и безобразный вестник тайных своих беззаконий в ужасе, трепете и страхе объявляет подробно все свои пороки, за которые и поражен он был взором неопisanного адского духа. Признаваясь в своих грехопадениях, сожалея о дерзости своей относительно священнодействия, наконец заключил он:

- Если еще встретит взор мой такое же страшилище, то едва ли во мне останется дух мой!

По произнесении сих последних слов, необыкновенно возревевши, он пал на землю мертв.

Кто столько нечувствителен из недостойных священнослужителей, чтобы равнодушно мог вообразить сию ужасную картину вечного несчастья?

Сне приключение пересказывал вышеупомянутому старцу иеромонаху, знавший несчастного сослужителя своего, так как старец по случаю посетил келью его, где несчастный открыл ему и свои язвы душевные, о чем всегда терзался совестью, потерянною в этом предмете и непримиренною. Совесть хотя была в нем порочна и уязвлена, но все внушала ему оставить священнодействие, а вместе и пороки, чего, однако ж, он или по страху, или по малодушию, или по страсти и самолюбию сделать не решился до того времени, пока горестная смерть не прекратила дней его. Мщение совести есть тайный глас Божий; но кто Бога не уважает, как может надеяться от Него защиты во время бедствий?

Желая тебе в Троице Боге спасения, помещаю здесь и третье времен наших событие, а именно, что благоговейный один муж пересказывал мне:

В одном из российских монастырей был некто священник, а вместе и монах, который по обязанности своего сана начал однажды совершать Божественную Литургию, которую продолжая, достигнул приятия Св. Тела и Крови дражайшего Исккупителя мира Господа нашего Иисуса Христа. В это время, по обыкновению, запели по клиросам причастный стих, а священнослужитель должен был приступить к св. жертвеннику для таинственного соединения с нескверным Апокалипсическим Агнцем в правоте и смирении сердца, с чистотою чувств. Напротив того, с оскверненною завесою духа и совести приближаясь, ощутил он ужасное потрясение, так что едва не опровергнулся на землю; однако ж, отошедши, сел на стул. Потом, несколько ободрившись в силах, приступает вторично к жертвеннику и вторично поражается бессилием. По сем, отдохнувши, усиливается в третий раз, но уже ослабевает чрезвычайно. Предстоящие вне алтаря - наместник, казначей и братия, удивившись необыкновенному продолжению времени, вынуждены были войти в алтарь. Находят священнослужителя в крайнем бессилии, едва дышащего; спрашивают о причине. Убежденный наказанием милосердой еще к нему Десницы Вышнего, признался, что он, будучи поработан плотскою страстью, не внимая ни естественному закону, ни Закону Божию, без страха, раскаяния и благоговения приступал несколько раз к священнодействию. По признании и объяснении своих грехопадений, с глубочайшим уже страхом, сокрушением сердца и твердым намерением исправления, едва мог окончить Божественную службу. По донесении о сем высшей духовной власти и по производстве следствия, за глубочайшее его признание и уже нелестное смирение духа определено было послать его в один из пустынных строгих монастырей под строжайшую эпитимию.

Слава Богу, что Он наказал недостойного и пощадил. Но на это надеяться нельзя.

Любезный во Христе сын! Представив на среду сии страшные события, умоляю тебя Богом; если за гордость нашу и случилось тебе, как человеку, пасть, но "возстани, спяй, и освятит тя Христос!" Убоимся страшного суда Божия и гнева, который носится над главами нечувствительных грешников к их поражению; поражению немилосердому. Обратим взор наш на страну пламенной вечности, которая нещадно пожрет всех непокаявшихся сквернителей, погрузив их в бездну вечную, покрыв непросветимым мраком, где огонь их не угасает и червь их не скончается.

Потщимся свергнуть с себя мерзкую одежду нечистоты, т.е. оставь, говорю, гибельную привычку отвратительного любострастия. Убойся Бога, о сын мой! Если так, то не только я, ничтожный отец твой, но и Ангелы на небесах возрадуются о твоём обращении. А коль скоро иначе, то слушай следующее: *Или не весте, яко храм Божий есте? Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог.* Ибо не ужасно ли сие определение?.. Пал ты? Но восстани! Нарушил ты целомудрие? Но исправь оное покаянием и печалью, яже по Бозе. сколько можно! Осквернил ты храм Божий? Но можешь очистить обращением, и Бог милосердый всегда готов тебя простить и наградить. Притом, послушаем совета св. Отцов: что они советуют в таком случае? Вот что: ты должен непосредственно удалиться оттого места, где случилось пасть, и с сердечным расположением к исправлению переселиться в другую отдаленнейшую обитель. Проси ж сего у Бога: и даст тебе и средства, и силы. О, когда бы ты пожелал прийти в мои недостойные объятия! Какая бы это была душе моей радость! Ах, любимый сын! Я о тебе весьма нередко проливаю горестные слезы, а иногда, не вместивши горести сердечной, вопию подобным гласом, каким оплакивал св. Давид любимого им Авессалома: "Сыне мой! Сыне мой! Сыне мой!"... Пишу к тебе сие неравнодушно, ибо сгорает мое сердце. Пишу же не по разуму, но по сердцу. Но хотя ты меня и оставил, однако я еще себя питаю надеждою, что милосердый Бог даст тебе крыле рассуждения, яко голубине, да полетишь чрез покаяние в страну благочестия - покоя. Если же не послушаешь, то я, с сердечным прискорбием предавши тебя Промыслу Божию, "чист от крови твоей", и ты сам понесешь бремя свое и "от дел своих осудишься". Но когда такие о тебе сведения несправедливы, то я, известясь о том откровенностью твоею и сочувствием, более и более целомудрию твоему возрадуюсь, благодаря Бога, Которому поручив тебя, вторично приветствую во Христе духом искренности. Пребываю мирных и премирных благ тебе желатель, недостойный твой отец, ничтожный старец, схимонах Феодор. 1820 год. Александрo-Свирский монастырь".

Случай с нашим звонарем

Звонарь послушник Фрол Пожидаев (18 лет от роду) имел в келлии изображение святой преподобной Феодоры и прохождения души ее по воздушным мытарствам. В изображении этом послушник Фрол несколько раз колол глаза сатане иглою или булавкой, обвиняя его в прилучавшихся ему каких-либо смущениях или поползновении своем на гнев.

Сего 8 ноября, по окончании в колокола трезвона к Евангелию, Фрол подумал: "Теперь я не понадоблюсь в церкви - стало быть, и поспать можно". Сложившись с этим помыслом, он пришел в свою келью, лег и не успел как следует заснуть, как в тонком сне увидел в темноте сатану, лежащим на постели и точно таким, как он изображен на видении пр. Феодоры, и с выколотыми глазами. Фрол в страшном испуге закричал:

- Зачем ты здесь? И услышал ответ:

- А ты здесь зачем?

В то же время из соседней кельи послышался голос:

- Я тебе говорил вчера вечером сходить к старцу; тебе нужно было, а ты не пошел!

Соседняя келья в это время была заперта, и живущий в ней послушник Николай находился в церкви.

Фрол затрепетал от страха, очнулся, побежал вон из своей кельи и при этом видел, как бес вскочил с постели и прыгал за ним. В это время еще трепетавшего от страха Фрола встретил сосед его по келье Николай, шедший домой из церкви. О случившемся Фрол объяснил Николаю. Крик Фрола слышали находившиеся в среднем (втором) этаже старики - Афиноген и Никита, но старики эти не поняли, что бы такое с ним случилось. Кельи Фрола с Николаем находятся в 3 ярусе, в башне над кузницею.

1851 ГОД

Иже Христовы суть плоть распята со страстьми и похотьми.

Чем больше мы боимся креста, тем более имеем мы нужды в нем. Мы не должны падать под бременем, которое налагает на нас десница Божия, но должны судить о величине своих болезней по силе врачевства, которым Небесный Врач хочет их исцелить. Если Бог налагает на нас тяжкий крест, то мы должны из этого заключить, что наши душевные раны глубоки и опасны и что все-таки Бог милосерд к нам, когда в кресте находит средство к исцелению наших закоренелых и тяжких болезней. Итак, не будем противиться благотворному действию милосердия Божия, но из самого креста будем извлекать побуждения любить Бога и возлагать на Него упование свое; будем утешать себя словами Апостола: мгновенное легкое страдание наше произведет для нас в величайшем преизбытке вечную славу. Мы не имеем целью видимое, но невидимое, ибо видимое временно, невидимое же вечно. Блаженны те, которые здесь на земле сеют слезами: на небе с неизреченною радостью они будут собирать жатву жизни вечной и блаженной (Псал. 125, 5).

Христовы сраспяся, - говорит Апостол Павел. И мы должны раепяться с Икупителем нашим, и мы должны терпеть болезни крестные, умереть вместе с Ним, если хотим ожить и воцариться с Ним. Спасительная благодать, нисходящая со Креста, должна нас привлекать ко Кресту. Мы даже не можем удалиться от Креста, не удаляясь вместе от Христа Иисуса Господа, распятого на нем, ибо Крест и Распятый на нем - нераздельны. Итак, будем молить Господа нашего, чтобы Он, даруя нам Крест Свой, даровал вместе и силу распяться на нем и чтобы ниспослал нам дух любви к человечеству и незлобия к врагам нашим. Будем любить Его, чтобы Он расположил сердца наши к чувствованию не столько страданий наших, сколько блаженства страдать вместе с Ним. Можем ли мы терпеть какие-нибудь бедствия, которых бы Он не претерпел? Или лучше: что значит наше терпение в сравнении с терпением Его?.. Беспечные и слабые мы! Не должны ли мы стыдиться малодушия, видя страдания Господа своего?..

Март

Многие из братии нашей обители с 5 числа заболели от простуды горлом, сильным насморком и головною болью, в особенности же монах Порфирий,* у которого заболевание через 4-5 дней перешло в сильный кашель и горячку, так что наш городской лекарь Плетнер 10 числа уже нашел невозможным пустить кровь. 12 марта о. Порфирия

причастии Св. Тайн и пустили кровь из правой руки, но с большим трудом, потому что сгущение крови оказалось необыкновенным.

* В миру - Петр Александрович Григоров, бывший гвардейский офицер. В начале поступления своего в монашество он был некоторое время келейником великого Задонского затворника Георгия, с которым сохранил близость духовного отношения и по переходе своем в Оптину пустынь, где и скончался. Православная Русская Церковь обязана ему составлением жития Георгия, затворника Задонского. (Прим. С. Нилуса).

У о. Порфирия обнаружилась тифозная горячка: жар в голове, сухой кашель - вся простуда пала на легкие. К груди припустили пиявок, наложили на нее пластырь, к шее поставили мушки. Г. Плетнер старался усердно, приезжал каждый день утром и вечером и обнадеживал, что болезнь не так опасна и так пройдет. Но о. Порфирий не внимал уверениям и с утра понедельника решительно повторял, что ему непременно должно умереть между 14 и 17 сего месяца. 13 его особоровали св. елеем и приобщили Св. Тайн. С примерным смирением и самоукорением он у всех испрашивал прошения и молитв. На вопрос старца своего, отца Амвросия, почему он знает, что ему должно умереть между 14 и 17 числом, о. Порфирий ответил:

- Так говорят у затворника отца Илариона.

Сей затворник, 90-летний старец, давно знакомый о. Порфирию, живет в Лебедянском уезде, за 300 верст от нашей обители.

- Отец Иларион послал мне с Анной Васильевной рубашку и масло и приказал поспешить. Что ж это не несут ко мне? - Эти слова о. Порфирий повторял в понедельник и во вторник.

Всем казалось, что он это говорит в бреду от сильного жара, в состоянии беспамятства. Это тем более представлялось вероятным, что затворник, находясь за 300 верст от больного, не мог ни от кого в один день получить известия о болезни о. Порфирия. Но в среду 14 марта, утром, к удивлению всех, приехала в нашу обитель Анна Васильевна Андреев- _ екая (урожденная Гессе), козельская помещица, и прислала со своим человеком в келью к о. Порфирию посланные ему затворником о. Иларионом рубашку, пузырек деревянного масла и кусок ржаного хлеба. Госпожа Андреевская при этом сказала, что она отправлялась по усердию своему к затворнику Илариону, не зная ничего об о. Порфирии, а о. Иларион в беседе с нею говорил... * и дат отвезти о. Порфирию рубашку, масло и хлеб и, улыбнувшись, советовал ей поспешить к нам, сказав:

* Пропущено в подлиннике.

- Еще захватишь ли его?

Она приняла эти слова за шутку, а приехавши к нам в обитель, убедилась в прозорливости о. Илариона.

14 пополудни о. Порфирии надел на себя присланную рубашку затворника. Вечером он

прощался с братией, попросил к себе отца игумена, объяснил ему свои желания и распоряжения относительно вещей и дел по занятиям и испросил у него последнее прошение и благословение, сказав о близкой своей кончине.

В ночь с 14 на 15, в 3 часа пополуночи, в начале утрени, о. Порфирии просил удостоить его приобщения Св. Тайн, и, когда иеромонах Паисий приобщил его и предложил запить теплотою, о. Порфирий ответил:

- Нет, батюшка! В моем положении легко может возмутиться рвота.

Это были последние слова его. Тут же на лице его заметили отображение некоего благодатного утешения: лицо его, бывшее от жара красным, сделалось вдруг бело и приятно, дыхание же тихо и кратко. Отец Паисий начал читать отходную, и в половине чтения отходной о. Порфирии тихо и незаметно успе о Господе до последней трубы Архангела...

Вот и дни великие Великой Четырдесятницы преполовились! Дожили, по милости и долготерпению Божию, до повторительного чтения Великого Канона св. преподобного Андрея Критского: сегодня стояние в честь и славу преподобной матери нашей Марии Египетской. Душа моя, душа моя, возстани! Что спиши?..

"Душа моя, восстань! Душа моя, проснись
От тягостного сна!
Душа, войди в себя, опомнись, осмотришь:
Ты вся во тьме грехов погружена!..
Зачем ты вверяешься морю сует,
Мечтам своей жалкой дремоты?
И радости жизни, и горестный след,
И смутные сердца заботы.
Покоя отрада и время труда
И шум повседневных событий -
Все это проходит для нас навсегда.
Как сон, поутру позабытый.
А ты среди потока волнений мирских
Забыла, куда им влечешься!
Не помнишь священных обетов своих.
Не мыслишь о том, не печешься:
Взошла ль в тебе жизни бессмертной заря?
Начался ли подвиг твой трудный?
И с чем ты предстанешь пред Бога-Царя
Воздать Ему слово в день судный?
Твой близок час, душа! Быть может, наступил
Последний жизни день,
Когда в томительном бореньи жизни сил
Тебя вдруг смертная застигнет сень!..
И тело растает, как воск, под огнем:
Твой рушится столп утвержденья:
Останешься там ты одна ни на чем.
Не став здесь на камне спасенья.
Ты будешь там тяжко во веки страдать.
Стенать, поглощаема бездной,

И жить, чтоб, к несчастью, видеть и знать.
Что нет в тебе жизни небесной...
И ужас суда обуяет тебя;
Всю гнусность свою ты узнаешь:
И в бездне ничтожества скрыла б себя.
Но тщетно сего возжелаешь!
Постигнет проклятие Судного дня
Твои грех, твою злость и беспечность...
Увы! - твоих мук не угасит огня
Во веки веков неизменная вечность.
О, воспряни, душа! Молись,
чтоб Царь-Христос
Тебя не осудил!
За верных Сам Себя на жертву Он принес
И Кровью их пречистою омыл.
Он - наш Искупитель! Бессмертья лучи
Из гроба Его воссияли;
В руке Его неба и ада ключи -
И жизни, и смерти скрижали,
И суд на главы ослепленных врагов,
И рай, и венцы испытаний.
В деснице Его - беспредельность веков
И вся необъятность созданий.
И Он. мирозданья великий Господь.
От Ангелов трепетно чтимый.
Приявший здесь долу смиренную плоть.
Всем тайно присущ нам. Незримый.
И ясны сердца всех, как день, перед Ним,
И всех Он щадит и врачует,
И долго тебя милосердьем Своим,
Как блудного сына, взыскует".

Стихи эти принадлежат перу вдохновенного Самим Богом трудника Его на ниве Христовой, алтайского миссионера, архимандрита Макария. Выписываю их в свои заметки как дар чистой, христианской поэзии, как утешительный отзвук великих и радостных дней св. Четырехдесятницы, приготавливающей сердце наше к приятию и вмещению в себя победного торжества Воскресения Христова.

Батюшка-старец отец Макарий получил письмо из Томска, из тех сибирских краев, где подвизайся автор вышеприведенного стихотворения. Пишет ему монах с Афонской горы, Парфений, живущий в Томске при архиерейском доме. Этот Парфений проездом был у нас в монастыре и в скиту в 1837 - 1838 году. В письме своем он между прочим описывает сказанное при нем архиерею миссионером-протоиереем с Алтая, что на Алтае один крестьянин искал лошадей своих по лесам и дебрям. Удалившись незаметно в непроходимые места, крестьянин этот достиг в дремучем лесу горы.

Пройдя по глубокой расселине, он увидел поляну, на которой земля оказалась вскопанной, и на ней были устроены гряды. Крестьянин удивился и подумал: кто бы мог сюда зайти? Оглядевшись кругом, он заметил в горе пещеру и в ней - дверь. Он пошел по направлению к пещере, и тут к нему из пещеры навстречу вышел человек, совершенно

нагой, весь обросший волосами, препоясанный каким-то рубищем.

Оба они испугались друг друга и стали креститься. Пустынник спросил:

- Кто ты? Дух или человек?

- Крестьянин села... - ответил крестьянин.

- Как ты зашел сюда? Я вот двадцать лет живу здесь и никого еще не видел.

- Я ищу своих лошадей и, потеряв путь, забрел сюда... Скажи же и ты мне, пожалуй, как ты сюда поселился и с кем живешь?

- Я рассмотрел суету мира, - отвечал пустынник, - и удалился сюда со старцем, который со мною прожил здесь и скончался: и вот двадцать лет я здесь один.

- Чем же ты питаешься?

- Зельем и овощем, вот на этих грядках растущим. Огня у меня нет: ем сырое.

- Не принести ли тебе хлеба?

- Нет, не нужно. Не сказывай про меня никому, пока не угодно будет Богу!

- Как же ты согреваешься зимою?

- По милости Господа Бога, для меня зима и зной - все равно: не ощущаю ни холода, ни жару.

- Научи меня, - сказано крестьянину, - как молиться. У нас некоторые говорят, что должно молиться двумя пальцами и не ходить в церковь.

- Молиться должно, - отвечал пустынник, - как пастыри Христовы учат, - в Церкви Божией и отнюдь от нее не уклоняться: она - мать спасения нашего.

По таковой беседе крестьянин расстался с пустынником и, вернувшись домой, рассказал миссионеру, который и сам вознамерился было отправиться к пустыннику (место пустыни том от пребывания миссии в 15 верстах), но не осмелился из боязни беспокоить старца...

Не образец ли это, подобный древним, совершенного предания себя воле Божией?...

"Господи, что мя хочещи творити?" - так вопрошал святой Апостол Павел, когда благодатию гонимого им Спасителя чудесно был обращен в христианскую веру. Сколько раз и мы гнали Его своим неверием, страстями, пороками, которые препятствовали действию милосердия Его в сердце нашем! Итак, если Богу угодно было посетить нас несчастьем, если Он сокрушил гордость нашу, если посрамил плотскую нашу мудрость, то с совершенною преданностью скажем Ему: "Господи, что нас хочещи творити? Доселе мы почти не знали Тебя и делали бесчисленные опущения в исполнении священных обязанностей своих; обращение свое мы всегда отлагали к будущему времени - теперь мы готовы исполнять все повеления Твои. Будь неограниченным Владыкою нашего сердца и жизни!".

Решиться исполнять волю Божию и, спустя несколько времени, не соответствовать этой решимости или решиться исполнять волю Божию только в важных делах жизни - не значит решиться. Решимость эта должна быть твердая и постоянная, она должна простираться и на самые малейшие поступки наши.

Если мы решились посвятить жизнь свою Богу, то, чтобы увериться в этой решимости, мы должны испытать свое сердце: готово ли оно пожертвовать Богу самыми тесными связями дружества, самыми закоренелыми привычками, самыми сильными наклонностями, самыми приятными удовольствиями?..

11 апреля

Среда Светлой седмицы

Больной чахоткой послушник Варсонофий пополудни на одре своем едва только задремал, как увидал во сне: будто он стоит на земле, и вокруг него все пространство вдруг охватило страшным адским пламенем. Все горит с шумом и треском, и пламя приближается к нему... Бежать некуда. Он в страхе и отчаянии будто бы закричал и отпрыгнул - и, в ту же минуту очнувшись, слышит:

- Христос воскрес!

Это помолитвился иеромонах Гавриил у двери, придя его навестить. Войдя в келью, о. Гавриил видит Варсонофия, трясущегося всем телом и изменившегося в лице. Он спрашивает его:

- Что с тобою, брате?

- Ох, батюшка! - едва выговорил Варсонофий. - Я ад видел. Вся внутренность моя поворотилась от страха!

И он рассказал все подробно. Отец Гавриил утешил его беседой и советовал надеяться на милосердие Воскресшего Господа, Который верующим в Него и исполняющим дела веры уготовал не ад и не Муку, а такое неизобразимое вечное блаженство, его же "око человеческое не виде, и ухо не слыша". После этого Варсонофий едва через несколько часов успокоился и благодарил Бога за то, что Он послал ему в эту страшную минуту посетителя.

Виденный огонь и пламя Варсонофий не мог уподобить никаким ужасам на земле...

Блажен монах, блажен всяк христианин, кому не чужда память о смерти! И что за ужас беспросветного отчаяния ожидает тех неверных христиан, кому чужда эта память!
Безумие! В сию ночь истяжут душу твою от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?
(Як. 12, 20).

Для тех людей, которые очень привязаны к этой жизни, нет ничего страшнее смерти. Удивительно, что столь много протекших веков не научили нас правильно судить о прошедшем и будущем и не освободили нас от самого очевидного и грубого заблуждения в суждении нашем о времени. Мы живем так, как будто никогда не должны умереть. Но, хотя бы мы на зрелище мира сего обращали на себя всеобщее внимание, память наша погибнет вместе с нами, если мы в делах своих руководимся не преданностью воле Божией, но единственно самолюбием или желанием оставить по себе славу своего имени. Богу угодно, чтобы все скрывалось в бездне забвения и чтобы в ней люди погружались гораздо глубже, чем все прочее. Египетские пирамиды еще целы, но имя строителя их неизвестно. Допустим даже, что оно может открыться или уже открылось, но что пользы в том строителю? Он так же останется чуждым и неизвестным миру, как если бы он никогда и не был на свете. Итак, что же мы должны делать на земле? К чему послужит самая счастливая жизнь, если она не руководит нас к смерти

блаженной, к смерти истинного христианина, исполненного веры в блаженную вечность? *Будите готовы, яко в онъже час не мните, Сын Человеческий приидет,* - сказал Спаситель. Эти слова относятся к каждому человеку, в каком бы кто возрасте, в каком бы кто состоянии ни был. Но, несмотря на это, большая часть людей составляет себе различные планы, исполнение которых предполагает долговременную жизнь, составляют даже тогда, когда жизнь их очевидно должна скоро окончиться. Если и в самой опасной и неисцельной болезни мы обыкновенно еще питаем надежду выздороветь, то какими только надеждами не обманываем мы себя, когда мы совершенно здоровы?

Отчего в нас такая уверенность как бы в бесконечном продолжении жизни? Отчего мы всегда желали бы отдалить от себя смерть? Оттого, что мы не любим Царствия Божия и благ будущего века. Слабые, беспечные и безверные христиане, мы не можем возвыситься над земными удовольствиями, которые, по собственному нашему признанию, почти всегда вредны и часто губительны для той же продолжительной жизни на земле, которой мы так дорожим и к которой так стремимся!.. Истинное и верное средство приготовить себя к последним минутам жизни состоит в посвящении каждой минуты жизни единственно исполнению воли Божией и в непрестанном памятовании смерти.

Но памятование смерти для верующего христианина не есть ожидание холодной могилы, но - благ вечных: *ихже око не виде и ухо не слыша и на сердце не възидоша благая, ямсе уготова Бог любящим Его* (Кор. 2, 9).

Какая, по-видимому, несоразмерность между нашими делами на земле и наградами на небе! Древние христиане непрестанно одушевлялись надеждою вечных благ. Небо не только им казалось, но и было для них открытым. Ни бесславие, ни мучения, ни жестокая смерть не могла ослабить ревности их на пути благочестия. Они уверены были, что страдания их вознаграждены будут бесконечным блаженством в будущей жизни. Кажется, что мучения и бедствия, как бы ни были они велики и многочисленны, еще не вполне удовлетворяли их сильному желанию терпеть за имя Господа Иисуса Христа, и они были ничтожны для их непоколебимой твердости. Они даже радость великую испытывали, когда осуждаемы были на глубокое унижение и делались предметом всеобщего презрения. Но мы, малодушные и беспечные христиане, мы не умеем терпеть, потому что не умеем укреплять себя надеждою небесных наград. Мы падаем под бременем и малых, даже часто таких крестов, которые налагают на нас наша гордость, наше неблагоразумие, наши пороки, расслабляющие нас.

Написано, что *сеющие слезами радостию пожнут*. Сеют, обыкновенно, для того, чтобы после собрать жатву. Настоящая жизнь дана нам для сеяния: плоды трудов своих мы будем пожинать в жизни будущей. Но мы, люди земные и плотские, мы хотели жать не сеявши; мы хотели бы служить Богу только тогда, когда бы нам это недорого стоило. Наше самолюбие, обыкновенно, питает себя великими надеждами, нимало не основывая их на великом терпении. Глухие и слепые, неужели не слышали мы никогда, неужели не видели мы никогда в примерах святых, что Царствие Божие с нуждою восприимется и что только те достойны бывают получить его, кто имеет силу и крепость побеждать себя? Путь жизни нашей мы должны омочить слезами о грехах наших, ибо *блажени плачущий, яко тии утешатся; и горе смеющимся, яко възрыдают*, горе тем, кто утешается в этом мире! Будет время, когда все ложные утехи исчезнут и оставят после себя одни губительные следствия. Мир, который радуется ныне, будет некогда плакать; но слезы, проливаемые о грехах ныне, будут некогда стерты Самим Богом (Откр. 21,4).

16 апреля, в понедельник

Прискорбный произошел сегодня в обители нашей случай. Пополудни в 5 часов прибыли в монастырскую гостиницу: земского нашего суда неперемный член Новиков, становой пристав 1-го стана Соколов и священник Казанского собора Иоанн. Не относясь к настоятелю обители, они стали ходить по монастырским заведениям и каждого встречавшегося им расспрашивать: кто он и имеет ли вид? На скотном дворе они ворвались в прачечную к моющим белье, бесчинничали и горько обидели прачек. При входе в гостиницу становой Соколов грозил гостиницу:

- Мы потрясем теперь вашу обитель! Я хоть не бывал здесь, а знаю, как вы тут живете.

Отец игумен вынужден был отыскать их и пригласить в келью. Тут они были угощены и просили, чтобы им прислали ужин на гостиницу. На гостинице они потребовали к себе прибывшего на богомолье щигровского мешанина Михаила Иванова Авдеева, отобрали от него паспорт, грозили разными дерзостями, грозили, что отдадут его в солдаты, отправят по пересылке... Авдеев, не зная за собой вины, не понимал, чего они от него хотят.

Священник же Иоанн, будучи в беспорядке и куря трубку, твердил:

- Подписывайся - отпустят!

Находившийся при них для угощения и наблюдения рясофорный монах Александр Смирнов, из отставных поручиков, потчевал их ужином. Священник, вернее, поп, изругал Смирнова, а становой Соколов с досадой на Смирнова сказал:

- Что вы меня потчуете этим? Я не этой пищи хочу: я денег хочу!

Больно было это слушать Смирнову. Заметив его неудовольствие, компания струсила и, чтобы как-нибудь замять безумные слова Соколова, они начали кричать на Смирнова:

- За дерзкое ваше обращение мы, в присутствии временного отделения суда, составим журнал... Пиши! - обратились они к приехавшему с ними письмоводителю, приказному старику, который нюхал в это время табак и держал перо над бумагой. На столе, вместо зеркала, стоял графин с травником и рюмки с закуской. Смирнов возразил им, что он не видит и не признает в таком положении временного отделения и с этими словами ушел из гостиницы. Наглецы чрез полчаса послали просить Смирнова к ним и по его приходе стали стращать составлением журнала, но ничего, конечно, не составили и Смирнова не запугали. Чрез полчаса они стали просить лошадей до города или дать им проводника, но опять остались и ночевали в гостинице.....

Недаром Варсонофий за пять дней до этого видел адский пламень... Но да простит им Господь многомилостивый! Нам заповедь дана Апостольская: *Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов.* Христианская любовь не требует, чтобы мы совершенно не видели слабостей другого: для сего надобно было бы закрыть глаза; но она требует, чтобы мы без нужды не были слишком внимательны к погрешностям и недостаткам ближнего, чтобы мы, имея столь великую склонность замечать ошибки другого, обращали внимание и на совершенства его. Мы должны помнить, что Бог и из самой последней, и из самой ничтожной, по-видимому, твари может сотворить Себе сосуд славы Своей; должны часто представлять себе причины, которые побуждают нас презирать самих себя. Наконец, мы должны помнить, что истинная любовь все покрывает,

все переносит, даже и самое оскорбительное. Любовь знает, что в презрении к другим выражается жестокость и гордость, которые противны Духу Божию. Божественная благодать не презирает того, что в глазах людей часто бывает презренным; она переносит то, потому что Бог, по непостижимым Своим планам, часто из зла производит добро. Ни гордое отвращение, ни излишняя строгость и нетерпеливость, оказываемые человеку, сделавшему некоторые погрешности, не сообразны с ее действиями. Никакое человеческое развращение, если можно так выразиться, не удивляет ее, потому что везде вне Бога она видит только ничтожество и грех. Должны ли мы прекратить или умалить благожелательность наших отношений к человеку потому только, что он подвергся некоторым слабостям? Мы жалуемся, что принуждены бываем терпеть оскорбления от других, но неужели же мы сами не оскорбляли никого? При виде недостатков другого мы показывали неудовольствие: но неужели же мы сами во всем совершенны? Не ужаснулись ли бы мы, если бы все те, которых мы оскорбили когда-нибудь, пришли к нам потребовать удовлетворения за оскорбления? Хотя бы нам и казалось, что мы довольно честны и справедливы во всем, но Бог, Который знает самые малейшие и сокровеннейшие дела наши, не может ли обличить нашу виновность перед Ним и, может быть, пред теми самыми людьми, которых мы почитаем виновными пред собою? Итак, будем опасаться, чтобы Бог в день всемирного Суда не спросил у нас, почему мы были немилосердны к нашим братьям, тогда как Он обильно изливал на нас Свое милосердие.

Путь к снисхождению к слабостям ближнего указан Господом нашим Иисусом Христом, говорящим: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*. Он научает нас Своим примером. Он сошел с неба на землю, принял слабое и бренное тело человека, умер на Кресте, чтобы обличить нашу гордость. Тот, Который есть все для нас, унижал Себя до позорнейшей и лютейшей смерти; а мы, которые не значим ничего, хотим быть всем, или, по крайней мере, хотим, чтобы нам приписали то, чего мы не имеем. Господь Иисус Христос говорит нам, что Он кроток и смирен: довольно нам того, чтобы подражать Его примеру. И кто откажется последовать Ему? Грешник ли, который своею неблагодарностью к Господу своему уже многократно был достоин, чтобы Божественное правосудие поразило его молнией?...

Смирение есть источник истинной кротости. Напротив, гордость всегда бывает надменна, нетерпелива, раздражительна. Человек, который внутренне презирает себя, охотно терпит презрение и от других. Человек, который думает, что он не имеет в себе ничего доброго, не оскорбляется, если должен терпеть обиды от других. Истинная Евангельская кротость не может быть следствием природных кротких качеств души: она есть плод самоотвержения. Господь Иисус Христос был кроток и смирен сердцем: это значит, что смирение не ограничивается одним умственным сознанием своей греховности и недостойности пред Богом. Смирение есть чувство сердца. Оно есть такое самоуничижение, в котором участвует воля, которого не стыдится человек, но которое приятно ему, потому что он видит в нем средство к прославлению Божию. Смирение есть болезненное чувствование своей бедности пред Богом. Оно состоит в отвержении всякой надеянности на свои естественные силы. Врачевство к исцелению душевных ран оно находит только в одном Боге. Но видеть небесное состояние души своей и впадать в отчаяние не значит быть смиренным. Отчаяние есть плод гордости. Оно хуже самой гордости.

2 июня

Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург известный писатель Николай

Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3 числа он отстоял в скиту Литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец своего благочестия.

Большая была бы сила для Церкви Христовой на земле в лице Николая Васильевича Гоголя, если бы не так поздно обратился он к истинному благочестию! Какая бездна ума, таланта, энергии затрачена им была, и на что же? На осмеяние души родного русского человека! Великий дар Божий - талант писателя, но и какова же возложена на него ответственность! И как мало на земле людей таланта, постигающих, на что дарование это дано им от Бога, разумеющих истинный смысл Господней притчи о талантах! На что, на какую мелочь житейскую, на какой, в сущности, вздор, именуемый нами "делами", размениваем и разматываем мы наше духовное богатство, забывая о *едином на потребу!* Гоголь хотя и поздно, но все же истинно и искренне понял назначение христианского писателя, устранился страшного ответа, который ему придется дать пред Домовладыкой, от всего сердца принес покаяние в содеянном им тяжком грехе осмеяния Божьего творения - души христианской: на нем и в нем милосердие Божие победило грех человеческий. Но что сказать о других великих русских талантах? Вспомним горестный конец обоих "властителей" верхов русской мысли, Пушкина и Лермонтова, и скажем себе с сердечным трепетом: *Страшно грешнику впасть в руце Бога Живаго!..*

Печешиея и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу, - сказал Спаситель Марфе, сестре четверодневному Лазаря. Нам кажется, что у нас тысяча дел, между тем как у нас одно только дело. Если мы худо исполняем это дело, то все другие дела, сколько бы они ни казались успешными, бесполезны для нас. Для чего же мы печемся о многих делах? Для чего умножаем беспокойства свои? Решимся же впредь посвящать внимание свое, все труды этому одному делу, которое дано нам здесь, на земле. При свете Слова Божия, при содействии Божественной благодати в каждое мгновение данного нам времени будем, сколько позволят нам наши силы, исполнять то, к чему будет призывать и обязывать нас Промысл Божий. Оставим все прочее, если оно не относится к "единому на потребу", потому что все прочее препятствует его исполнению.

Дело соверших, еже дал еси Мне да сотворю, - сказал Спаситель Богу Отцу Своему. Каждый из нас должен быть готов сказать слова эти в тот день, в котором у него потребуют отчета всей его жизни. Все то, к исполнению чего ежедневно призывает нас Промысл, мы должны почитать делом, возложенным на нас Самим Богом, и потому должны заниматься этим делом соответственно величию и важности его нам Назначившего, то есть должны исполнять свои обязанности с точностью, со спокойным духом, как бы в присутствии Божьем. Не должны показывать нигде нерадения, никогда не действовать по побуждению страстей; должны подавлять в себе самолюбие и не увлекаться ревностью к славе Божией, основанной на одном самолюбии. Более всего мы должны молить Бога, чтобы Он нам дал силу и крепость в исполнении обязанностей наших и дух смирения при успешном их выполнении, чтобы волею Своею Он оживотворил волю нашу и, наконец, чтобы благодатью Своею побуждал нас и в самых занятиях наших должностями, сколько можно чаще, обращать сердце наше к Нему. Мы должны быть совершенно в воле Его и предоставлять Ему благословлять наши слабые труды такими успехами, какими Ему будет угодно, или никакими, если Ему неужгодно будет...

Ноябрь

Разбирая рукописный материал, оставшийся в черновых бумагах в Бозе почившего старца Льва, я нашел два его письма к неизвестным мне мирским лицам. Хотя содержание их ничего не имеет общего с жизнью монашеской и, казалось бы, не место им в моих записках, но они исполнены такой мудрости и убедительной силы, что было бы жаль мне не сохранить для себя этих образцов силы слова основателя старчества в нашей обители.

Первое из этих писем обращается к некоему господину, преступившему 7 заповедь, укоряемому совестью и собственным разумом желающему просвещения от книг Божественного Писания.

"Писанием вашим от 24 сего октября, с людьми вашими посланным, - так пишет старец, - изъясняете моей худости известную мне вашу слабость, от коей не только не воздержались, но еще видите в себе усилившуюся более - по случаю известному... Желая найти успокоение совести, терзающей ваше сердце, делаете заключения по вашему понятию, приведя из Ветхого и Нового Завета тексты Священного Писания и течение естественного закона. Однако ж ни в чем оном не находите себе успокоения и могли бы прийти в отчаяние, ежели бы не слова св. Апостола Павла, что самая вера и добродетель - не от нас, но дар Божий. Итак, вы припадаете ко Господу с покаянием и прошением победить в вас все противное, воскресить или возродить в вас нового духовного человека, в чем, однако ж, просите моего наставления и вразумления. Хотя я чувствую слабость своего здоровья и лишение себя в написании вам своеручного ответа, но так как вижу веру вашу ко мне, убогому, диктованием чрез другого сие вам пишу, желая как мнения ваши обратить к истине, так и указать средство, где и как искать исцеления болезнующей душе вашей.

Истинно и несомненно то, что грешнику, ощутившему свои грехи и биемому от угрызания совести, должно искать прощения и исцеления язв своих у милосердного нашего Спасителя, искупившего нас крестною смертью пролитием пречистой Своей Крови, принесшего Себя Богу и Отцу в жертву о грехах наших. Но Он, совершив дело спасения нашего, даровал нам Божественное Свое учение, основал на земле Церковь, установил Св. Таинства, поставил пастырей и учителей церковных и, посылая их, св. Апостолам сказал: *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа блюсти вся, елика заповедах вам; иже веру имет и крестится, спасен будет, а иже не имет веры, осужден будет*". И прежде сего: *Слушай вас Мене слушает, и отменяйся вас Мене отменяется и пославшего Мя Отца. И: Аще преслушает Церковь, буди тебе яко язычник и мытарь, и: Аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и аще разрешите на земли, будут разрешена на небеси*. Все сии слова относятся как до св. Апостолов, так и до преемников их, церковных пастырей и учителей даже до сего времени. Церковь в своем основании пребудет всегда тверда, и врата адовы не одолеют ее. Какие сделаны впоследствии установления в учреждении Св. Церкви как св. Апостолами, так Вселенскими Соборами, пастырями и учителями церковными по вышеписанным заповедям Божиим, должны мы почитать и хранить свято, повиноваться учению Церкви и Св. Писания, смысл не определять своим разумом, а так, как оный Церковь приняла и определила, ибо она Духом Святым все сие действовала, имея Главу Церкви Самого Христа. От противного же сему известно, какие произошли ереси, расколы и разделения. Но мы, как благодатью Божьею находимся в истинно Православной Соборной и Апостольской Церкви, должны, благодаря Богу, повиноваться ей во всем, не внимая чуждым или своим мнениям, а иначе уже не можем именоваться и быть сынами

Церкви, но противники оной, за что нельзя избежать осуждения.

Вы, делая свои заключения, основываясь на Св. Писании, нигде не предложили себе заповеди Божией о повиновении Св. Церкви и к ней ни в чем не относили своего умозаключения, а прямо сами полагали смысл Св. Писания. Но во многом погрешили те люди, которые сомнительно устанавливали в Церкви порядок и определяли по-своему смысл Св. Писания. В богодухновенных пастырях и учителях церковных Сам Дух Святой действовал в их деле, но вы сего о себе сказать не можете, хотя и имеете естественный, науками просвещенный ум, но - не благодатью. Знайте ж, что *мудрость века сего - буйство есть у Бога*. Итак, советую вам, когда желаете спастись, во всем повинуйтесь Церкви, в которой вы находитесь - Православной Восточной Грекороссийской. А дабы знать в точности ее учение, прочтите православное исповедание Апостольской Кафолической Церкви Восточной, которое уже в седьмой раз издали в 1838 году в Москве. Еще помещено оно в "Христианском Чтении" 1838 года и после особой статьей напечатано под названием "Царския и Патриаршия грамоты, послания патриархов Восточной Кафолической Церкви о православной вере".

Вы пишете, что, по слову св. Апостола к Ефесеям (2 гл., 8), вера и все добродетели суть дар Божий - плоды Духа Святого, почему и опираетесь на сие, будто бы не от вас зависит исполнение сего. Прочтите на сие толкование св. Иоанна Златоустого: "Вера, точно, - дар Божий, пришествием Его нам дарованный; но не отнято самовластие. Он удаляет от нас то, чтобы мы не похвалялись бы собою, говоря: "Божий дар - не от дел, да никтоже похвалится". А далее говорит: "Создани о Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим". Сим поставил не едину веру, но и добрые дела. Имея основанием дар Божий - веру, не можем похвалиться ни ею, ни исполнением благих дел, ибо имеем предваряющую нас благодать Божию, чрез совесть зовущую нас ко благому; и когда самовластие преклонится ко благому, тогда паки благодать помогает, потому что и еже ходити и еже деяти - от Бога. Когда же Бог зовет нас через совесть ко благому, а самовластие наше противится оному, то Бог, не нудя нас, попускает исполняться воле нашей, отчего помрачается ум наш, изнемогает произволение, и мы "творим дела неподобная: понеже не пскусиша Бога имети в разуме, попусти их Бог творити неподобная". Плоды же Духа Святого даруются уже тем, которые стараются исполнять заповеди Христовы.

Опять вы приводите Св. Евангелие Матфея, главы 5 ст. 31 и 32, совсем в противном смысле подлежащему делу о выдаче в замужество... Там сказано о жене. Но в сем деле есть одно только преступление, о котором надо более ужасаться, нежели уважать закон естества, потому что оно - от греховного действия, в противном 7-й заповеди Божией и Евангелию (Мф. 19, 9), а также и учению Св. Апостола Павла (1 Кор. 6, 9 и к Евр. 13, 4). Без всякого опасения надобно стараться выдать в замужество, дабы расторгнуть греховные узы, связывающие вашу совесть: тогда вы будете свободнее, и покаяние ваше будет истинное и действительное, ибо покаяние тогда только истинно бывает, когда человек восчувствует грехи свои, коими прогневал Создателя своего, оставляет греховное действие, сожалеет об оном и раскаивается, после чего удостоивается прощения благодатью Христовою чрез разрешение священника. А когда не оставляет греха, хотя и кается, то сие не есть покаяние, но опасное, чрезмерное и даже безрассудное упование на благость Божью, которое так же, как и отчаяние, в равной мере судится пред Богом. Вы видите, что носите печать наказания Божия отведением в греховный плен сердца вашего и помрачением смысла, ибо и самое Св. Писание толкуете не в свою пользу, а во вред себе и некоторым образом поставляете Бога виновником, якобы не давшего вам дара к

деланию угодного Ему. Вспомните ваши лета: может быть, уже к вечеру склонился день ваш; к тому же и неизвестность кончины! И дабы еще более не помрачиться и не остаться в плену и узах греха, зовушу вас Богу биением совести (я знаю, что она вам мира и покоя не дает), покажите самовластие вашего благого произволения, оставьте... и просите Божией помощи, которая очень нужна вам: тогда и разрешение получите, а без того оно служит вам вящим поводом к греху. Я вспомню вам о наказаниях духовных, постигших вас; но опасайтесь и явных, в коих является правосудие Божие. Когда человек волею не оставляет чего, вредящего ему, то и неволею к сему принудит. Повинитесь во всем правилам Св. Церкви и богодухновенным учителям ее, а не своему разуму. Может быть, нет ли сего в вас, что не имеете к себе особенного внимания и не считаете должным во всем держаться постановлений Церкви, рассуждая все своим разумом? Это можно отнести к гордости, за что и попущено вам отведенным быть в плен. Смиритесь же во всем пред Богом и людьми: на смирение это призрит премилосердый Господь и избавит вас от сего плена и дарует прощение грехов.

Предлагая вам сей мой совет, молю Господа, да даст нам чувство и силу к исправлению себя и к принесению истинного покаяния, нужного для вечности. И, при пожелании вам мира, здравия и спасения, с нижайшим почтением пребыть честь имею ваш недостойный богомолец иеросхимонах Лев.

Выписка из книги 1-й части воскресных и праздничных поучений: "Христианин, хотящий причастится, не приближайся сему, не приступай! Развяжи прежде связывающие твою душу узы грехов своих истинною исповедью. Во вражде ли ты с кем - развяжи прежде узы вражды и примирился с ближним твоим.; обидел ли кого, украл ли, отнял ли что у кого и имеши у себя чужую вещь - развяжи узел обиды и учини обиженному праведное возвращение. Связался ли с блудницею или прелюбодейцею и жил в грехе толикое время на общий соблазн другим - развяжи узел плотский и свободи плененную душу от рук диавольских". И паки во 2-й части Добротолубия, у иноков Каллиста и Игнатия гл: 80-я - "о поползновении и покаянии". И Св. Исаак пишет в 90-м слове: "Не егда в чесом поползнемся, тогда опечалимся, но егда пребудем в том: поползновение бо множицею случается и совершенным. А еже в нем пребыти - умерщвление есть совершенно. Уже упованием покаяния поползайся вторицею, сей коварно ходит с Богом: на сего неведомо нападает смерть, и не достизает времени упования своего - исполнити дела добродетели".

Другое письмо великого старца Льва касается сожителства с женою в браке и обращается к некоему мирянину, возомнившему, что жизнь по плоти в браке может служить препятствием к достижению Небесного Царствия. Сети вражеские уловляют весьма часто неопытное благочестие призраками и мечтаниями мнимого подвижничества: раскрытию одного из таких обманов врага нашего спасения и посвящено с великою проникновенностью предлежащее письмо:

"Пишешь ты: "Можно ли в вере, имевши брак, т. е. жену, и живши в неразлучности с нею, быть наследником Царствия Небесного?"

Касательно сего пункта Спаситель наш Иисус Христос сказал: *Несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть; и рече: сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будета оба в плоть едину, якоже ктому песта два, но плоть едина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает* (Мф. 19, 4-6). И св. Апостол Павел сказал: *Честна женитва во всех и ложе нескверно: блудников же и прелюбодеев судит Бог* (Евр. 13, 4). Еще чти Ефес. 5, 25; 1 Кор.

7, 1-12. Поелику Сам Бог сотворил мужа и жену; а когда Сам Бог сотворил их, следовательно, не на погибель душевную, но на пользу, и сказал: *Раститесь и множитесь, и наполните землю* (Быт. 1, 28); и паки: *Не добро быти человеку единому, сотворим ему помощника по нему* (Быт. 2, 18).

Прочти и историю церковную и увидишь, как в Ветхом Завете и Новой Благодати сколько было праведников в мире, живших с законными женами: они не погибли, а получили Царство Небесное. Так и ныне живущие с женами по закону не погибнут, но получат жизнь вечную. А что ты пишешь о каких-то людях-постниках, разлучившихся с женами, живущих розно по домам, а по временам собирающихся в одном доме для отправления по своему обычаю какой-то службы: об этих людях безошибочно можно заключить, что это какие-нибудь раскольники, а не правоверные, ибо противятся Церкви и ее постановлениям, основываясь на своем помраченном страстями и прелестию бесовскою разуме. И потому они суть подражатели древним еретикам, о каковых ниже сего увидите. В Кормчей же Поместного Собора, иже в Гангре, в правилах 5 и 6 сказано следующее: "Аще кто учит дом Божий, рекше - Церковь, преобидети и нерадети о ней, ни собираться в ней во время молитвы на пение, да будет проклят". И паки: "Аще кто кроме Соборная Церкви о себе собирается и, нерадя о Церкви, церковная ищет творити, не сушу с ним пресвитеру по воле Епископа, да будет проклят".

При сем скажу тебе о еретиках, бывших в древности, кои гнушались законным браком и учили расторгать оный, а именно были: 1) Маркиониты, 2) Евстафиане. Они, кроме того, что брак отвергали, осуждали мясо идущих и вино пьющих, брачные ризы носящих; гнушались и причастием Тела и Крови Христовых (так же, как и нынешние раскольники, противники Церкви); учили в Церковь Святую не входить на пение и молитвословие, и во вретиах ходили. За таковое их лицемерное воздержание и осуждение благочестивых святой Поместный Собор, бывший в Гангре, осудил и проклял (зри в Кормчей означенного Собора - правила 1, 2 и 9). Подобно сему и Мессалиане, и Энкратисты, и Богомилы также учили расторгать законные браки, а сами тайно сквернились так, как и ныне многие из раскольников. И потому прошу и молю таковых не слушать, но повиноваться церковным пастырям - преемникам Апостольским. Ходи в церковь Божию, исповедуйся пред служителем Христовым, приобщайся Божественных Тайн, т. е. Тела и Крови Христовых; и ежели что, по-видимому, и увидите в служителях Христовых, делающих сану их непристойное, бойся осуждать их, поелику их и нас судить будет Судья нелицеприятный Сам Бог Иисус Христос. И когда сохранишь сие, не лишишься милости Божией, а брак твой и сожитие с женою в благочестии не воспрепятствуют тебе внити в Царствие Небесное, поелику Церковь, основываясь на вышеписанном Св. Писании, установила в числе семи таинств церковных и таинство брака, которое служит освящением к размножению рода человеческого, и потому, без сомнения, живущие по заповедям Божиим и повинующиеся Церкви наследуют Царство Небесное. Недостойный богомолец, иеросх. Лев".

1852 ГОД

29 января

Во вторник утром в 8 часов скончался престарелый трудник в обители сей, Антоний Никитин; от роду имел более ста лет, а в монастыре находился с 1834 года на монастырских трудах в числе послушников, с дозволения своего господина, помещика Егорьевского уезда Рязанской губернии, гвардии штабс-капитана, Николая Петровича Полозова. По паспорту покойному было до 94 лет. Крепок телом, был обходчиком монастырского леса. С 1849 года ослабело у него зрение, а потом ослеп. Пред смертью

поболел, исповедался, приобщился Св. Таин, осособовался в совершенной памяти и удостоился видеть внутренними очами посещение его Богоматерью, но не мог подробно изъяснить того посещения. Тихо почил о Господе. 31 по Литургии погребен на братском кладбище.

Как от земли до неба, так и наша современная жизнь монашеская от жизни тех великих духом, кто положил основание чудному житию монашескому! А все-таки нет на земле ему равного, и не оставляет нас Господь Своею милостью: хотя плохо, с трудом, хромя на оба колена, а тянемся мы, нерадивые монахи, к Царству Небесному. Не то в миру: там о Царстве Божиим, кажется, и вовсе забыли. Чем только все это кончится?...

Сказывал мне иеросхимонах Антоний:

"Один отставной военный спрашивает меня:

- Можно ли поминать мне мою родную матушку? - а сам заплакал.

- Почему ж не поминать? Ведь ты сын: кто ж должен более поминать, - отвечаю, - как не ты?

- Так-то так, батюшка! Да вот наш священник запретил; даже поминанье выбрасывает в окно из алтаря, где имя ее вписано. "Пожгу, - говорит, - ваши поминанья, где эти проклятые вписаны. Или вымарайте их, а так не носите в церковь!"

- Да почему ж, - спрашиваю, - такое запрещение?

- Да они, вишь, в бунте побиты, их много.

- Какой же это бунт и по какому случаю он был?

- Я в это время не был дома, а состоял на службе. Вот сестра моя, тоже солдатка, та вам все расскажет: она была это страшное время дома, все видела и потому все знает... Когда меня отдавали в солдаты, наш народ был зажиточный, благочестивый; хлеба, скота - всего вдоволь. А как отслужился, пришел в свое село да как глянул: сердце замерло!.. Ну, ты, сестра, рассказывай, что своими-то глазами видела!

"Наша слобода Масловка, - так повела мне свой рассказ сестра военного, - принадлежала одному графу, которого ни мы, ни старики наши и в глаза не видали: он все жил то в Питере, то где-то в чужих землях. Жил он, сказывали, очень роскошно, оттого и прожился. По этому самому и продал он нас богатому армянину. Даром что это был армянин, а у него на груди было много медалей и крестов разных: попали, значит, в хорошие руки! Да нам бы - Бог с ним: ведь и жида бывают богатые; а нам, крестьянам, кому бы ни работать, все же работать. Да дело-то только вот в чем: он - хозяин, дело свое знает, а жены у него нету. Говорили другие, что есть, да она жить с ним не захотела. Вот и приказат он бурмистру выбрать для его горницы девчонок лет в 15 и до двадцати. Делать нечего: хочешь - не хочешь, а исполняй волю барскую, хоть он и не природный наш барин. Потом оказалось, что он всех этих девчонок насильно осквернил, чего у нас в слободе сроду не было, чтобы нечестная девка да замуж выходила. А армянин велел: какую ни на есть, да бери девку замуж - барин, мол, велел. А на место тех давай, бурмистр, новых!

- Ваше благородие, - говорит бурмистр, - у нас того не было; ведь народ обижается!

- А, ты еще учить меня стал! Чтоб было, что приказываю! Имение мое: что хочу, то и

делаю! - Раскричался армянин, растопался на бурмистра...

Народ - к священнику.

- Что ж делать? - говорит священник. - Надо повиноваться!

- Нет, батюшка, не так говоришь! - отвечает народ. - А вы скажите-ка барину, что у нас каждый за свое дитя на смерть готов.

С того времени священник барину сделался друг и приятель: везде с ним целые ночи гуляют и даже на охоту с ним стал ездить...

Барин еще имел слободу верстах в 80. Он там при доме устроил рукодельню, куда набрал девок из Масловки; а в Масловке тоже была своя рукодельня, куда он набирал девок из той слободы. Поживет-поживет он в Масловке, да туда и переедет: там ему с девками - своя воля. Постов у него, как у басурмана, никаких не было. А в Масловку переедет: с девками, что из той слободы, что хочет, то и делает; а потом опять меняет. Брюхатых поп венчает. А как возьмут девок-то домой, да как они своим порасскажут, что он - нечистая сила - с ними делал, то прямо ужас возьмет.

Вот собрались наши, помолились Богу, пошли к барину: какую, мол, хочешь работу мы на тебя будем делать, только не твори ты этого с детьми нашими!

Как закричит на них армянин:

- Если я делаю - кто мне указ? Я ведь вас купил: что хочу, то и делаю! Свины! Не понимаете, что никто мне запретить не может; ведь и кожа ваша, и та - моя собственность!

Накричал, цукал, чертакал, даже зубы многим расколотил до крови; а кончил тем, что сказал:

- Если вы еще осмелитесь прийти, то всех велю передрать кнутьями, а свое все-таки делать буду.

- Ну что тут делать, братцы? Его, басурмана, хоть как проси, а он только злится да потешается, да кнутьями нас драть собирается, Видно, не сдобровать нам!

Собрались опять к барину.

- Ну, что пришли? Становимся на колени:

- Опять к вашей милости! Мы к вам назначенных девок не пустили - не во гнев вашей милости будет!

- Как? Стало быть, не я, а вы будете мною распоряжаться?.. Эй! Кнутьев!

- Нет, барин! Мы ни один не виноваты. Пусть нас по суду наказывают, а мы больше тебе не слуги.

Чего-чего только он тут ни делал: кричал, проклинал, ругал! Но мы, как один человек, уперлись на своем.

На другой день он укатил в Ставрополь. Что он там делал, кому там на нас жалобу заносил: только нагрянул на нашу Масловку суд и команда солдат, с пушками. Судьи

поместились в барском доме, а солдат расставили по слободе. Начали нас водить поодиночке под караулом с ружьями. Все показывали одно: от барина, мол, мы - не прочь, но за насилие наших дочерей не хотим повиноваться. Потом собрали сход. На сходе то же все говорили; а судьи все увещевали барину повиноваться.

- Мы готовы, - говорим, - только вот он требует наших дочерей на осквернение и уже скольких осквернил: за это мы не повинuemся и готовы на смерть!

Потом собрали нас к церкви. Вышли к нам благочинный, протопоп и наш священник. Поставили аналой, положили крест и Евангелие.

- Ну, православные! Знаете ли, - говорят, - что вы наделали своим неповиновением?

Ответ был один: мы повинuemся, а дело-то ведь не за то, а за дочерей наших.

- Ведь вот, - говорим, - батюшка знает: мы ему все наше горе рассказывали.

Стали они тут Евангелие читать. Зашумел народ наш:

- Что это еще, батюшки, отцы наши духовные, наставники наши! Да чему же вы нас учите? Чтоб наших дочерей водили к басурману на осквернение, а мы бы молчали? У вас свои дети есть: ну-ка, попробуй кто вашу дочь тронуть! Что вы тогда заговорите?.. Ах, отцы наши, наставники! Вы бы судьям то внушили, чтобы они барину сказали закон христианский, а вы еще настаиваете на том, чего от нас басурман требует. Грех вам непростительный! Пусть нас Бог судит, а вашего наставления мы принять не можем!

- А-а! Так вы, проклятые, нас теперь учить стали! Не христиане вы есте, коли властей не слушаете! - И все трое закричали в один голос:

- Команда, делай свое дело! - Взяли аналой, крест и Евангелие и понесли в церковь...

Вдруг раздался из пушки холостой выстрел. Народ вздрогнул. Обратились все к церкви, начали молиться; послышался плач, рыдание; начали друг с другом на смерть прощаться; руки к небу воздевают... Команда кричит:

- Смирно!

И этой команды слушать некому: сплошной стон стоит над толпой - ничего уже не слышит народушко... Как ударят тут по народу из пушки картечью - так целую улицу и вырвало мертвых! Боже мой, что тут было! Кругом - мертвые тела, и между ними ворочаются в своей и чужой крови раненые, но еще живые... Бросился было народ к убитым, да солдаты не допустили и начали всем вязать назад руки. Я тоже кинулась к убитой своей матери - у нее вся голова была разбита, и мозг с кровью залил ей все лицо - а солдат меня схватил за шиворот так крепко, что едва не задушил, и отбросил меня, как сноп, в сторону: только и видела я родимую!.. А теперь и поминать не велит, как проклятую!"... И рассказчица при этих словах залилась слезами. Я спросил:

- Скажите же, чем все это кончилось?

- Да чем? Всех разогнали по домам, хоть и рвался народ к покойникам. Вырыли солдаты две большие ямы и начали туда зря кидать мертвых. Накидали в одну сто тридцать человек, а в другую, которая была вдвое больше, валили без счету. Говорят, что всех было четыреста: ведь там были из слободы все до единого человека, да еще с младенцами на руках. Священники погребения служить не стали: сказали, что будто они все одно, что

удавленники - сами, мол, шли на смерть; к тому же и нас-де, отцов своих духовных, не послушались, а еще и нагрубости... Ямы зарыли; а судьи и священники в барские хоромы отправились. И был им бал на всю ночь: перепились все мертвецки. И эта неспящая продолжалась у них около месяца. А солдат расставили по всей слободе; велено им было гулять и вольничать, как хотели. Вот тут-то мы и еще больше горя хлебнули... Как только потерпел его Господь?.. По примеру барина потребовали и власти девок да молодых баб: и пошло тут сплошное насилие. Довелось этого греха вкусить и попам. Рассорилась как-то уж после попадья с попом и, не таясь, при всем народе кричала, упрекала его в этом. Да и барин тоже после говорил:

- А что? Вот и попы ваши то же делали, что и я. Да я-то - барин, а они-то к чему такую беду творили?

Солдаты хоть и вольничали, но не делали такого насилия, как власти. И пока девок-то да баб в хоромы водили да власти там сидели да бражничали, солдатам строго было приказано из слободы никого не выпускать, боясь доноса. Собираться двоим-троим вместе тоже не было позволено; от могил, и от тех отгоняли людей. Каждый почти день оседали могилы, и их обваливали свежей землей. Долго не зарастали могилы... Шесть человек отправили в тюрьму. Четыре человека ушли было тайком доносить Государю; их поймали, да в ту же тюрьму. А тут и власти разъезжаться стали, довольные-предовольные барином. Благочинный от барина получил пару жеребцов; протопоп - заводскую кобылу, а нашему попу он дом выстроил и всем хозяйством обставил... Так это и прошло. Крестьян разорили. Кого в тюрьме сгноили; кого при усмирении убили, а кто и сам помер с горя да со страху"...

Такую-то вот едва вероятную историю поведал мне иеросхимонах Антоний и еще добавил:

- Служивый, бывший у меня, справлялся в судебном месте своего губернского города по этому делу. Ему дали выписку, а в выписке было сказано: масловский-де бунт усмирён благоразумными мерами губернских властей. Хотя и было прибегнуто к огнестрельному оружию, но больше для оказания страха: причем урон в бунтовавшей толпе был самый незначительный...

К чему приведет Россию все умножающееся беззаконие - подумать страшно! Страшно еще в особенности и потому, что ей вверено Богом Православие, она - единственный крепкий приют и могущественный оплот истинной Христовой Церкви на земле. Правда, в описанном мною беззаконии действующим лицом был армянин-иноверец. Но так ли стало теперь чуждо его духу наше коренное российское дворянство! Если вспомнить грехи его за время, протекшее со времени приобщения его к западной лжецивилизации, то как не сказать, что вольтерианизм, иезуитизм и т.п., продажа своей чести и руки откупщикам, подрядчикам, поставщикам, раскольникам, скопцам, христорборцам, казнокрадство и все беспорядки управления Россией - все это тяжелым бременем наипаче ляжет на дворянство! А катастрофы восшествия на престол! А смерть Петра III, Павла I, Ивана Антоновича, 14 декабря! Во всем этом блистают благородные имена. Стоит только вспомнить о Перекусихиной, о шутах и шутихах - невольно подумаешь, что иногда царям и царицам дворянство служило не одною верою и правдою. О, Русь! Куда ты катишься?.. Еще укажу на одно: любовь к французам и подражание их моде и обычаям. Это дворянская болезнь, доходящая до помешательства ума. Французы разорили Москву, поругались над святынею Кремля. Французы - вечные враги России. С этою мыслью я живу. Нынешнее поколение забыло страшный 12-й год... Будущее никому не открылось.

Исправить нас может Единый Всемогущий Господь. Но если греки ничем не исправлялись и заслужили разорение своего святого города, преисполненного святынею, то и нам к древней простоте возвратиться невозможно. Хотя в России хранится ковчег Православия, но и ее не пощадит Господь. Руки Его не отведет даже и консервативное дворянство. Да оно, это консерваторство, никогда не останавливало потока, ежедневно все более наполняющегося разными притоками и ручьями, и консерваторы наши, как и французские жирондисты, увлечены будут общим потоком.

Я думаю, что и наше дворянство кончит на французский манер... Но да не возглаголют уста мои дел человеческих!

Май

Записал я в свои заметки некоторые мысли о русском дворянстве и думал на том и покончить с этим вопросом. А теперь приходится опять вернуться к нему не без чувства негодования, и вот по какому поводу. На днях наш отец настоятель получил письмо от наместника Троице-Сергиевой Лавры, архимандрита Антония. Привожу его целиком:

"Иноков украшение, пустынных мироварниц
благоухание, подвигов старческих обновление,
славословие Отцев!

Богом умудряемые Отцы!

Клянюсь вам смиреннейше, а паче тебе, вождь боголюбивейший, любезнейший о Господе Старец отец Моисей!

К вам, как умудренным опытами, прибегаю с моею просьбою: поверьте, Господа ради, мои рассуждения и поступок и требующее исправления исправьте, согласное с истиною подтвердите.

Чтобы понятнее было дело, надо вам описать случай просто, как он подошел ко мне.

На днях приезжаю я в скит наш. Приходит ко мне отдельно живущий в пустынной келье иеросхимонах о. Иларион и рассказывает свое смущение и недоумение.

- Был, - говорит он, - у меня князь В. и рассказывал мне, что киевский иеромонах о. Парфений, отец его духовный, говорит, что как ныне все науки и художества от просвещения приобрели новое и лучшее направление, чего не было известно древле: одно открыто, а иное усовершенствовано - так и в молитве умно-сердечной он, отец Парфений, открывает усовершенствование и облегчение, которых прежде не знали, а ныне он опытом своим познал и заповедует детям своим духовным творить ее новым образом и учить оной и других, а именно: "Иисусе Марие", - и более ничего не нужно. Сей образ сокращенной молитвы беспрестанно повторять мысленно, и самым скорым временем посетит человека благодать Божия.

Лицо отца Парфения, как мужа духовного, всеми уважаемого, известно всем, так князь и предлагал иеросхимонаху нашему воспользоваться сим учением.

По смирению своему и не найдясь вдруг что ответить, иеросхимонах промолчал и ничего не ответил князю; а как я был в тот же день в скиту, то он пришел ко мне и пересказал разговор князя.

Я счел своею обязанностью не только говорить с князем, но и просить его, дабы он впредь подобными новыми учениями не смущал духовного мира братии.

На другой же день, встретясь в Лавре с князем, я сказал ему просто, что, вероятно, вместо чаемой пользы он нанес пустынноку смущение, в котором я, по обязанности, разделяю участие. Притом говорю:

- Вероятно, князь, вы ошиблись и не так поняли учение о Парфения: быть не может, чтобы духовный человек, вопреки догматического понятия и преданий отеческих, стал учить нецерковной молитве.

Князь мне подтвердил то же самое, что сказал и схимнику, и, естественно оскорбясь на меня, доказывал святость учения святостию жизни о Парфения и видениями, каких он, по милости Божией, сподобляется.

Я говорю князю, что иное дело - видение, а иное дело - учение. История показывает нам многие опыты, что за чистоту жития и труды о Господе иные имели видения (не говоря о подложных) истинные, и в то же время содержали неправое учение: так, читаем в Отечнике, что одному старцу сослужил Ангел, а по незнанию и неопытности сам старец содержал в молитвах кое-что из учения Нестория; и когда сведущий в догматах диакон указал на неправоту священнику, то Ангел велел послушать диакона, а за безнамеренность и незнание успокоил священника. Подобно и преподобный Евфросин вошел в учение сугубого аллилуйя, основываясь сам, а на сем и другие, т.е. - на видениях, и тем далеко простер волнение Св. Церкви.

Пересказав все это князю, который даже и своих благодатных опытов не постыдился по закону смирения представить, говорю, что я это просто называю важной ошибкой, кто бы ни был ее изобретатель. Имена - Иисус, Мария - суть имена общечеловеческие, и на призвание сих имен могут подойти к душе "Иисусы и Марии", от которых лучше бежать, нежели дать гостеприимство в уме и в сердце. Преданная же Отцами Святой Церкви молитва есть столп и утверждение истины, ибо в ней содержатся: исповедание веры нашей в Богочеловека Искупителя, молитва и покаяние. Так, с учения святых трех Апостолов - Петра, Иоанна и Павла - уставили произносить оную так: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного". За немощь твердости мыслей учили наполовину оную сокращать, но никогда не учили смешанно и так непочтительно, без ипостасного имени Господа и Пресвятой Богородицы, именовать в молитве.

Есть одно указание у Каллиста и Игнатия в 50-й главе, что "совершеннии о Христе единым именем "Иисусе" довольни суть". Но это вовсе не благоприятствует новому учению, ибо о нем сказано для совершенных, прошедших начало и средю, и высших всего мира действиями и помышленьями, а не для нас, просто влачащихся в страстных обычаях. Притом имя это единичное, а не смешанное. Святая Церковь совокупляет имена Святой Троицы, и это - по единосущию Божества, но в прочих именах явственно разделяет и нигде не учит: Иисусе - Марие, спаси нас. И видно, что Первый призывается спасти естеством Божества, а Вторая - благодатию обожения. Князь не принял моих слов; но я все-таки подтвердил, чтобы он нового учения в обители не распространял, хотя он в доказательство и то говорил, что многие и духовные особы благодарят его за такой краткий способ молитвы, от святого мужа им преподаваемый.

Я говорю князю:

- Не людям и святости их надо веровать и послушать их учения, а Святой Церкви и ее

учителям. Святым Отцам. А опытейшие из учителей и Ангела повелели не слушать, если бы он учил не по преданию Святой Церкви.

Так, кажется, беседа наша окончилась, к сожалению моему, видимым оскорблением на меня князя.

Теперь прошу вашего ответа: должен ли я вступиться, как блюститель не точию стен обители, но и чистоты духовных и православных мыслей братии?

Буде должен был, по незнанию моему опытно дела молитвенного, не погрешил ли я сказанием и - в чем? И находите ли вы такую молитву "Иисусе Марие" несообразной с преданием и православием Святой нашей Церкви?

На все сие буду ждать ответа вашего с любовью и смирением.

Целую вас о Христе Иисусе Господе нашем, ваш послушник, Свято-Троицкой Сергиевы Лавры наместник, архимандрит, грешный Антоний".

* * *

Как же не негодовать на дворянство, представители которого, исказив и извратив основы и разум самобытного государственного устройства государства Российского, ныне тщатся внести лжеучения даже и в такие недра отечественной Церкви, как монастыри и пустынножителство? Если бы еще пример князя В. был единичный, но - нет; подобными этому примерами исполнена летопись нашей православной церковной жизни, которая еще так недавно пережила давление свыше лукавого лжемистицизма другого князя с присными. Времена Голицына еще свежи в нашей памяти.

1853 ГОД

Августа 13, в 9 часов, в скитской церкви совершено присоединение к Православной Церкви и св. миропомазание сына пастора, кандидата Московского Университета Карла Карловича Зедергольма. Дано имя - Константин. Он прибыл к нам в обитель 9 августа к старцу Макарию, по совету Натальи Петровны Киреевской. Новоприсоединенный чувствовал необъяснимую духовную радость, и все бывшие при действии присоединения и миропомазания тронуты были до слез духовною радостью о присоединенном.

Этот раб Бога Вышнего в испытанной им духовной радости стяжал себе залог душевного мира. *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает. Аз даю вам,* - говорит Спаситель. Все люди ищут мира, но ищут его не там, где он находится. Мир земной, которого, обыкновенно, ищут люди, так же отличен, так же удален от мира небесного, как небо отлично и удалено от земли. Мир земной заключает в себе выгоды преходящие. Эти выгоды часто не стоят тех трудов, которые для них были употреблены. Только один Господь Иисус Христос может дать истинный мир человеку. Он примиряет человека с самим собою, исцеляет его душевные болезни, укрощает его страсти, освящает его желания; в бедствиях утешает его надеждою благ вечных, дарует ему радость о Духе Святом и этою внутреннею радостью возвышает его над несчастьями. Так, источник этой радости никогда не иссякает, и так как глубина сердца, в которой она находится, неприступна никакой злобе человеческой, то для праведного она есть такое сокровище, которое похитить у него никто не может. Истинный мир проистекает от совершенной покорности вере, от совершенного повиновения Закону Божию. Пусть человек удалит от себя все, запрещенное Законом Божиим, пусть оставит все желания, противные воле

Божией, пусть освободит себя от всех внутренних беспокойств, которые не относятся к исполнению необходимых обязанностей звания, пусть все желания свои обратит к одному Богу, ищет одного Бога, тогда, без сомнения, он будет вкушать сладость Божественного мира при всех внешних волнениях, при всем шуме мира. Бедность ли, или презрение, оказываемое ему ближними, или неуспех в делах, или, наконец, внутренние и внешние кресты будут угрожать спокойствию его: пусть на все бедствия эти смотрит он как на дары милосердного Бога, которыми Он наделяет друзей Своих и в которых делает Он и его участником; тогда ничто не лишит его внутреннего мира, и этот во зле и пороке лежащий мир будет казаться ему только обманчивым призраком...

В старых рукописях скитских довелось мне обрести истинное сокровище - ветхую тетрадку, писанную старинным полууставом, в которой заключено великое назидание для такого нерадивого монаха, как я, многогрешный. Тетрадка эта озаглавлена так: "Житие и подвиги преподобного отца нашего, архимандрита Дионисия". К этому житию - приложение, носящее заглавие: "О Дорофее иноке и о крепком житии его", и под ним - примечание: "Сие списал Троице-Сергиева монастыря келарь Симон по прошению монаха Боголепа Львова".

Житие священно-архимандрита Троице-Сергиевой Лавры Дионисия известно как деятеля, имя которого сохранено даже и гражданской историей дорогого нашего Отечества; но "крепкое житие" инока Дорофея, не сотворившего ничего такого, пред чем преклоняется мир, едва ли не предано забвению. А между тем в нем отразилась вся крепость и сила истинно монашеского духа, который, втайне работая Господу, был истинным создателем величия и могущества державы Российской. Кому дано вникать в разум жизни частной, общественной и государственной, тот, конечно, понимает, что источником как созидания, так и разрушения является не внешний человек - орудие, а дух, в нем заключенный, - внутренний, сокровенный сердца муж. *Не весте, коего духа есте*, - сказал Спаситель сынам громовым, Иакову и Иоанну, в ревности своей пожелавшим огонь низвести с неба на

Самарян (Л к. 9, 55). Дух русского человека напоевался и определялся духом истинного монашества: Антониям, Феодосиям, Сергиям и тьмочисленной рати угодников Божиих русской земли дана была Богом власть указать русскому человеку, какого он духа, и направить дух этот на созидание, а не на разрушение. Горе и гибель стране нашей, если иссякнет животворный источник подвижнического монашества: огонь всепожирающий низведется ею тогда с неба, который, истинно, пожрет и потребит все живущее на земле, не пощадив, без сомнения, и ее, яко продавшей за тридесять сребреников своего Господа.....

Так вот, себе в назидание и решил я выписать "крепкое житие" инока Сергиевой Лавры, Дорофея, выписать дословно, сохранив без изменения несравненную красоту и простоту слога подлинной рукописи.

* * *

"Поведа мне отец мои, архимандрит Дионисий, о ученике своем, именем Дорофее, бывшем у него в келлии, яко таково житие его бысть, яко не отлучатися ему соборного пения николи, и в церкви Никона-Чудотворца пономарскую службу содержа, паки на собор поспеваше, понеже и канархист великия Церкви он же бысть и книгохранительную службу исполнял, все творяще без отлучения. Сего ради многие укоры от братии приимаше, не сопротивляшеся никому конечного ради смирения. Еще же и келейное

правило содержаше свыше человеческия силы, токмо Самим Богом таковая сила даровася ему, молитв его ради; ибо по вся дни Псалтырь всю глаголаше и по тысяши поклонов понуждашеся класти, окроме общего правила, еже есть в келлии со архимандритом. Еще же между книги писаше и многи книги остави по себе своя руки. Сон же его зело мало бысть и на ребрах николиже почиваше, но, седя на рукоделии своем, дремаше. А пиша его: мат кус хлеба, или толочна ложка и воды, и то не по вся дни. И толика постом изнури себя, яко и внутренним его вредися, и пупу присохти к хребту. Архимандрит же, узрев его зело изнурившася, едва увеща его хлеба с квасом ясти, да не како от многого неядения вредитися крепости, и рече ему;

- Телесную и безвременную смерть примеши.

И егда нача изнемогати телом той инок Дорофей, архимандриту же в то время готовящеся к Самодержцу ехати и уже хотяшу ему из келлии своя идти, ста в сенях на молитве, хотя благословити братию; той же Дорофей немешен к нему изыде благословения ради, прося последнего прощения.

- Уже, - рече, - время мое приходит, и смерть приближается. О едином, - рече, - скорбно ми сердце, яко, отъехавшу тебе отсюда, от твоя преподобныя руки погребения не сподоблюся.

Преподобный же глагола ему, яко на глум,* с запрещением:

* Как бы в шутку.

- До моего, - рече, - приезде буди жив и не сотвори того, еже смерть прияти, донележе возвращуся от Самодержца - и тогда умреши, и погребу тя, аще Господь изволит.

Он же рече:

- Воля Господня да будет: якоже хошет, тако и сотворит.

Архимандрит, быв у Самодержца, паки возвратися в обитель Святой Троицы и чудотворцев. Егда же вниде в сени келлии своя, глаголя молитвы обычныя, подая братии благословение, - той же Дорофей паки исходит к нему о себе, конечно немощен, прося благословения от него, паче же и прощения. Он же благослови его, простися с ним, иде в церковь, облачився в ризы, хотя лети молебен за Царское многолетнее здоровье, якоже обычай содержит во обители Святыя Троицы и чудотворцев Сергия и Никона на приезде властей. И прежде нежели наченшу ему молебен, возвестиша ему, яко отыде ко Господу инок Дорофей. Он же многи слезы на лице свое испусти и, по исполнении церковных пеней, погребе его со всем собором; и вси благодариша Бога, давшего такую благодать просящим у Него с верою.

Мнозем же сие писание прочтено бысть и, неведущим, житию его усумневающимся и глаголющим: "Невместно быти человеку в таковых подвизах", - аз же, убогий Симон, слышав сия, послах сие писание на Москву, соборныя великия Церкви к ключарю Ивану, зовомому Наседке, самовидцу того Дорофеева жития, собеседнику и сострадателью архимандрита Дионисия жития, яко вкупе подвижашеся с ним во исправлении потребников. Той же Иван, прочет сие, восписа ко мне сице:

"Аз, многогрешный Иван, о сем Дорофее истинно вем: тако было прямо, како zde написал сей, господине мой. Ты же, отче честный, еще тогда у Живоначальныя Троицы в монастыре не был еси. А что аз, грешный, ведаю о сем Дорофее старце, и то я тебе zde явственню пишу без лжи, что своими глазами видал, так прямо у тебя писано. А сие, что не написано у тебе, и тебе, честнейшему господину, буди то ведомо: "Я в келии архимандрита многожды ночевывал и писывал много дел духовных и грамот от властей для соединения земли; и про то ведает Алексей Тиханов и иные подьячие; и про того старца Дорофея крепкое и святое житие достойно слышания сказывати. Аз, грешник бедный, после разорения Московского вскоре прибрел к дому Пресвятой Троицы и того старца Дорофея за полтора года до смерти его застал; а видал его во вся дни больна: не болезнию болен был, но болезнь ему была от поста презельного и от жажды великия: и нозе его опухли от стояния, от службы, вверенные ему. Да еще ему же архимандрит Дионисий давал денег да и платья на нуждных, и полотенец, и платков: и он, Дорофей, то все, по Дионисиеву приказу, разносил больным всяким и раненым людям, и от воров мученым различными муками. Да от архимандрита всегда ему приказ был навещать больных и мученых, или ограбленных. И тот Дорофей не токмо по архимандричьему велению все прямо исполнял наипаче и сугубо, но и премножае исполнял Божий заповеди: всегда нощию все с больными, и со нагими, и со увечными беседу творяще и архимандриту все о всех возвещая, всем бедным и немощным вся полезная и добрая творяше. И слышах то от братии его, иноков, дело его стерегущих, иже поведаша мне с клятвою, яко многие и различные труды о бедных подъяше; а все, втайне творимое им, многожды заметиша, яко дни по три, а иногда же и четыре и более отнюдь не яды и не пий, а иногда же и седьмой день мину, и не усмотрехом его ни к сосуду какому прикоснувшася, ни позревша на что. Некогда же видех аз, бедник, подсмеяема его при мне от келейные его братии, яко валяется около стен и печи. И бысть у них спор: иные глаголаху, яко свят есть муж; иные, яко дурак есть. И аз, бедный, с ними ж глумляхся. Отец же Дионисий пришел воззре токмо на скарედство мое и ничто ми изрек. Аз же, клятый, внях себе о погляде том и, по времени, уллучих беседу духовную, восхотех, дабы ми уведати, что тот был взгляд. Дионисий же отец рече ми:

- Несть ти пользы в том: мирянин сей. Знай себя!

И аз, грешный, к тому не спросил более десяти лет.

И как взяли меня, грешного, к Москве жить, и в приезд архимандрита у его святыни в духовной беседе сидех. И он меня спросил о некоем деле, в нем же бедствоваше, от иконома своего. И аз его честности воспомянух ответ его ко мне о Дорофее. И разумех абие, яко оскорбился отец мой на мя, и поклонихся ему со слезами, прошения прося от него. Он же мало ослабився, благословил мя рукою и рече ми:

- Скажу ти се, послушай мя, **но не вопрошай к тому иноков о делах иноческих, ибо вам, мирянам, нам, инокам, велия беда открывати тайны: есть бо писано о том, яже втайне творит десница, да не увестъ шуйца его.**

И умолча. Аз, грешник, всяко понудихся, дабы мне изведати, чего ради оскорбился на мя. Он же, видев мя стужающа ему, нача мя учити сице:

- **Вы, миряне, что услышите о чернецах нелепо, осуждаете их и укоряете, и то вам грех есть. А что услышите добро и полезно, тому не ревнуете, но токмо хвалите, и тоя ради ваша хвалы злые бесы належат на нас и в величание, и в гордость нудятся ввести нас. Сего ради покрыватися нам потребно, да не ведомо будет дело наше вам, и тем в**

леность и во всяко небрежение да не введет нас диавол. И лучше нам есть, да никтоже весть нас, и диавол да не тягчае ратует нас.

Аз же, грешник, рекох ему:

- Аз же, государь, не о вашем житии хочу ведати, но о себе: что ти разумел о моем безумстве и взглянул на меня?

Он же рече ми:

- Не гневайся! Святому мужу вы просмехались, и вам всем грех то есть, что не по вашему жил он и всегда постом себя морил. Мне ведомо о нем: не токмо он седмицу не едал, но часто и девять, и десять дней ни ложки воды не пивал; а в службах во всех, по заповеди нашей, ходил и наг, и бос, и голоден, и ознобен, да еще не умываючи ни лица, ни рук. И как, по приказанию, ходил кругом больных, да тот смрад и гной и на руках, и на свитке своей, не омыв, и тем утирав очи, и уста свои. А юн сый и всегда помышленьми блудными зле мучим был. И того ради и алчбою или жаждою по вся часы крепце сопротив мысленных врагов ратова. А омовением его лицу и очима, и переем, и дланем - всегда слезы изливал, тем умывашеся и на своя дела добра отхождаше. Почему мне смехотворенпе то от вас болезненно стало тогда".

Таково несравненное сказание о "крепком житии инока Дорофея". Я нарочито подчеркнул вдохновенный ответ великого архимандрита Дионисия ключарю Успенского Московского собора, Иоанну Наседке, ибо в нем заключена богомудрая отповедь всем мирским как хулителям, так и не по разуму ревнителям чистого жития монашеского. Но, по-видимому, близится время, когда люди не будут уже принимать здравого учения; а для людей тех какое будут иметь значение слова даже такого великого носителя монашеского духа, каким был архимандрит Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Дионисий?

Да не узрят очи мои надвигающегося царства тьмы!..

1854 ГОД

Война с беззаконной Европой!.. Начинается!..

Предсказания старцев наших о том, что дух растленного Запада, дух антихриста вскоре ополчится и на твердыни российские, чтобы сокрушить в них препону его победоносного шествия по лицу мира, видимо, исполняются. "Кто победит в неравном споре?" Сокрыты от нас неисповедимые пути Божии, но доброго что-то не возвещается смятенному сердцу...

Горе шивающим возглавийцы под всякий локоть всякой руки и сотворяющим покрываю под всякую главу всякого возраста, еже развратити души (Иезек. 13, 18).

Истинный пророк говорит это о лжепророках, которые развращали сердце праведного неправедно и укрепляли руке беззаконнику, еже отнюдь не обратится ему от пути его злаго и живу быти ему. И так, не только можно, но и непременно должно говорить тем, которые к тому призваны, в слух других, в слух всякого возраста и всякого состояния самые строгие истины Евангельские. *Горе мне есть*, - говорит Апостол, - *аще не благовествую*. Какое же горе тем, которые станут благовествовать только угодное страстям человеческим, подделывать Слово Божие льстивым красноречием? Горе, горе им! Они развращают души; они, успокаивая совесть грешников, и себя, и их приготавлиют

к смерти вечной.

Но горе и нам, если мы извиняем грехи свои, заглушая упреки совести нашей шумом мира и страстей, если сами себе составляем возглавия под всякий локоть руки и покрывала под всякую главу всякого возраста. Каким образом? Главу нашу, если она еще юная, покоим на той ложной мысли, что юношеские страсти суть слабости извинительные; главу в возрасте мужества извиняем множеством забот и сует мирских, как будто они более необходимы нам, чем спасение душевное; а главу седую старческую защищаем от совести самую немощью ленивой плоти, а иногда и тою необходимостью, которую сами же произвели греховными привычками. Не значит ли это укреплять руки себе, еже отнюдь не обратится от пути злаго и живу быти?..

На злом пути стоит родина наша, сшивающая возглавийцы под всякий локоть всякой руки. Эта портновская работа еще мало кому заметна, но умственное движение прошедшего десятилетия, которому оказалось причастным дворянство в некоторой его части, доказывает, что мастерская портновского цеха, работающая "возглавийцы" эти и "покрывала", уже открыла свои действия.

Из Крыма вести все хуже и хуже...

2 мая

Сего числа я вступил в чреду служения; а вчера получил известие о смерти моей матери, Марии, страдавшей около 15 лет и от простудной болезни, лишившей ее ног, и от крайней бедности. Да упокоит ее Господь Бог с болящим Лазарем на лоне Авраамли...

1 августа

Утром рано сего 1 августа исправник нашего города, прибывши к нам в монастырь, схватил из числа прибывших богомольцев несколько человек из шайки разбойников. Случай, как говорится по-мирскому, открыл их: один из шайки, пойманный в городе, на допросе признал, что их 20 человек с двумя повозками, двумя женщинами, и с ними - чиновник отставной, который составляет и пишет фальшивые паспорта, и что все они условились иметь к 1 августа сборный пункт в нашем монастыре. По этому случаю исправник расставил на дороге караульных, и 1 числа схватили до 15 человек, но чиновника не нашли. Иеродиакон Сергей опознал на пароме беглого мальчика лет 13, которого и представили в земский суд, а бывшая с ним женщина скрылась. Таким образом, шайка злоумышленников оказалась рассеянной и захваченной, лишь только дерзнула в свят день соприкоснуться для своих воровских целей со св. обителью.

Велики и доходны молитвы наших живых и почивших старцев ко Господу и к Пречистой Его Матери, Святейшей Покровительнице нашей обители!..

Надо или родиться духовно слепым от материнской утробы, или же по своей доброй воле ослепнуть, ослепить себя духовно, чтобы грех возвести в ремесло, обратить его в источник средств к существованию. Воровское сообщество, фальшивые паспорта, быть может, убийства даже - и все это для плоти, которая сегодня есть, а завтра нет.

Мудрено ли, что над грешным миром тяготеет карающая десница Божия, поражающая нас всевозможными бедствиями? *Кто согрешил, се или родители его, что слеп родися?* Не естественно ли было Апостолам обратить этот вопрос к Господу в сознании греховности, общей всему подзаконному человечеству? Сколько есть в мире несчастных,

родившихся уже несчастными, о которых также можно спросить: за чьи грехи они родились такими? Есть не только слепорожденные, но и глухонемые от рождения, хромые, безрукие и с другими жалкими недостатками телесными. Есть люди, страдающие болезнями наследственными, например, чахоткою, падучею болезнью. Семена родительских болезней скоро раскрываются в детях и наполняют их жизнь страданиями, нередко ужасными. Есть также и душевные болезни, с которыми рождаются несчастные, например, слабоумие и зверские наклонности. Нет сомнения, что многие из этих и других несчастнорожденных страдают за грехи своих родителей. Испорченная уже грехом природа перешла от родителей к детям, и бедные, по нашему мнению, совсем невинно терпят казнь, заслуженную другими. Боже! Какая великая ответственность на родителях, грехи которых производят такие ужасные последствия для их потомства!

Сколько также я видел и таких несчастливцев, которые хотя и не родились со своими болезнями, но получили их, как мне казаться, без всякой вины своей. Узнав о причине болезни кого-нибудь из них, заключавшейся или в неосторожности, или в непредвиденном случае, я спрашивал так: "Господи! за что так строго наказывается этот несчастливец, который несравненно меньше имеет грехов, нежели я?".

Я видел людей, у которых или в груди, или в шее был аневризм - болезнь опаснейшая и неизлечимая. Им нельзя было говорить громко, нельзя было сделать и иного сильного движения, потому что всякое энергичное движение могло разорвать расширенную аорту и мгновенно прервать их жизнь. Они не знали, когда придет это ужасное мгновение, но могли ожидать его ежечасно. Я видел и внезапную смерть этих страдальцев. Я спрашивал некоторых из них и узнал, что причиною их болезни были по большей части непредвиденные случаи, вроде падения с лошади или из экипажа. Милостивый Господи! Ты избавил меня от таких ужасных страданий; но не заслуживаю ли я, по грехам моим, еще более страшной казни?

Сколько видел я других несчастных! Ими исполнены больницы, дома умалишенных, богадельни; они встречаются нам и на торжищах, и при храмах. А сколько их таится под соломенными кровлями! Жизнь таких часто гораздо бедственнее, нежели тех, которые всем известны. И всегда, когда видишь таких страдальцев, приходит на мысль и вопрос: за что они страдают? И другой вопрос: отчего же я и другие, подобные мне, грешники так мало испытывают страданий? Неспросятли, глядя на нас, счастливых, другие: "Доколе, Господи, доколе грешницы восхвалятся? В труде человеческого не суть и с человек не примут ран, яко путь нечестивых спеется, угобзишася вси творящий беззакония..." О некоторых же счастливых от рождения и по самому рождению можно еще спросить: "Кто заслужил? Они или родители их, что они так счастливы?"

Где решение всех этих вопросов?

Св. Псалмопевец нашел их решение в святилище Божиим: *Непщевах разумети, сие труд есть предо мною, доидеже вниду в святило Божие и разумею в последняя их.* Так в последних минутах грешника, ныне, по-видимому, счастливого, решение судьбы его. И здесь последние его часто бывают разрушением всего мнимого счастья, которым он думал наслаждаться вечно. Но окончательное возмездие нераскаянному грешнику в последнем из последних - в вечности...

Что же сказать о несчастливцах, по мнению нашему, невинных? Не можем сказать о всех того же, что сказано в Евангелии о слепорожденном: *Ни сей согреши, ни родители его,* потому что очень известно, как многие страдают или за пороки родителей своих, или за

свои грехи, которые они иногда и не почитают грехами. Но то, что прибавил Спаситель, говоря о слепорожденном, можно сказать о всех, так называемых невинных страдальцах: "Да явятся дела Божия на них". Какое дело Божие должно явиться на том или на другом - это или совсем не дается знать нам, или узнаем о том через многие годы страданий. Кто знал, какое дело Божие хочет явиться на невинном Иосифе, когда он, проданный в Египет, томился там в темнице? Кто мог предвидеть, что будет потом с Иовом, когда он от чрезмерной болезни проклинал день рождения своего, сидя на гноище, покрытый ужасными струпями? Иногда мы и вовсе не узнаем особенной цели Божественного Провидения. Что же из того? Не знаем ли мы, не должны ли мы быть совершенно уверены в том, что всем распоряжается премудрость и благость Божия? что без воли Отца нашего Небесного не падает и влас главы нашей? что Всемогущий и Всеблагий может из зла нашего извлекать для нас же или для других величайшее благо? Иногда Господь лишает кого-нибудь зрения, но просвещает духовные очи его: не лучшее ли это благо? Иногда посылает человеку расслабление телесное, но страданием укрепляет дух его: не драгоценнее ли это здоровья телесного? Поставив человека в самом бедственном состоянии, заставляет его самого чаще обращаться к милосердию Божию и другим дает случай оказывать несчастному собрату человеколюбие: не дороже ли это всех богатств и сокровищ мира? Отняв у человека некоторые члены или употребление их. Господь полагает преграду многим тяжким преступлениям, которые, быть может, пали бы на совесть теперешнего несчастливца, если бы он был по всему здоровым. И сколько, может быть, других благ, которых Всеблагий Отец наш Небесный достигает для нас посредством наших бедствий! По уверению Слова Божия, добродетельный и терпеливый христианин тем более обновляется во внутреннем человеке, чем более тлеет во внешнем, и легкое страдание производит в нем и для него в величайшем преизбытке вечную славу.

Не это смущать нас должно, что видим страдания людей, по-видимому, невинных: христианин должен даже радоваться таким страданиям, когда они его постигают. Справедливо возмущаться духом тогда, когда мы сознаем в себе множество согрешений, а между тем не терпим здесь наказаний от Бога. Ах! Может быть, потому-то мы так и счастливы здесь, что лучшего блага в вечности недостойны. Быть может, правосудие Божие находит нас недостойными здешних очистительных наказаний или неспособными к очищению. Быть может, мы уже - не дети, а, по словам Апостола, "прелюбодейчища", когда остаемся без наказания, ему же причастницы были все истинные чада, и прияв благая в здешней жизни, должны ожидать самой плачевной участи в будущей... Всесвятой и Всеблагий Господи, Твое снисхождение ко мне в этой жизни да не отяготит мучений моих в вечности! Нет, Боже мой! Лучше здесь потерплю, что угодно воле Твоей, но помилуй мя на Страшном Суде Твоем!..

Цветут розы... А там, у берегов Эвксинского Понта, потоками льется кровь моих братьев. Кому в миру неведомо, что война эта ведется не Европой против России, а "тайной беззакония" против Православия, падшим Денницей против Креста Господня? Времена созревают, наливаются колос блаженной нивы Господней, поспевают и плевелы дать семя по роду своему: близится жатва! Когда начнется уборка урожая? Кому из смертных дано это знать? Но не к добру гремит туча с Запада, не к добру бороздят ее зловещие молнии...

А розы цветут и благоухают...

Роза благовонна, но она окружена шипами; полевая лилия душиста, но она растет среди терния; весна приятна, но быстро проходит, лето прекрасно, но зима разрушает всю красоту его; радуга величественна, но скоро исчезает; жизнь любезна, но смерть похищает

ее...

Но есть страна, где розы без шипов, где терние не мешается между цветами, где вечная весна и свет безоблачный. В той стране растет древо жизни, реки удовольствий орошают ее, и цветы там никогда не увядают. Там мириады блаженных духов окружают Престол Господа, поют Ему гимн вечный; Ангелы непрестанно славословят Его на золотых арфах, и херувимы летают на огненных крыльях.

Та страна - небо.

Небо - жилище только одних добродетельных: нечестивец не может обитать там. Там жаба не изрыгает яда своего между горлицами, и ядовитая трава не растет между цветами: ничто вредоносное не должно войти в эту блаженную страну.

И эта земля прекрасна, потому что она - земля Божия и исполнена многих красот. Но та страна без сравнения прекраснее. Там не будет ни притеснений, не будет ни обид, ни огорчений. Там холод зимы не будет изнурять нас, и летний жар не опалит нас. В той стране нет ни браней, ни раздоров, но каждый любит друг друга со всею нежностью...

Когда родители наши и друзья умирают и скрываются в холодную землю, то мы их уже не видим здесь более. Но там мы их опять обнимем, опять будем жить с ними и никогда уже не разлучимся. Там мы встретим всех добродетельных людей, о которых читали здесь в святых книгах; там мы увидим Авраама, наименованного Богом отцом верующих; Моисея, странствовавшего некогда в пустыне Аравийской; Илию, пророка Божия; Даниила пещеры Львовой, трех отроков святых пещи огненной; сына Иисеева, пастыря-царя, сладкого певца Израилева.. Они все любили Бога и славословили Его на земле, как же должны они Его любить и славословить там!!!.. Там увидим мы и прекраснейшего паче всех сынов человеческих Иисуса Сына Божия, открывшего нам путь в ту блаженную страну; там открытыми очами будем созерцать великую, безмерно великую Славу Божию. Мы не можем видеть Бога на земле, но любить Его должны еще здесь, чтобы слиться с Ним в любви Божественной. Мы находимся телом на земле, но мыслью должны часто возноситься на небо. Здесь мы на малое время. Там - в бесконечные веки!..

1855 ГОД

Борьба Креста с Люцифером и союзным с ним полумесяцем продолжается; льется кровь; изнемогает Севастополь. Следящий за событиями военной грозы не по стихиям мира, а по разуму Св. Церкви, не мог не обратить внимания, что в прошлом году на святые дни Страстной седмицы попущено было врагам Креста начать борьбу с Крестом: в Великий пяток союзный флот обложил Одессу с моря, а в Великую субботу начал бомбардировку почти беззащитного города. Не знаменует ли событие это, что Русь Святая уже недостойна именоваться этим именем, что благодать и сила Честного Креста Господня отступает от тех, кто поставлен быть вождями русского народа, кто, принося клятву быть верным вере и царскому престолу, первородство свое и верность продает за чечевичную похлебку низменного тщеславия и самолюбия?

14 сентября - день Воздвижения Честного Креста Господня - был днем начала осады Севастополя. Не откровение ли это для внимательного?..

Пресвятая Богородице, спаси нас!..

18 марта

Гроза военной бури не стихает. Горе за горем, беда за бедою! Исполнился уже месяц со дня кончины незабвенного Отца отечества. Великого Государя Николая Павловича, уже месяц прошел, как не стало защитника веры и царства: не вытерпело, разорвалось великодушное рыцарское сердце колосса Самодержавия. Нет, не силой человеческой, как бы ни была она велика и могуча, остановить напор силы нездешней, ополчившейся на Господа и на Христа Его!

Вникая в немой для многих язык чисел, вникая, разумеется, с должною осторожностью и при неперемennom условии не погрешать против учения Православной Церкви, я, отметив в записях своих таинственное значение 14 сентября, не могу не вспомнить, что прообраз антихриста - Наполеон I - перешел через Неман, т. е. вступил в пределы России, единой хранительницы Православия и Самодержавия, 12 июня 1812 года, в среду. В том году Троицын день, т. е. неделя Пятидесятницы, был 9 июня: следовательно, день его вступления был среда Пятидесятницы, или осьмой недели по Пасхе. В этот день Апостол был: к Римлянам, гл. 1, ст. 18-27, зачало 80. Он начинается так: *Братие! Открывается гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеческую, содержанию истину в неправде...* Мы знаем теперь конец Наполеона, зане обратилась к покаянию и вере отцов Русь Православная. Не столько силою войск, не гением Кутузова, а искупительной жертвой святой Москвы, подъемом веры и молитвы и... морозами и снегами лютой зимы двенадцатого года была сокрушена мощь беззаконного вершителя судеб Европы. Достойны ли мы будем теперь такого же чуда милости Божией?

Разве только за молитвы Пречистой и тех остатков Нового Израиля, которые, подобно старцам нашим, в сокрытой тишине своего уединения возносят теплые молитвы к страшному и превознесенному Престолу Творца всяческих. Пресвятая Богородице, спаси нас!..

Как образец современного шатания умов в вопросах веры и Церкви, не могу отказать себе в удовольствии выписать целиком письмо друга нашего, игумена Антония Б. (Бачков?), писанное в ответ одному из таких праздношатающихся, хотя еще и не порвавших окончательно и бесповоротно связи с предстоятелями Церкви. Самого письма совопросника века сего у меня нет под рукою, но есть черновик игуменского на него ответа; но и в нем, как в зеркале, отразилось духовное обличье вызвавшего эту отповедь представителя нашей космополитической образованности.

"Достопочтеннейший Петр Александрович! - так пишет о. Игумен. - Письмо мое, в котором я просил о паспорте Петру, отправлено было мною на почту вчера; там оно встретилось с письмом вашим, на которое отвечаю по мере слабого рассудка, по мере темного ума моего.

Письмо ваше - простите! - заставило меня паки улыбнуться: чего тут нет? И Ангелус, и Вольтер, и, наконец, проповедь вашего сочинения, где текст "будьте совершенны, яко Отец ваш" выставлен вами неправильно: все это с немецкою важностию, с великим почтением к жрецам науки; и все это сделано к убеждению меня, ко вразумлению, к просвещению моему! Благодарю, что потрудились так много для такого неблагодарного дела.

Начнемте с имени Божия, хотя и не во имя Божие, чтобы не произносить Его всуе, а просто - без школьной важности.

Священник ваш, у которого вы спросили, что такое Элогим и что такое Иегова, или Егве,

Сый, отвечал вам уклончиво, неудовлетворительно. И он, конечно, человек ученый, потому и не осмелился или постыдился просто сказать по-сократовски - "не знаю"; а этим бы и дело достославно для него кончилось, потому что это имя доселе не объяснили ни наши богословы-гебраисты, ни даже все талмудисты.

Мало ли чего мы не знаем!

Теперь, если я вопрошу, почему слово "тьма" называется иногда "потемки" - единственное во множественном числе? Увы! Все мы, русские, должны сказать - не знаем. Почему "дом", "стол" в мужеском грамматическом роде стоит в женском на французском? Кто это объяснит? Какая наука?.. Почему, наконец, нос называется носом, а рука - рукою? Кто дошел до начала, до происхождения звуков и слов, которыми мы, словесные, обозначаем предметы, и притом слов, понятных в России, непонятых во Франции? Опять - **тьма**, опять - **потемки**. И вот наша наука! Поэтому полезно и честно, и добросовестно сказать просто - **не знаю**, когда не знаешь.

Посему-то похвальнее было бы тому, кто мало знает Евангелие, сознаться в своем малом знании, чем ссылаться на него неправильно, своевольно и превращать тексты по своему разумению.

Выписываю из Богословия свидетельства Нового Завета о Троичности главнейшее свидетельство: Мф. 28, 19. *Шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа*". Сам Господь Иисус Христос очень часто возвещал, указывая все три лица Пресвятой Троицы, а именно: Бога Отца и Сына Его Единородного (Ин. 3, 16; 4, 35; 5, 17, 21, 23, 26; Мф. 11, 27) и Духа Святого (Мф. 10, 20, 32; Лк. 12, 12; Ин. 3, 8). С особенною ясностью говорил о Духе Святом в прощальной Своей беседе: Утешитель, Дух Святой, Его же послет Отец во имя Мое, Тон вы научит всему". В сих словах ясно усматривается: Отец, посылающий Духа Святого, Сын, обещающий во имя Свое ниспослать Его, и Дух, ниспосылаемый для утешения и наставления.

При Крещении Господа ясно открылась Пресвятая Троица.

То же учение содержится и в учении св. Апостола Павла: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца и общение Святого Духа со всеми вами* (2 Кор. 13, 15). Выписываю главное и вкратце.

В Ветхом Завете есть указания, хотя и не столь ясные, где различается Господь от Господа (Быт. 19, 24) - *Господь одожди на Содом и Гомор жупел и огонь от Господа с небесе*; (Пс. 2,7) - *Господь рече ко Мне: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя*; (кроме того Пс. 44, 109, ст. 8 и 1). *И ныне Господь, Господь посла Мя и Дух Его; Дух Господен на Мне, Его же ради помаза Мя, благовестити нищим посла Мя* (Ис. 48, 16; 61, 1).

А Авраам, принимающий Бога под видом трех странников! *Явился ему Бог у дуба Мамврийска, сидящу ему пред дверьми сени своя. И ноклонися до земли и рече: Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба Твоего.*

Господи - в единственном числе.

Из числа догматических примеров Троичности, примеров к нам ближайших, есть один, древними отцами переданный и не часто употребительный: **ум**, дар человеческий, рождает **слово**, которое произносится при содействии духа. Произнесенное **слово**, хотя и отделилось при произнесении и явлении, но неотъемлемо принадлежит **уму**. Но этот

пример не объясняет чудного и непостижимого **рождения Бога Слова, рожденного** с наитием **Святого Духа** во времени и вне времени Предвечного по Своему предвечному рождению.

Напрасно вы говорите, что Библия была дана с предвзятою мыслию, а ученые проповедовали добросовестно. Напротив: я вижу, что ученые, начиная от Спинозы до хвастуна-Вольтера и позднейших, всегда проповедовали с предвзятыми мыслями, **все до** одного человека, а некоторые с намерением разрушить веру верующих.

Вы требуете доказательств связи Библии с Евангельскими заповедями. Я уже имел честь писать вам, что мы имеем последовательное учение от св. Евангелистов до наших времен, от Игнатия Богоносца, Орнгена, Григория Богослова до Фотия-Патриарха в неразрывной цепи писаний и свидетельств, кроме преданий, без которых нет истинной связи. Но станете ли вы все это читать? Не думаю. Для этого надобно прочесть целые тома и посвятить тому целые годы, даже всю жизнь, если это нужно для уверения себя. Вы будете поверять себя немецкими философами и не захотите прочитать истинных философов христианских, начиная с Василия Великого до Иннокентия Пензенского, историка Церкви. Не пожелаете этого совершенства. Почему? С предвзятою мыслию, что правда на вашей стороне, т.е. в новейших мутных писаниях, на которые уже сделаны опровержения и в иностранных, и в русских журналах. Вы, конечно, читать этого не захотите. Что же с вами делать? Я мог бы вам посоветовать: **помолитесь Отцу светов о просвещении души вашей, да внушит вам и откроет, на чьей стороне истина.** И я уверен, что открылись бы ваши очи внутренние. Испытайте! **Так я начал свое обращение, будучи неверующим. Покорно, с молитвою и со слезами обратился я к Творцу нашему, да поможет Он мне узнать истину: Господь помог познать по мере слабого ума моего, несовершенно, но для верующего слишком довольно.**

Но, думаю я, вы и писем моих не читаете, а только свои, по убеждению, что я стар, ничего не знаю; а в своих письмах видите **ничто**. Моих доказательств поверять не хотите, а держитесь за свои весьма темные и малоубедительные доказательства, как вообще все, что доселе писалось против христианства. Христианству свидетели и доказательство - целый народ Еврейский, знающий Иисуса Христа и Его историю, начиная с Иосифа Флавия до наших времен. Они, по крайней мере, не отвергают ни чудных дел Его, ни силы Его проповеди. Они, соблюдая святую, пророческие книги свои, свидетельствующие о Господе Иисусе Христе, своею ненавистью, и хулами, и клятвами, яко свет полуденный, изводят истину Христовой веры и всему миру трубят о своем поражении. А наши сладко-пряные хулители Евангельского учения только его искажают и портят - в том числе и жалкая проповедь ваша, или чья-либо (их тысячи!) **о совершенствах.**

Потрудитесь взглядеться, только просто (без предвзятой мысли), о каких совершенствах говорит Сын Божий. Прочтите наперед всю главу 5-ю от Матфея и узнаете, что совершенство состоит не в науке, а в христианской любви. В Св. Евангелии Матфея Господь прямо говорит в другом месте (гл. 19, ст. 21): "*Аще хощеши **совершен** быти, иди продаждь имения твоя и даждь нищим, и гряди вслед Мене*". **Вот - совершенство.**

Таланты Евангельские суть также добродетели и познания, растворенные любовью к человечеству, а не своекорыстные изобретения новейшие, которых плоды еще и доселе горьки, а не сладки. Естествознание, говоря о небе и земле, доселе не умудрилось сделать **мухи**, оживить околешего **клопа**. А философы, говоря **о силах и началах**, доселе не доискались, кто дал силу - силе? Между тем **совершенным** заповедует Спаситель: **Болящия исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвые воскрешайте (!!!),**

бесы изгоняйте (!!!), туне приясте, туне дадите (Мф. 10, ст. 8). И эту науку, и эти совершенства Господь подает туне, даром, по благодати Своей и по вере верующих.

Наука, познания необходимы и полезны всему христианству. На сие есть послание одного из греческих патриархов, где он убеждает учиться, познавать, изыскивать, но с **покорностью Церкви и с молитвою к Отцу Небесному, к Вечной Премудрости.**

Лучше вовсе не знать Евангелия и отвергнуть его, нежели исказить святые слова с предвзятыми мыслями.

И острие врачебной светлой бритвы
Быть может тайною рукой отравлено:
Писанием и песнями молитвы
Немало душ невинных прельщено.

Теперь насчет вашей проповеди.

Священники наши дают подписки не затрагивать житейских дел, иначе потребуют к благочинным. Не позволяется им даже указывать **резко** на слабости человеческие. Это все сделалось в угоду миру сему и по осторожности, чтобы не перешли границ. Надобно **творити** и учить. Делами христианскими скорее и прежде, нежели словами препретельными, следует пастырям учить паству. Вы в них не видите ревности Евангельской - быть по сему. Но в христианах нашего времени где добродетели первых христиан? В целом Петербурге, если бы пришел Спаситель (как некогда в Содом Ангел ко испытанию), не нашлось бы Ему места, где главу подклонить. И скорее у священников и в их семинариях нашлись бы добродетели любви и милосердия, нежели у огромного большинства мирян.

Ваш почитатель, **многогрешный и малоученый**
игумен Антоний".

* * *

Каков становится наш "православный" мир в лице его так называемых "образованных" предстателей! Письмо игумена Антония, мною записанное как документ времени, не свидетельствует ли о том, что в большей части светского общества назрела необходимость новой Евангельской проповеди и нового вознесения на Крест Искупителя мира? Но второй проповеди, второго Креста быть не может: что же мудреного в том, что мрачная грозная туча с Запада, как явная кара Божия, гремит, не умолкая, почти над самыми головами нашими? Благодарение Богу, тайники души простого народа еще не затронуты или маю затронуты злом неверия и вольнодумства его руководителей - в этом временное спасение земли Русской, яко хранительницы чистой Христовой веры. Коснется этих тайников дух князя века сего, тогда чего ждать? Не грозного ли и Страшного Суда Господня?..

Сентябрь

Одиннадцатимесячная осада Севастополя окончилась к празднику Успения Пресвятой Богородицы: молитвы Пречистой Ходатаицы и Заступницы рода христианского укротили пыл ярости врагов Христа и православной Русской земли. Севастополь пал, но еще не пала Россия, за Православие ее младших сынов, будущих мира, пощажена Господом. О, любовь Божественная, любовь неизреченная!..

Бог есть любовь. Но кто из нас, какое из всех сотворенных существ может обнять мысль эту, великую, величественную мысль? **Бог есть любовь!** Чье сердце так пространно, чисто и крепко, чтобы, совершенно согретое и проникнутое возвышеннейшим из чувствований - чувствованием, что Бог есть любовь, оно не изнемогло под необъятным его величием?

С чего мне начать, чем кончить, чтобы доказать истину, которая имеет более доказательств, чем небо - звезд, песку - берег моря, которую доказывает и вечно будет доказывать все живущее, чувствующее, мыслящее, способное к блаженству, сущее на небе и на земле? Бог есть любовь. Он желает добра, и только одного добра всем Своим тварям, хочет, чтобы они были счастливы, радуется о их блаженстве, непрестанно всеми средствами споспешествует им и в этом находит Свое высочайшее блаженство. Об этом нам говорит вся природа и, в особенности, природа моя собственная; это говорит мне вера моя и религия.

Открой, человек, глаза свои, воззри на мир твоего Бога, рассмотри все его устройство, всех его обитателей, все его блага: ты повсюду увидишь явственнейшие следы благоволения, отеческой любви и попечения, величественнейшие учреждения для блаженства всего живущего и, в особенности, для твоего блаженства. Земля, которая тебя носит, ее прекрасный, привлекательный вид, который тебя восхищает; воздух, которым ты дышишь; пища, которая тебя питает и укрепляет; питье, которое тебя оживляет; одежда, которая тебя прикрывает; жилище, которое тебя защищает; великолепие лугов, полей, гор и лесов, которые в каждое время года радуют тебя своей разнообразною красотой; многообразие, красота, польза каждого дерева, каждого растения, каждой травки; благовоние и искуснейшая ткань цветов; веселое пение птиц; живые, рождающиеся от радости самочувствия движения каждого животного; бесчисленные и неисчерпаемые силы, которые сокрыты во всем одушевленном и неодушевленном мире, которые раскрываются и обнаруживаются в нем бесконечно; всеобщая, всегдашняя склонность всей твари к взаимному сближению и соединению между собою, ее взаимная зависимость и связь; постоянное сохранение и распространение каждого рода; непрерывное умножение жизни и деятельности как между людьми, так и между животными; бесчисленные виды удовольствия и радости, к которым все одушевленное творение способно, и к удовлетворению которых все оно знает и находит источники и средства, и которыми все оно более или менее, так или иначе, наслаждается; веселая толпа радующихся о своем бытии чувствующих существ в воздухе и в пыли, на холмах и долинах, над водою и под водою, на листке папоротника и на вершине самого высокого дерева: всюду, всюду или радость, или блаженство, или ясно выраженная способность к нему - о чем тебе говорит все это, о чем возвещает?

Все это говорит об одном, - что Бог есть любовь. Он повсюду творит, сохраняет и распространяет повсюду жизнь, радость и блаженство.

А еще: взгляни, человек, на солнце, которое тебя освещает и греет, плодотворит и благословляет твое поле; взгляни на луну, которая таинственным и тихим светом своим сопутствует тебе в часы ночного безмолвия; взгляни на бесчисленный сонм небесных звезд, который возносит дух твой к небу, к твоему Творцу и Богу, и заставляет его теряться в восхитительных предчувствиях и надеждах - о чем все это поет тебе, что славословит?

Все это поет и славословит, что Бог есть любовь и что любовь Его неистощимо богата; пределы ее - пределы беспредельной вселенной; она объемлет все миры; и нет радости, удовольствия, веселья и блаженства, которыми нельзя было бы наслаждаться в неизмеримом и непостижимо-величественном, необъятном царстве этой Божественной

любви.

Взгляни теперь на свою природу! Не ясно ли и она свидетельствует о том, что Бог есть любовь? Твое зрение, твой слух, твоё обоняние, твоё осязание - что это за удивительные орудия, испытатели и проводники всякого удовольствия, всякого усладительнейшего чувствования! Можешь ли ты открыть глаза и не видеть бесчисленных чудес и красот в мире Божиим? Можешь ли ты, имея слух, не слышать тысячекратных голосов истины, мудрости, человеколюбия, дружества, радости, сострадания и утешения? Можешь ли ты когда-либо иметь попечение о поддержании себя пищею и питием без того, чтобы вкус твой и обоняние не были различным образом возбуждены и удовольствованы? Движение и покой, труд и отдых от труда, красоты природы и искусства не суть ли для тебя источники приятнейших ощущений? Можешь ли ты употребить когда-либо один из твоих членов, не удивляясь его гибкости, его многообразной пользе, его премудрому соединению с целым телом, не радуясь о том благе, которое ты можешь получить от пользования им?

Кто же одарил тебя этими чувственными орудиями, этими членами, столь искусно устроенными? Кто установил это дивное взаимоотношение между ними и внешним миром? Не Бог ли? И нелюбовь ли Бог, так тебя Создавший?

А твои дух, который все это может наблюдать, чувствовать, всем этим наслаждаться и восхищаться; твой дух, который может мыслить, с сознанием мыслить, сравнивать, сочетать свои мысли, соединять их между собою, сохранять их для будущего употребления и умножать их до бесконечности; твой дух, который может испытывать, исследовать, открывать, заключать от видимого к невидимому, от действия к причине, возвышаться от твари к Творцу и в одно и то же время обнимать собою и небо, и землю, время и вечность; твой дух, который способен к счастью от познания истины и непрестанного в ней совершенствования, который может возноситься к надежде блаженного бессмертия, может творить для себя в тиши самого глубокого уединения, в глубине темнейшей ночи светлейшие, возвышеннейшие радости; дух, который чувствует, что он призван к радостям еще более высочайшим, - как ясно свидетельствует тебе этот дух твой, что Бог есть любовь, что Он по любви Своей сотворил тебя для блаженства и соделал тебя способным к наслаждению им в высочайшей степени!

Бог есть любовь. Это утверждает и нравственная наша природа. Мы не должны следовать только инстинкту механических сил, поступать по слепым и кажущимся непреодолимыми побуждениям. Мы можем намечать себе цели, к ним стремиться и их достигать; можем делать выбор между добром и злом, поступать по известным нам законам и истинам, стремиться к совершенству и постепенно достигать его. Мы способны к сообразному с законом поведению, способны к благородным чувствованиям, бескорыстным, великодушным поступкам и духовным наслаждениям; мы можем непрестанно расширять круг нашей деятельности, улучшать свое нравственное состояние, чрез упражнение укреплять и умножать наши силы, облагородить всю нашу природу и непрестанно становиться лучше и лучше, и благотворительнее: может ли наш разум и наше сердце не говорить нам, что Бог есть любовь?

Так, подлинно. Он есть любовь, ибо и в нас. Его тварях и детях. Он насадил любовь друг к другу, тесно соединил с каждым проявлением этой любви блаженство и радость, с каждым умалением ее - неудовлетворенность и скорбь; вложил в сердце наше сильнейшую склонность к сообществу, к взаимообращению и взаимному соединению между собою, склонность к состраданию, вспомоществованию, благотворительности и

взаимообмену наших удовольствий и радостей; соделал каждого, кто правильно понимает свое назначение, истинным другом человечества, почтенным для всех его братии, и напечатлел на нем печать особого Своего к нему благоволения. И если мы, ослепившись своекорыстием и страстию, поступаем вопреки этой врожденной склонности, то чрез это неестественное, насильственное и тягостнейшее состояние перестаем быть спокойными и счастливыми, в глубине сердца чувствуя, что тем самым мы помрачаем в себе прекраснейшую черту Божия образа и бесчестим наше небесное происхождение.

Так ясно свидетельствует вся природа и, в особенности, природа человека о том, что Бог есть любовь.

Не то же ли самое говорит нам и вера?

Бог есть любовь: тому научает нас цель, учит нас тому вся сущность веры, ибо что имеет целью вера? Должна ли она налагать на нас бремя, делать нас печальными и унылыми, возбранять нам удовольствие и делать его горьким; вливать в нас страх и ужас пред Божеством? Делать нас мрачными, угрюмыми, несчастными или самоистязателями? Нет, совсем напротив: она должна облегчать нам неизбежное из-за первородного греха бремя жизни; освещать и уравнивать ее путь; услаждать ее горести; облагораживать каждое невинное удовольствие; предохранять нас от невежества и пороков и чрез то от многих и величайших несчастий; руководить нас к истинной мудрости и добродетели и чрез них к наслаждению чистейшему; подавать надежду на Бога; научать нас умеренности и внутренней удовлетворенности; образовать из нас искренних и деятельных друзей человечества; делать для нас очистительные страдания этой жизни благодеянием и мысль о смерти представлять нам радостию. Вот назначение веры христианской, вот исполненная любви цель Бога, даровавшего нам эту веру! И к чему направлены все ее наставления, все ее заповеди и обетования? Не должны ли они внутрь и вне нас распространять жизнь, радость и блаженство? Не проповедуют ли они нам о своем Виновнике, как о самой любви? Да и не любовь ли Бог, Который открывает нам Себя Творцом, Промыслителем, Верховным Владыкою и Отцом всего мира и всех людей. Который уверяет и опытами жизни доказывает нам, что Он над всем и о всем печется, всем управляет, что Он знает все наши потребности и желания, что Он всегда близ нас, никогда не забывает нас, что Он присутствием Своим наполняет небо и землю и что без воли Его ничто не может случиться с нами? Не любовь ли Бог, Который позволяет, приказывает нам с детскою откровенностью приближаться к Нему, изливать пред Ним все сердце свое и от Его Отеческого Промысла ожидать всегда всего для нас лучшего. Который, как Отец, Сам зовет к Себе заблудших детей Своих с пути их заблуждений, прощает им их погрешности и ведет их к блаженству, если только они добровольно и сознательно изменяют свое расположение ко греху и греховную жизнь? Не любовь ли Бог, Который ничего не возбраняет нам, кроме того, что вредно для нас и для наших братии, что их и нас может унижить, привести в расслабление, лишит высших удовлетворений, длительнейших радостей, что может нам причинить болезнь и несчастье или душевную смерть; Который ничего нам не повелевает, кроме того, что само в себе есть добро, что доставляет нам и другим здоровье и жизнь, крепость и веселие духа, мир сердца, самоудовлетворение и радость, что лишь содействует к утверждению нашего частного и общественного, настоящего и будущего благополучия? Не любовь ли Бог, помогающий нам в наших обязанностях, обещающий пособие в нужде, покров в напастях, утешение в скорбях, спасение в смерти, Бог, Который обещает и дает нам вечную жизнь и непрерывное, непрестанно умножающееся блаженство?

Итак, не вся ли вера говорит нам: Бог есть любовь?

1856 ГОД

5 февраля

Пополудни в три часа принесли к нам в обитель тело г. Верре, Владимира Петровича, городского врача нашего города. Верре прежде был лютеранского исповедения. В январе настоящего года он заболел горячкою. Во время болезни к нему приехал пастор и напутствовал его по своему обряду; но через несколько дней болезнь усилилась, и г. Верре почувствовал, что для перехода в вечную жизнь лютеранская вера не успокаивает его духа, и потому стал просить присоединить его к Православной Церкви. Когда городской священник с причтом читали надлежащие молитвы присоединения, больной все торопил их и повторял:

- Скоро ли окончите? Соедините меня со Христом!

По миропомазании и после исповеди, г. Верре удостоился причащения Св. Христовых Тайн и в радости полной надежды на милосердие Божие уснул телом 2 февраля до трубы Архангельской и всеобщего воскресения.

18 февраля

Отправляли поминовение годовщины блаженной памяти в Бозе почившего в Петербурге Великого Государя, Всероссийского Императора Николая I. Службу Божию совершал отец архимандрит Моисей. К вечерне в пятницу, тоже к утрени и к Литургии в субботу благовест был в большой колокол в один край. Этот унылый благовест, как бы из-за могилы, возвещал о кончине великого отца Отечества и плакал в скорби от великой и тяжкой утраты. При нем Россия направлялась могучей и бестрепетной рукой прямым путем премирного своего назначения. Пресеклась жизнь великого Царя. О Русь Святая, какими путями поведет тебя новое царствование? Тебе надменною рукою врагов Креста уже нанесен был удар коварный из-за ключей Священного Гроба Господня: куда отправишь теперь полет некогда могучей своей силы? Туда ли, на Восток, в лучи светозарного символа спасения мира? Иль обратишь ты взор свой к заре кровавой, занявшейся на Западе? Кто исповесть пути Господни? Но ведай. Родина моя святая, что воля твоя в твоих руках: в твоих руках и путь спасения!..

21 июня

Пополудни в восемь часов привезено к нам в обитель из Петербурга тело умершего там 12 июня на 51 году от рождения надворного советника Ивана Васильевича Киреевского, известного в русской литературе замечательными сочинениями. При жизни своей покойный был очень близок к нашей обители и к старцам нашим. Общение в духе привело и бранные останки этого глубоко православного и русского человека под покров и молитвы нашей святыни. В Петербург Иван Васильевич приехал на время за сыном, вышедшим из Лицея, вдруг заболел холерою и, после кратковременной болезни, умер на руках у сына и друзей. Тело его погребено за алтарем придела Свят. Николая Чудотворца, позади старца иеросхимонаха Леонида. Будем молиться о упокоении души его в селениях праведных.

А как нужны молитвы нашей земной, воинствующей Церкви усопшим, показывает между многими иными свидетельствами рассказ отца наместника Троице-Сергиевой Лавры,

архимандрита Антония, удостоившего своим посещением и братскою любовью нашу пустынную обитель.

"Когда я поступил в Лавру Пресвятой Троицы и пр. Сергия, - сказывал о. наместник, - там было и братии мало, а диаконов с голосом и вовсе почти что не было. Вскоре после моего назначения наместником к нам в Лавру прибыл и определился в число братии один вдовый приходский диакон. Голос у него был недурной, и он стал всегда служить со мною. Незадолго до праздника он стал проситься у меня на побывку домой. Я говорю ему:

- Ну, отпустить-то я тебя отпущу. А ну как ты к празднику не вернешься? С кем я тогда служить буду?

- Вернусь, - отвечает, - уж на этот счет будьте благонадежны.

Утром, в канун праздника, спрашиваю:

- Пришел диакон?

Отвечают:

- Нет.

Началось повечерие, а диакона все нет. Большое это было для меня смущение, и сильно я на него за это оскорбился. Перед самой всенощной диакон явился и объявил, что он готовился к Богослужению. Поутих мой гнев на него; я и говорю:

- Если готов, то служи!

После Литургии мы пошли на трапезу обедать. Перед трапезой кое-кто из братии стал над диаконом пошучивать:

- То-то что значит на родину съездил, а голос-то на родине и оставил.

Что-то ответил на это диакон, а там и стали они между собою препираться, пока я не вмешался в их распри и не успокоил.

Вернувшись в свою келлию, диакон взял кувшин и отправился за водой. Наполнив кувшин, он пошел обратно в келлию, стал отпирать дверь и только успел воткнуть ключ, как упал мертвым.

Когда мне об этом сказали, то мне тотчас же представилось, что я был виновником его смерти, так как заставил его, усталого с дороги, служить со мною бдение да еще готовиться к Литургии, вычитывать каноны, акафист и повечерие. Тяжело мне это было.

В этом сознании я стал молиться об усопшем диаконе, велел его записать во всех церквях и поминать на всех проскомидиях и на всех церковных службах. Горячо, помню, молился я о душе покойного диакона.

Накануне сорокового дня по кончине диакона я прилег на короткое время в своей келье и вдруг слышу, кто-то ко мне входит. Осветилась моя келья, и предо мною предстал почивший.

- Я пришел вас благодарить, - сказал он.

- За что?

- За молитвы обо мне.

- Не один молился, - отвечаю, - прочая братия также молилась. Я вас велел везде записать и поминать.

- Я, - говорит диакон, - нигде не записан, и меня нигде не поминали.

Потом я справился, было ли это упущение. Оказалось - правда: диакона забыли записать. Я спросил усопшего:

- Почему же вы знаете, что я о вас молился? Он мне на это отвечал:

- Если человек и на три сажени зароется в землю, то мы, с кем Господь сотворит милость, видим, какой человек молится, кому молится, за кого и о чем просит. Господу же все известно.

- Как вы прошли мытарства? - спрашиваю.

- Как молния, - ответил он мне.

- Почему же?

- За честь Тела и Крови Господних, так как я только что причастился в день своей смерти.

- А как же вы с братией в трапезе поспорили?

- Господь мне не вспомнил того.

В то же время в Хотьковом монастыре умерла одна монахиня. Я спросил диакона об ее загробной участи.

- Она - выше меня! - ответил почивший". На том и кончилось видение архимандрита Антония.

22 июня

В 5 часов утра от нас отправились в Калугу к преосвященному Григорию отец архимандрит Игнатий Брянчанинов, гостивший в нашей обители с 26 мая, и с ним настоятель наш, о. архимандрит Моисей. Добрую оставил по себе память архимандрит Игнатий: смиренный муж и духовный. Из многих духовных бесед его с нашими старцами записываю от многого малое, но, на мой взгляд, глубоко знаменательное.

"В ямщицком селе Тосно под Петербургом в 1817 году произошел такой случай, о котором, - так сказал о. Игнатий, - я узнал со слов лица, заслуживающего всякого доверия. В этом селе жил богобоязненный ямщик Федор Казакин, женатый, но бездетный, неграмотный, кроткий и поведения во всех отношениях примерного. Был он уже человек лет пожилых, к себе внимательный, не только на выдумку, но и на какую-либо неправду, по простодушию своему, неспособный. Занимаясь кузнечным мастерством, он сам для дела своего выжигал уголья в лесу, версты за три от села, на правом берегу реки Тосны, в местности, называемой Дубок. Однажды Казакин работал один около своей угольной ямы и внезапно, среди бела дня, увидел множество бесов в образе людей обоего пола. Бесы в странных одеждах и в колпаках сидели на высоких деревьях, играли на каких-то

невиданных музыкальных инструментах и припевали:

- Наши годы! Наша воля!

Они и еще что-то пели, но Казакин с испугу не мог вслушаться. Казакин стал креститься и молиться, но видение не исчезало. Страшно испуганный Казакин бросился бежать домой. Дорога к дому шла по берегу реки, а на берегу росли большие развесистые березы. И на всех березах этих во множестве сидели бесы, играли на инструментах и с торжеством бесчинно припевали:

- Наши годы - наша воля! Наши годы - наша воля!..

С версту от места работы, где впервые увидел Казакин бесов, он их увидел в третий раз: они сидели на деревьях и пели ту же песню:

- Наши годы - наша воля!

До полусмерти испуганный. Казакин добежал до села, от которого его отделяла река, и пока ему подавали с другой стороны реки плот для переправы, он присел отдохнуть и в это время увидел страшного змея, который явился у ног его и хотел уязвить; но Казакин отскочил от змея".

Отец архимандрит слышал этот рассказ от причетника села Тосны Ивана Андреева, принявшего монашество в Сергиевой пустыни, где настоятельством теперь сам архимандрит Игнатий.

Что могло означать это ликование бесовское, мы теперь, кажется, можем догадываться, если с духовной стороны взглянем на события, совершившиеся вскоре после этого страшного видения. Вспомним восшествие на престол в Бозе почившего Государя Николая Павловича и страшные декабрьские дни 1825 года, подготовленные духовным шатанием цвета русской образованности, бросившегося, как былие, ветром колеблемое, от одной крайности в другую, от прелести бесовской искаженного мистицизма в прелесть материальных лжеучений, изменяя и в том, и другом случае вере и верности отцов своих, строителей царственной нашей Родины, Святой Русской земли. Твердая, православно-самодержавная рука почившего венценосца указала и повела было Россию по историческому. Богом намеченному пути ее, но семя тли, брошенное в тучную ее ниву, росло и развивалось, засоряя плевелами пажити Господни.

Умаление веры, развитие, хотя и тайное, западных лжеумствований в недрах благородных, образованных русских дворянских семейств; падение нравов, неверность служилых людей данной присяге; воровство всех видов и степеней; казнокрадство; утрата помещичьим дворянством разумения своих обязанностей перед престолом и родиной, искажение дворянством смысла предоставленных ему прав, вытекающих только из обязанностей, им забвенных и, главнейшее, отпадение его в массе от сыновства Святой Православной Церкви, следовательно и от Владыки Христа, - все это и многое другое, ускользающее от монаха, поправшего красная мира, не доказывает ли с очевидностью, что видение тосненского простеца было истинным откровением, обнажившим глубочайшие язвы современности? И что же? Не успели отгреметь Севастопольские громы, а уже мы видим Русь стремящейся по тому же следу давно растленного Запада.

Налагаются на нас язвы тяжкие гнева Божия, но мы не обращаемся, не исповедуем грехов своих, да исцелит нас Господь. Чего же ждать? На что надеяться?

Но да не возглаголют уста мои дел человеческих!

Сказывал нам о. архимандрит Игнатий еще и о благодатных видениях валаамского схимника Кириака. Боже мой. Боже мой! От чего, от какой благодати и истины отпадает бедная, несчастная, израненная духовным врагом своим святая моя Родина!..

В наших книгохранилищах есть рукописное житие его, вернее, повесть о его обращении из тьмы раскола и о благодатных его видениях. Составлена повесть эта им самим по благословению бывшего Саровского и Валаамского настоятеля, игумена святой жизни Назария. К ним сказание это доставлено отцом Исаиею, братом нашего настоятеля, из Саровской пустыни, где ныне настоятельствует о. Исайя. В память старца нашего, иеросхимонаха Иоанна, обратившегося также некогда из раскола, и в память бесед о. архимандрита Игнатия, выписываю я повесть Кириака себе в назидание. Так как слог ее - слог прошедшего столетия, то я решил, не изменяя ее существа, передать ее языком современным. В духе глубокого смирения и, единственно, в исполнение святой обязанности послушания своему игумену Назарию составил сказание это блаженный старец, и потому для верующего христианина оно представляет собою сокровище неоценимое.

"О, горе мне, окаянному! - так начинается история обращения Кириака из раскола в православие. - Да постигнет меня казнь страшного суда Божия за то, что, не сохранив в чистоте ризу святого крещения, дерзаю поведать дивные дела Божий, явившиеся на мне. Но, опасаясь, как бы не прогневать своим дерзновением Божие человеколюбие, вместе и страшусь, как бы не услышать того же, что сказано было Господом ленивому рабу, взявшему талант от господина своего и сокрывшему его в землю... Да будет со мною воля Твоя, Господи! Сотвори со мною, триокаянным, по милости Твоей, за молитвы отца моего, и всей о Христе братии, и всех святых, угодивших Тебе! Поспеши, вразуми, направи и благослови, Господи, описать обращение мое, дабы оно послужило не к соблазну, а в пользу чтущим и слушающим и в прославление Святого имени Твоего, в славу, радость и честь святой матери нашей, Соборной и Апостольской Церкви.

Родился я от благочестивых христианских родителей в городе Великом Устюге, в котором и проживал некоторое время до перемещения меня в волость Цывозеро, приписанную к городу Красноборску. Возрастая под кровом родной своей семьи, я с самых юных лет обнаруживал склонность к жизни духовной и склонность эту проявлял в том, что неопустительно посещал храмы Божий, когда совершалась в них Божественная служба; с большою охотою слушал пение и чтение Слова Божия; любил и сам читать жития святых отцов, но более всего - житие Алексия, Божьего человека. При таком постоянном упражнении и склонности к жизни духовной родилось во мне самое желание поревновать самому житию святых Божиих человеков. А как такой род жизни возможен только под руководством человека, опытного в духовной жизни, то я и решился, прежде чем оставлю жизнь мирскую, поискать руководителя на новом моем пути. Скрывая намерение это от отца и матери, я приступил к ним с просьбою о дозволении отлучиться мне от них на сторону для приобретения будто бы денег и увеличения нашего состояния. Просьба моя, однако, не имела желанного успеха. Отказывая мне в ней, родители говорили мне:

- Ты у нас только один. Отпустить тебя - значит не видать более.

Неудача моя, однако, этим не окончилась. Отец и мать принудили меня еще и жениться. После женитьбы моей родители жил недолго. Он умер и оставил меня в летах еще

молодых. Независимый уже от воли отца, я прожил в той волости лет пятнадцать, а потом, по скудости землепашества, переселился в другую волость.

Прошу не соблазняться тем, что теперь услышите от меня о прежней распутной моей жизни, которой скрывать я вовсе не желаю. Да и к чему скрывать то, что будет же открыто на Страшном Суде Христовом пред лицом всей вселенной, если теперь добровольно не обнаружу я дурных дел моих?

Некогда увлечен был я несколькими бесстыдными девицами, с которыми вошел в незаконные связи, и так провел около десяти лет, пока милосердый Господь не сотворил со мною, окаянным, великой Своей милости и не поразил грешной души моей страхом, памятью смерти и вечными муками. Признаюсь, страх образумил меня тогда и с тем вместе показал в самом отвратительном виде картину порочной моей жизни, при воспоминании более двух лет. Почитая себя, и весьма справедливо, одним из самых закоснелых грешников, я не находил иного средства для примирения со своею совестью, как рассчитаться окончательно с миром, то есть удалиться из него навсегда. С того времени постоянное желание влекло меня в места пустынные; но желание мое не могло скоро осуществиться, потому что в тех местах, где я проживал тогда, не было человека, опытного в духовной жизни, которому можно было бы доверить спасение души своей и который был бы силен насытить душу, ищущую небесного хлеба. Жившие по тамошним пустыням отступники от православия узнали как-то, чего я ищу, и начали посещать меня и предлагать принять участие в их заблуждениях. Более других старался вовлечь меня в свою прелесть двоюродный дядя мой, Григории Минич. В то время сам он еще не уклонялся явно от Святой Церкви и только скрытно держался раскола, еще с детского возраста. Мало-помалу я был увлечен им, не понимая и сам того, какая пагуба заключена в его лжеучении. Ох! Увы, грешная душа моя, лишилась ты Божией благодати!

Увлечись в раскол, я оставил и дом, и жену, и детей, и вместе с моим совратителем-дядею мы отправились водным путем к городу Архангельску. Здесь отыскивали мы подобных себе раскольников, которые, однако, не во всем были между собою согласны: одни называли толк свой - **филипповщиною**, другие - **федосеевщиною**, **даниловщиною**, **онуфриевщиною** - по именам основателей толков, и так далее.

Я не берусь описывать подробно, в чем именно не соглашались между собою эти секты - на это потребовалось бы много времени - скажу только, что все они были по большей части **перекрещеванцы**: так они именовали себя в просьбах, в отпускных письмах и в других письменных актах. Браков они не признавали и жить с женами не позволяли: жизнь брачную считали тяжким грехом, но снисходительно смотрели на тех, которые вне брака изобличаемы были в незаконном сожитии. Кроме помянутых толков, между ними есть и **беспоповщинцы**, которые сами совершают обряд крещения над младенцами, а входящих к ним не перекрещивают и браков не отвергают.

Такое разнообразие несогласных между собою толков казалось мне такою путаницею, что я свое недоумение высказал и дяде, и небольшому числу единомышленников наших. Все они на общем совещании положили, что мудрование о вере этих толков, разделившихся между собою, и самое название их по именам противны Святой Церкви и что святые, при всех случаях, исповедывали себя христианами. После того дядя мой и наши единомышленники отделились от помянутых сект и приискали себе отца, по имени Василия, по отчеству Степанова, во всем согласного с нами. Этот новый руководитель наш прожил в пустыне лет сорок да среди мира лет тридцать, где он был пастухом. Находясь под его управлением, мы не давали братству нашему названия по имени отца нашего,

бывшего прежде пастухом, но сторонние люди тем не менее не иначе называли наше согласие, как **пастуховщиною**.

Между многими установлениями, какие существовали в нашем согласии, в особенности замечательны нижеследующие: 1) везде, при всяких случаях, называть себя христианами, 2) не самосожигаться; 3) не залащиваться; 4) не топиться и 5) каким бы то ни было образом не лишать себя жизни; а если бы довелось кому быть мстязанным о вере нашей, то каждый из нас должен твердо держаться ее, хотя бы и пришлось пострадать за нее.

Держась неуклонно этих установлений и других обрядов вместе со службами, которые изучали в новом месте, мы прожили тут около года; потом пускались в море для отыскания пустынного места, и хотя нашли там пристанище себе и проживали некоторое время, но дух мой все еще не был покоен, потому что мне приводилось в жизни тамошних раскольников, рассеянных по скитам и пустыням, видеть такие поступки и обычаи, о каких мерзко и писать. Чтобы избавить себя от соблазнов и не быть их очевидцем, я решил удалиться оттуда и отправиться в те пустынные места, где проживал прежде. Но наперед направился я к Архангельску и обратился к жившим там братьям и к старцу Василию за советами и наставлениями, какую жизнь мне вести в месте нового моего жительства. Долго уговаривали они меня не бросать их общества, долго убеждали не пускаться в те места, где прежде я обитал; но все их убеждения остались бесплодными. Наконец, уступая моей настойчивости, они предложили мне в напутствие такое наставление:

- Где бы ты ни основал свое местопребывание - в мире ли или в пустыне, - будь непременно наставником других и не оставляй никого без учения, кто только будет его требовать. В противном случае ты будешь отвечать на Страшном Суде Христовом за душу того человека, который умрет, не получив твоего наставления, если бы он в нем нуждался.

Приняв это благословение и наставление, я отправился от них и поселился в одной пустыне, расстоянием верст на семьдесят от жилых мест, а для совместного жительства пригласил местного жителя. Главная моя забота была та, чтобы жить на новом месте как можно скрытнее от людей и подальше от мест населенных. Несмотря, однако ж, на мои предосторожности, многие из окрестных жителей узнали о месте моего пребывания и начали приходить ко мне и требовать моего учения.

О, горе мне, окаянному и лишенному Божией благодати! Не держал я скверного языка своего и научил многих богомерзкой прелести. Стоило, бывало, только показаться мне в места жилые за своими надобностями, как все бегут ко мне навстречу. Случалось, я старался избегать подобных встреч, но не всегда успевал в этом. Сначала, как выше сказано, жил я в новых пустынных местах вдвоем только с одним местным жителем; но через три года приехал ко мне из Архангельска и дядя мой, привез с собою брата, по имени Тимофеи, и поселились они со мною для совместного жительства. С их прибытием умножилось и число посещавших нас мужчин и женщин, из числа которых в короткое время успело обратиться в раскол до трехсот душ; между ними были и престарелые. Жизнь этих людей и подвиги были изумительны: они простаивали целые ночи на молитве, в слезах и сердечном сокрушении; но, видно, все эти самочинные подвиги не были угодны Богу, о чем можно заключить из того, что когда кто из них умирал и через сутки не был погребен, то на другой день к нему и приступить было почти невозможно: тело быстро разлагалось и распространяло страшное зловоние; у некоторых из них даже расседались утробы. Совсем другое замечал я при кончине тех людей, которые прежде

смерти прибегали к покаянию и сподоблялись приобщения Св. Тайн: кончина этих людей и погребение их были весьма благолепны.

Казалось бы, беспристрастные эти наблюдения могли бы убедить меня в том, что мы сбились с пути правого, ведущего ко спасению, и что деяния наши противны Богу. Это и приходило мне, действительно, на мысль, но только иногда, на время; а потом я опять погружался во тьму заблуждения, которая до того омрачила меня, что я уже не способен был отличить свет от тьмы и обратиться к матери нашей. Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

Убежище наше, где мы скрывались в расколе, не могло долго оставаться тайной. Священник той волости, поблизости которой скрывалось наше братство, узнав, где мы живем и где бываем, донес о том духовной консистории. Тогда, по распоряжению правительства, немедленно прибыл ночью в место нашего жительства капитан-исправник чиновниками. Прежде всего он начал допрашивать детей наших, подвергая их вместе с тем жестоким наказаниям. От детей он узнал, в каком жилье находились я и дядя мой с братом Тимофеем, зашедшие туда для некоторой надобности. Приведенный к нам детьми нашими, исправник велел взять меня и дядю, а Тимофей перед этим только что вышел к соседу. Но так как исправник через детей же знал, что вместе с нами был и Тимофей, которого теперь не оказалось, то и стал допрашивать меня, где он скрывался; однако ж я не только не открыл места, где находился тогда Тимофей, но старался раздражить исправника ответами, чтобы он убил меня. Такое безрассудство с моей стороны вызвало побои, нанесенные мне плетью, до того жестокие, что тело мое, пробитое на хребте, висело лоскутами и потом, предавшись гниению, совсем отделялось от хребта. Тяжко и невыносимо было тогдашнее мое состояние: больше полугода я находился под стражею и во все это время не переставал страдать от побоев, а вдобавок к тому не имел возможности пользоваться мою болезнь лекарствами, почему и не думал остаться живым. Тело мое еще не зажило, а за мною прислан был курьер. В моем еще городе Красноборске оковали меня по рукам и по ногам и в таком виде в продолжение трех недель содержали как в этом городе, так и в других городах - Великом Устюге и в Вологде, - куда меня пересылали.

Еще раз повторяю: находясь в оковах, с израненным телом, много тогда претерпел я, но претерпел не по разуму. По словам Апостола, только тот венчается, кто страдает невинно; а мои действия, за которые я терпел, противны были учению Святой Церкви. Богу единому известно, что, упорствуя в раскольническом заблуждении, я не желал и не искал суетной славы человеческой или богатства, скоро гибнущего; но как человеку, ищущему спасения, нельзя прийти в познание себя без искушения, то искушение не миновало и меня. Впрочем, я нимало не сетую на постигшие меня скорби, а радуюсь, напротив, что посредством их-то и познал я свою немощь, познат и мать свою. Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, которая еще в детстве чрез святое крещение отродила и воспитала меня. Супостат и наветчик души моей похитил, было, меня и загнал во двор не овчий, а в тот двор, в котором витают тьма и заблуждение. Но Господь не оставил меня, овцы Своей, блуждавшей по горам: Он отыскал ее, возложил на рамо Свое, принес и водворил в ограду словесных Своих овец. А как все это совершилось, - я начну с того, чем закончил предшествующий рассказ.

По взятии меня под стражу я отправлен был потом под конвоем трех солдат в Петербург, в тамошнюю Александро-Невскую Лавру, где и содержался в ожидании, когда потребует меня к себе преосвященный Гавриил, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, для увещания. Время это памятно мне в особенности тем, что тогда-то именно коварный

бес ополчился на пагубу души моей всеми зависящими от него средствами. Когда предстал я пред лицо помянутого архипастыря, мне тогда показалось, что у него обритые усы, а борода острижена. После, однако, одумавшись, я понял, что все это ложь бесовская и мечта, употребленная для того, чтобы я не слушал и не принимал от святителя никаких увещаний, и потому сначала терпеливо слушал некоторые увещания от посещавшего меня, по поручению митрополита, московского купца Алексея Степановича Сыромятникова, который все доводы свои представлял от Священного Писания; но потом, заткнув уши, не только не хотел более слушать никаких убеждений, но даже стал ругать его, а от митрополита Гавриила потребовал старопечатных книг с тем, чтобы, опираясь на них, крепче утвердиться мне в своем заблуждении, - в чем со стороны снисходительного святителя и не было отказа.

Между тем, находясь под стражей, постился я, простаивал ночи на молитве и просил Бога - не о том, чтобы познать истинную Церковь, а о том, чтобы устоять в раскольнической прелести. Пользуясь таким настроением мой души, лукавый бес начал внушать мне различные помыслы: "Что сидеть тебе здесь? Надобно же этому положить конец: ведь придется погибнуть против воли!" Вместе с тем стал он приводить мне на память сгоревших и утонувших: "Все они и все святые пострадали за Святую Церковь. Если хочешь, то, видно, и тебе приспело уже время последовать примеру их. Смотри, как они смело дерзали на смерть Бога ради: не убоялись ни огня, ни меча, ни воды. Так и ты смело дерзни за веру христианскую и за Святую Церковь. А чтобы скорее кончить это дело, надобно тебе попоститься дня три и помолиться с прилежанием, без чего такая решимость приведет тебя в ужас и ты не исполнишь того, что совершили они". И я, окаянный, по совету лукавого, постился и молился три дня. Вслед за тем лукавый внушал мне: "Солдаты, приставленные к тебе, исполняют свою стражу небрежно - ночью спят, а потому, когда заметишь такую оплошность, сними с себя кушак, привяжи его к чему-нибудь и посредством его спустишься в окно, уйди и скройся у своих верных", то есть у раскольников. Наступила ночь. Смотрю: все солдаты, действительно, погрузились в крепкий сон. Желая воспользоваться этим удобным случаем для исполнения внушенного мне от врага совета, я тогда же снял с себя кушак, прикрепил его к стоявшему недалеко от меня водоносу, который концами утвердил поперек окна, и таким образом хотел опуститься вниз, как в эту самую минуту невидимая сила удержала меня: "Не уходи, - говорит мне кто-то, - не просто ты взят сюда. Тебе добро будет: ты здесь неисчислимым богатством обогатишься и домой уедешь". Слушая эти слова, я утешился ими и вместе с тем ощутил в душе моей какую-то сладость и умиление; из глаз моих струились радостные слезы. Быть может, и воистину добро мне будет, - рассуждал я сам с собою. Но такое утешительное состояние продолжалось недолго: спустя день лукавый враг опять подходит ко мне и внушает новый помысел такого рода: "Здесь для спуска воды устраиваются трубы - стоит только тебе спуститься головою вниз по трубе, и ты будешь непременно мученик". Чтобы не упустить случая к выполнению демонского совета, дождался я ночного времени и, как только солдаты уснули, сперва помолился Богу с прилежанием, а потом уже смело, со всего размаху хотел низринуться головою вниз. Но в это самое время невидимая сила Божия снова удержала меня: "Человече, - внушил мне тайный голос, - не погубляй себя все! Ты взят сюда судьбами Божиими, и благо тебе будет, и богатства много получишь здесь, и домой уедешь". Голос, произносивший слова эти, был голос тихий, тонкий и сладостный, какого мне не доводилось слышать никогда. Я чувствовал благоухание. Сердце мое в это время исполнялось благими и радостными помыслами, восхвалявшими и ублажавшими Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Но здесь нельзя передать всего того, что перечувствовала и в какой мере насладилась грешная душа моя тогда, когда посетили ее благие и радостные помыслы. Такое отрадное

состояние души продолжалось до полудня, а после обеда стали нападать на меня уныние и печаль вместе со злыми и тяжкими помыслами бесовскими, которые хулили Святую Церковь и предлагали столько опровержений против учения ее, что я и перечислить их не в состоянии. Тяжко было мне в то время: сердце мое терзалось и ожесточено было до того, что я не отказался бы и от смерти, если бы только кто решился лишить меня жизни.

В таком состоянии расстроеной души не было уже в ней места для принятия каких бы то ни было увещаний от пришедшего ко мне вышеупомянутого купца Алексея Степановича Сыромятникова; равным образом, не имел я охоты и слушать то, что читал он мне. Я даже и видеть его не желал и осыпал его бранью, чтобы за это подвергли меня мучению.

- Если бы ты хотел истинно освободиться от прелести раскольнической и быть сыном Святой Церкви, - говорил мне Сыромятников, уходя от меня, - ты бы просил Бога с прилежанием и верою, и Господь не оставил бы тебя далее коснеть в заблуждении, но избавил бы от него и от вечного за то мучения.

Слова эти не остались бесплодны: выслушав их, я стал на молитву и молился усердно. Во время молитвы один помысел улаждал меня и говорил: "Поверь, что только та правая Церковь, которая управляется пастырями - епископами и священниками". Другой помысел утверждал напротив: "Та правая церковь, за которую ты страдаешь и за которую непременно должно тебе пострадать до конца". Среди такой борьбы помыслов со слезами обратился я к Господу и взывал к Нему:

- Господи! Откуда бы Ты послал мне голубицу, дабы возвестила сердцу моему, которая истинная Церковь? Господи! Не оставь меня погибнуть в борьбе с моими помыслами.

Долго молился я; но вот новые бесовские помыслы напали на меня: "Что ты молишься двусмысленно и несправедливо? Ты должен молить Бога о том только, чтобы Он помог тебе до конца пострадать, за что наравне с мучениками и увенчаешься". Но я не поддавался этим помыслам и продолжал молиться, читал прилежно книги, слушал со вниманием увещания Сыромятникова, и не только его одного я слушал, но и многих из жителей как петербургских, так и иногородних, равно и обращенных из раскола, в числе которых был и знакомый мне житель города Ростова Гавриил Ве-ревкин. Плодом всего этого было то, что я начал было убеждаться в том, что, действительно, мы, раскольники, блуждаем во тьме неведения и уклонились от матери нашей. Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Вследствие этого некоторое время упражнялся я в изучении правоты Православной веры. Но потом, по Божьему попущению, опять постигло меня искушение.

Сильное раздумье овладело мною, когда внимал я искусительным помыслам. На что решиться мне теперь, думал я тогда, и какой способ употребить к отнятию жизни у себя? Сожечь себя огнем? Но этого устроить нельзя: здание, в котором я содержусь, каменное; за мною постоянно следит стража. Утопиться в воде? Как это сделать в тесном заключении?..

"Что ж ты долго размышляешь? - говорит мне опять помысел. - Вот, скоро из сената придут за тобою, возьмут тебя туда, будут принуждать обратиться к их заблуждению, подвергнут тебя жестоким побоям, от которых ослабеешь и потом, против воли своей, склонись на их желание. Но смотри. Господь, желая устроить спасение твое, вот какое представляет тебе к тому средство: у караульных солдат есть нож, которым они режут хлеб и кладут без осмотрительности на окно: возьми ты нож этот, скрой его в сапоге

твоим; а как настанет день, выйди вон, будто бы для своей телесной нужды, и припрядь орудие это в нечистом месте, а между тем постись и молись с прилежанием Господу Богу и не думай, что, решаясь на это, будто бы ты неправо поступаешь, в чем могут убедить тебя прежние примеры и Св. Писание".

Советы диавола я принял за внушение свыше: семь дней постился, не ел хлеба; а чтобы скрыть свой пост от караульных, притворился больным. Каждую ночь проводил я в молитве и от таких суровых подвигов крайне изнемог, но намерения своего на самоубийство не оставлял; напротив, назначил даже и день, в который положил непременно заколоть себя спрятанным ножом и, для приведения в исполнение замысла, ослабевшие свои силы подкрепил немного хлебом. С наступлением рокового дня помолился я Богу, вышел в уединенное место, взял спрятанный нож и, оградив себя крестным знаменем, замахнулся уже ножом, чтобы нанести себе крепкий удар. Но - благодарение милосердному Богу! - какая-то невидимая сила удержала мою руку, внушая, как и прежде, не погублять себя. Внушение это сопровождалось некоторою отрадою, какую ощутил я в сердце своем; а потом напал на меня страх, почему опять я скрыл нож в то место, где он был спрятан прежде, и пошел под стражу. Бог ведь, - рассуждал я сам с собою, - Божие ли это внушение или бесовское?.. Спустя несколько дней я решился еще попоститься и помолиться с тем, что если встретится вновь такое препятствие в посягательстве моем на самоубийство, то надобно будет согласиться, что меня удерживает сила Божия, а не бесовская. Вздумано - сделано: после поста и молитвы я опять вышел в прежнее место, отыскал нож и лишь только замахнулся им для нанесения себе удара, как и в этот раз невидимая сила удержала мою руку. "Не погубляй себя, человеке, - говорил мне тайный голос. - Ты не случайно взят - тебя Бог привел сюда, и великим богатством обогатишься здесь, и многих обогатишь, и домой уедешь".

Как прежде, так и теперь, я чувствовал в себе то радость, то какой-то страх; мне пришло на мысль: видно. Господь к мученическому венцу призывает меня! - и принял намерение идти лучше на мучение, за что от Бога причтен буду к лику мучеников, нежели произвольно убивать себя, что запрещено даже и в братстве нашем, к которому принадлежал я. Но чтобы осуществить на деле свое желание и непременно добиться мученичества, я для этого употребил следующий способ: со всеми приходившими ко мне для увещания меня православными, в том числе и с Сыромятниковым, я стал спорить, называть их всех еретиками и отступниками, а пастырей Церкви, епископов - мучителями и волками. Однако, способ этот мне не удался.

Вместо ожидаемых мучений, которых я добивался, потребовал меня к себе высокопреосвященный митрополит Гавриил. Так как в то время были у него посетители из знатного сословия, то велено было мне обождать у келейника, отца Феофана. Я ждал, сидя на стуле. Наконец мне говорят:

- Ступай - митрополит тебя спрашивает! Я безумно отвечал:

- Не пойду! Что мне делать у него? Я его видел много раз. Если же я ему нужен, то пусть сам ко мне придет!

И что же? Кроткий и смиренный святитель, услышав безумные слова мои, не замедлил придти ко мне. С кроткою улыбкою приблизился он и, положив десницу на правое плечо мое, начал увещать меня самыми кроткими, смиренными и умиленными словами. А я, окаянный, вместо того, чтобы воздать архипастырю подобающее поклонение, и не встал даже пред ним со стула, на котором сидел, и к этой дерзости прибавил новую:

- Зачем долго держишь меня? - сказал я ему. - Отсылай, куда надлежит!

- Подумай-ка, Ксенофонт, - говорил мне ласково владыка, - и рассуди своим умом: для чего я держу тебя? Доход ли какой получаю от тебя? Чести ли ищущу? Воистину, о душе твоей пекусь, дабы спасти ее от вечной гибели.

Так он говорил в присутствии разных лиц: священников, купцов и другого звания людей, которые с должным благоговением внимали ему. Потом святитель обратился к иконе Пресвятой Богородицы, стоявшей на стене, и, воздев свои руки, начал молиться:

- О, всемилостивая Госпоже, Дево, Владычице, Богородице, Царице Небесная! Ты Рождеством Своим спасла род человеческий от вечного мучительства диавола, ибо от Тебя родился Христос, Спаситель наш. Призри Своим милосердием и на сего лишнего милости Божией и благодати; исходатайствуй Матерним Своим дерзновением и Твоими молитвами у Сына Своего, Христа Бога нашего, дабы ниспослал благодать Свою свыше на сего погибающего. О, Препоблагословенная! Ты - надежда ненадежных. Ты отчаянных спасение, Ты - на помощь скорое и готовое заступление! Никто, Заступице христианская, под Твой покров прибегая, посрамлен не исходит: да не явимся и мы посрамленными пред Сыном Твоим на Суде Его Страшном, и да не порадуется враг о душе его!

Затем святитель Божий обратился ко Господу с молитвою:

- Господи Боже мой! Ниспошли благодать Твою свыше и ходатайством Матери Твоей, Пресвятой Богородицы, отжени гордого и нечистого беса от души его и согрей теплотою Святого Духа охладевшее сердце его, дабы он мог слушать вопиющий глас от Святой **матери, Соборной и Апостольской Церкви, глаголющий: повинуйтесь наставником вашим и покоряйтесь, тип бо бдят о душах ваших,*** кои хотят слово и ответ дать пред Тобою, Страшным Судиею. О, Господи, помилуй немощь нашу!

* Евр. 13. 17.

Оканчивая молитву эту, высокопреосвященный проливал слезы. Ей! Не лгу, любимцы мои: **гордый бес не выдержал пламенной молитвы достойного пастыря и оставил меня.** Когда владыка снова увещевал меня, а потом обратился с молитвою обо мне к иконе Пресвятой Богородицы, в то время преобладала мною гордость бесовская; но когда он проливал слезы, молясь обо мне, тогда как будто кто молотом ударил меня по шее и ударом этим мысли мои вывел из оцепенения: проснувшаяся совесть, этот неподкупный судия, сильно обличала неправоту мою; от стыда горел я, как от огня. - "Глупец бессовестный! - говорила мне совесть. - Смотри, святитель Божий молится о тебе с воздетыми руками; смотри, он плачет о тебе пред Богом, а ты? Ты не устыдился сидеть пред ним в то время, когда подобало бы тебе стоять и плакать о своем заблуждении!"

После этого стало ясно для меня то, что прежде казалось темным от помрачения бесовского. Я уже не отвергал более того, что заблуждался доселе; сердце мое умягчилось настолько, что я начал питать истинную любовь к этому пастырю - словом, я весь переменялся и был безгласен пред владыкою, пред которым встал теперь с благоговением. Заметив во мне такую перемену, святитель продолжал мне делать увещания и делал их целое утро, до обеда стоя на ногах. Наконец он сказал мне:

- Ксенофонт! Если соизволишь с нами пообедать - пойдем: уже пришло время обедать.

Такая ласковость и доброта оскорбленного мною архипастыря изумила меня. Я весь растерялся и молчал. Вспоминая невежество, какое я оказал пред лицом святителя, я горел от стыда и наконец пал ему в ноги, прося прощения.

Это было, помнится мне, в субботу.

Простившись со мною, добрый пастырь поручил людям знающим и обращенным из раскола побеседовать со мною, - и они беседовали. Особенно много говорил со мною Алексей Степанович Сыромятников.

Но все эти беседы не имели на меня благотворного действия: я все еще колебался и ко всему, что говорено было мне, показывал заметное невнимание, и потому многие из моих собеседников стали расходиться по своим местам.

В это самое время Господь послал мне помощь Свою: ко мне пришли двое - обращенный из раскола, по имени Авраамий, живший прежде долгое время в стародубских слободах, и послушник Валаамского монастыря Алексей Николаевич. Этот Авраамий (отчества и прозвания его не знаю) сначала сообщил мне ласково и кротко о том, как и он находился в заблуждении раскольническом; потом говорил, как он был на святой горе Афонской, - сколько там мощей и каких именно угодников Божиих, и какие истекают чудотворения от этой святыни, каких подвижников видел там и что слышал от них; а когда заговорил он о Киеве, тогда я спросил его:

- Скажи, любезный приятель, как выгорецкие ответы ссылаются на мощи киевских угодников Божиих, почивающих в пещерах, якобы они имеют сложение двуперстное?

Он мне отвечал:

- Не верь их ложному свидетельству, а поверь тому, что скажу тебе неложно: заклинаю тебя Богом Живым, что они имеют сложение троеперстное, а не двоеперстное.

Я поверил ему и предложил другие сомнения. Когда он разрешил все мои недоумения, мне стало весело и легко, так что никогда не чувствовал я такой радости.

Тогда-то стал для меня понятным настоящий смысл слов - "неисчетным богатством обогатишься", - который голос Божий не раз уже повторял мне, когда покушался я уйти из под стражи, чтобы укрыться у раскольников, или готов был прекратить жизнь свою самоубийством. Поистине, я вдруг приобрел неисчетное, неописанное и несравненное богатство, посланное мне от Владыки моего и Господа - в познании Святой, Соборной и Апостольской Церкви, в которой несомненно пребывает благодать Божия и совершается превеличайшее Таинство Пречистого Тела и Крови Иисуса Христа для теснейшего соединения с Ним на веки вечные. Со слезами благодарил я Господа Бога и Пречистую Божию Матерь, что для просвящения сердца моего и разрешения сомнений послан мне был такой человек, с которым беседовал я не как с человеком, мне подобным, а как с Ангелом Божиим.

- Поистине, дорогой приятель мой, - сказал я Авраамию, - Бог твоими устами беседует со мною.

Это было в воскресный день и именно в те самые часы, когда совершалась Божественная Литургия.

После обедни я с радостью отправился к высокопреосвященному Гавриилу, припал к его стопам и просил у него прощения в моем заблуждении и в том бесчинии, какое оказал ему в субботу, а с тем вместе просил его присоединить меня к Святой Церкви. Выслушав просьбу мою, святитель Божий порадовался обращению моему и возблагодарил Господа и Пречистую Матерь Его. В это же время у него был и генерал Степан Иванович Шешковский. Владыка просил его приказать, чтобы сняли с меня железные оковы, что и было тогда же исполнено.

Получив свободу, я с усердием стал посещать храмы Божий. В один из дней праздничных бывший в то время экононом, а потом наместник здешней Лавры, отец Иоасаф, привел меня к себе в келью и предложил мне разделить с ним трапезу. Напитав меня пищей вещественной, не лишил он и духовной. После обеда пошли мы с ним гулять в сад, продолжая рассуждать о духовных предметах.

Простившись же с ним, я дорогою размышлял о том, как совершается Святая и Божественная Литургия, какое заключается в ней таинство, как над святыми просфорами происходит таинодействие? И вот мне пришло на мысль постоять в алтаре во время ранней обедни.

"Господи! - взывал я к Царю Небесному. - Спо-доби мя сие святое Твое таинодействие видити".

С этими мыслями взошел я в собор, в котором почивают мощи св. благоверного князя Александра Невского, помолился тут Господу, Пресвятой Богородице и угоднику Божию и просил Всевышнего исполнить желание мое, если оно угодно будет Его святой воле. От собора отправился я в келью и, проходя по галерее, встретил бывшего наместником Лавры, а потом епископа Новгородского, Афанасия. Поклонившись ему в ноги и получив от него обычное пастырское благословение, я сообщил ему свое желание и со слезами просил его исполнить.

- Хорошо, - сказал наместник, - Бог исполнит твое желание. В которой церкви желаешь быть?

- Благослови быть, батюшка, на кладбище, у святого и праведного Лазаря! - сказал я и поклонился.

- Изволь! - отвечал мне наместник: - Я скажу служащему иеромонаху, чтобы он дал тебе место в алтаре; а ты приходи пораньше и, как только придет иеромонах, иди за ним прямо в алтарь, ничего не опасаясь.

Удалившись от наместника, я плакал от радости и размышлял: что это будет со мною? Радость к радости. Буди, Господи, воля Твоя!

В следующий день, только что окончилась утренняя, я был уже подле той церкви, где должна была быть ранняя Литургия. Из служащих никого еще не было. Я сел на камень и ожидал их прибытия. Наконец, увидев идущего к церкви иеромонаха, я просил у него благословения постоять в алтаре во время Литургии. Он сказал:

- Хорошо, ступай с Богом!

И в алтаре указал мне место, где я должен был стоять. Здесь, проникнутый страхом, я с большим вниманием следил за ходом совершавшейся проскомидии и, когда служащий иеродиакон начал кадить святой алтарь, почувствовал такое благоухание, исходившее из

кадила, какого не случилось мне обонять во всю свою жизнь. Затем во все время, пока совершалась Литургия, дух мой восхищен был как бы на самое небо, так что земного ничего тогда не приходило мне и на мысль. Когда служащий иеромонах, снимая с диска звездицу, возгласил: "Победную песнь поюще, вопиюще" и проч., - тогда я еще более чувствовал благоухание, чем прежде, и помысел в эти минуты говорил мне: **стой и внимай со страхом - хочет Бог велие чудо показати.**

Когда иеромонах возгласил: "Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся", - в это время от престола Господня, казалось мне, излилось на меня, грешного, необычайное благоухание.

Когда же стал он призывать Святого Духа на предлежащие Дары, - святой престол и иерея, казалось мне, окружили Херувимы, и весь алтарь наполнился ими. Сам служащий иерей, предстоящий престолу Божию, объят был огнем; и лишь только сделал он поклон земной пред святым престолом, вижу, - белый голубь, только в меньшем размере, чем обыкновенный, слетел с вышины и стал парить над святым диском; потом взлетел на верх святой чаши и, сжав крылья, опустился в нее; а Силы небесные в это время, падши ниц, поклонились святому престолу.

Когда иерей возгласил: "Изрядно о Пресвятей" и проч., - Силы небесные опять поклонились до земли.

Когда пропели "Достойно есть", - они в третий раз поклонились; потом окружили иерея, осенили главу его как бы пречудною плащаницею и затем стали невидимы.

Смотря на это чудное видение, я дивился величию таинства и в то время много плакал, повергался пред Господом, просил у Него прощения:

- Прости меня, Владыко Человеколюбче! Много согрешил я пред Тобою неведением, когда был в заблуждении раскольническом, износил скверным языком моим хулы на Матерь нашу Святую Церковь, на пастырей ее - епископов и честных иереев и на святые, страшные Тайны, то есть на Пречистое Тело Твое и Честную Кровь Твою! Недоумеваю: как терпел Ты, Человеколюбче, окаянство мое?

По окончании Литургии, благодарил я литурги-савшего иерея и, получив от него благословение, удалился из алтаря со скорбью о том, что долгое время лишал себя общения такой великой святыни. С этого времени я уже не колебался в намерении моем обратиться из раскола в Православие и отправился к Высокопреосвященному Гавриилу. Снова просил я у него прощения в своем заблуждении и повторил прежнюю просьбу мою присоединить меня к Святой Соборной и Апостольской Церкви. Святитель с радостью изъявил согласие исполнить мое желание и пригласил к себе священника Больше-Охтенской церкви, Андрея Ивановича, который и сам был некогда в расколе, когда находился в купеческом звании. Святитель приказал исповедать меня и приобщить Св. Тайн. О. Андрей благословил меня приготовиться к Святому Таинству постом, молитвою и хождением в течение недели к каждому богослужению. Как жаждущий олень спешит на источники водные, так и я спешил исполнять поведенное мне. В день субботний, после утрени, исповедал я согрешения свои о. Андрею в церкви св. благоверного князя Феодора, брата святого благоверного князя Александра Невского, а потом тут же слушал и святую Литургию, которую совершал сам о. Андрей. Стоя близ правого клироса, у каменной колонны, слушая со вниманием святую Божественную службу, я помышлял в себе: не покажет ли мне Господь и теперь какое-нибудь знамение, дабы я с верою и без

всякого сомнения причастился Святых, Животворящих, Страшных Таин? И милосердый Господь не оставил втуне моего желания: когда иерей возгласил - "Твоя от Твоих Тебе приносяще...", я почувствовал, как и прежде, благоухание, исходившее из алтаря от св. престола. Потом, когда иерей стал призывать Святого Духа на подлежащие Дары, тогда, чрез скважины церковных дверей, увидел я, как возблистал в алтаре свет, а от иконы Спасителя излетел белый голубь и, полетав окрест иконостаса, влетел в алтарь.

Наконец, Господь сподобил меня причаститься Христовых Таин. Возрадовалась тогда душа моя о Господе, и радость моя усугубилась еще оттого, что день этот был праздников праздник - день Светлого Христова Воскресения. Вспоминая, сколько времени блуждал я вне Православной Церкви и лишился толикой святости до престарелых лет, я приносил Богу глубокое раскаяние и обязал себя долго, долго пред Ним каяться. Прошу и вас, любимцы мои, помолиться обо мне, по заповеди Господней, возвещенной Апостолом: *Молитесь друг за друга, яко да исцелеете* (Иак. 5, 16), - дабы, по вашим святым молитвам, услышано было покаяние мое и милосердием Господним изглажено было неисчетное множество грехов моих.

Не подумайте, любимцы мои, будто, возвещая вам теперь о бывших мне откровениях и о дивных видениях, коих сподобил меня Господь, я делаю это из тщеславия или ради похвалы. Нет! Я верую, что все происшедшее со мною и самое обращение мое из раскола в Православие - все это плод не моих грешных молитв: нет, это плод святых молитв святителя Божия. Поэтому не крайнее ли безумие было бы с моей стороны на малое время искать себе похвалы от других и навеки за то быть отверженным от лица Господня? Напротив, истину говорю: лучше мне скрыться под землю, чем слышать о себе человеческую похвалу - так ненавистна мне она! Если же я решился сообщить на письме о всем случившемся со мною, то это сделал не по своей воле, а ради святого послушания, какое обязан я оказать отцу игумену Назарию, и ради многих братии моих, блуждающих и доселе в расколе...

Вскоре после того, как приобщился я Святых и Страшных Христовых Таин, призвал меня к себе высокопреосвященный митрополит Гавриил и спросил:

- Какое имеешь ты намерение - дома ли жить или в какой-нибудь святой обители?

Я ответил ему:

- Возвратиться домой нет у меня желания; мое истинное теперь желание - поступить в Валаамский монастырь и облечься там в монашеский образ, ибо слышал я, тамошние иноки имеют житие богоугодное.

Владыка изъявил на то свое согласие, и я отправлен был в Валаамскую обитель, где и поныне жительствую и где пострижен в монашество в первый год моего туда поступления.

Кстати, сообщу вам нечто и о том, какие средства употреблял Господь для удержания меня от осуждения ближних.

Однажды прибыли в обитель нашу по своим надобностям чухны, исповедающие веру лютеранскую. Ненастная погода задержала их здесь, а хлебом они были небогаты. Вот и пришли они к настоятелю монастыря с просьбою ссудить их нужным количеством хлеба на то время, пока не прекратится противный ветер. Настоятель не только не отказал им в просьбе, но даже приказал их кормить на братской трапезе. Надобно же было случиться,

что в это самое время зашел и я в трапезу. Вхожу туда и вижу: маймисты сидят за столом и вкушают пищу из братской посуды. Признаюсь, не выдержал я: рассудок мой помрачился, и недуг раскольнический пробудился во мне снова. Мысленно я начал роптать на настоятеля за то, что он дозволил кормить из братской посуды маймистов, - людей, которые отвергают Православную веру. Я решился идти к настоятелю и горячо поговорить с ним, зачем он так делает; но потом раздумал: зачем же мне идти? Ведь я пришел сюда не закон уставлять, а покоряться повелениям других. Да и кто послушает меня?.. С этими скорбными мыслями пошел я в свою келью и пробыл там до вечера. Когда же ударили в колокол к вечерне, я пошел в церковь, не очистив наперед совести своей покаянием в осуждении маймистов и в ропоте на настоятеля обители. Что же? Как Господь судил привести меня к истинному сознанию моего согрешения?.. Прошу не соблазниться, любимцы мои, тем, что хочу написать здесь для вашей пользы... Когда вошел я в храм Божиий, мое обоняние сильно поражено было самым смрадным зловонием. Я стал осматривать кругом себя, полагая, что пристала зловонная нечистота к моей одежде, но ничего подобного не заметил. "Лучше будет, - подумал я, - когда уйду отсюда, да не соблазню братию; ибо если сам от себя не могу терпеть смрада, то как же могут терпеть это другие?" С этими мыслями я и удалился из церкви в свою келью, где уже не чувствовал зловония. Переночевав в келье, пошел я в положенное время в церковь к утрени. В церкви опять почувствовал прежний смрад. Эти два случая сильно опечалили меня, тем более что я никак не мог понять, что это значит. "Пойду еще к обедне, - думал я сам с собою, - и если братия почувствует тот же смрад и велит мне выйти из храма, я без прекословия выйду; а если промолчат, буду стоять и ожидать, что последует дальше". Пред тем, как надобно было идти в церковь, обратился я с молитвою ко Всевышнему:

- Господи! - взывал я. - Открой мне, чем я согрешил пред Тобою, дабы мог я покаяться.

После молитвы пошел я в церковь для слушания св. Литургии; но лишь только вошел туда, опять поразил меня прежний смрад. Грустно стало мне. Стою я и каюсь в согрешениях своих. Когда иерей начал читать молитву: "Благословляяй благословящие Тя, Господи", - в это время слышу в сердце моем таинственный голос:

- Как же ты не помнишь согрешения своего? Не ты ли вчера осуждал и уничижал маймистов и настоятеля, роптал и скорбел? Того ради благодатью Своею Бог и отвращается от тебя.

Узнав, чем именно подвигнул я милосердного Бога на гнев против себя, я после обедни поспешил к настоятелю обители, отцу игумену Назарию и, пав к ногам его, поведал ему мой грех и просил у него со слезами прощения. Выслушав исповедь мою, отец Назарий с любовью простил меня во всем, но при этом подтвердил блюстись на будущее время от подобного греха.

- Аще потеряешь благодать, - говорил он мне, - то нескоро обрящешь ее потом.

Много и еще говорил он в назидание мое: как, например, обращаться с братией и как хранить иноческие обеты.

После принесенного мною покаяния я хотя более не чувствовал смрада в церкви во время Божественных служб, однако ж Господь не удостоивал меня несколько времени и тех благодатных ощущений, которых раньше сподоблялся я, многогрешный, во время совершения Божественной Литургии. Глубоко чувствовал я эту потерю и беспрестанно повторял: "Согрешил, Господи, прогневал благодать Твою".

Но прошло с месяц, и Господь снова умилосердился надо мною. Стоя за Божественною Литургиею со вниманием и страхом, я, во время призывания иереем Святого Духа, ощущаю, как и прежде, чудное благоухание, исходящее из алтаря от св. престола, - и душа моя чувствует такую радость, какой и описать нельзя; могу только сказать, что если бы кто в это время показал мне горы золота и обещал дать их в собственность, я отверг бы предложение, даже не взглянул бы на эти горы...

По неисповедимым судьбам Божиим и по моим грехам в настоящее время благодать Господа скрылась от меня. Я сетую об этом, чувствую свою греховность, но не отчаиваюсь в милосердии Господнем; только дай нам, Господи, быть при святой матери нашей Церкви, о грехах своих покаяние приносить, милость Божию и прощение грехов получить и Единого в Троице Бога хвалить. Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Повторяю вам, любимцы мои: все то, что только сообщил я вам здесь, - все это сущая правда.

С Божиею помощью и по молитвам отца игумена Назария, я, неразумный, написал сие сказание для того, чтобы люди, погруженные, как и я прежде, во тьму заблуждения раскольнического, познали мать свою. Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Если кто в подкрепление сказанного мною присоединит и от себя что-либо во пользу Православной Церкви и к прославлению имени Божия, - то порадуюсь и я и Бога хвалить не престану. Если же кто извлечет что-либо полезное во спасение души своей из написанного здесь мною, то да помолится и о мне, грешном, дабы чрез молитвы его получить мне во грехах моих прощение как в сем веке, так и в будущем.

В незабвенную память благодеяний Божиих, оказанных многогрешному, написал я собственною моею рукою об обращении моем из пагубного заблуждения раскольнического ко Святой, Соборной и Апостольской Церкви, в 7291 году от создания мира, а от Рождества Христова в 1783 году, в исходе месяца июня и в начале июля. Благодарение приношу Богу и должен всегда приносить Ему, что не попустил Он сатане поглотить душу мою за беззакония мои и свести ее во ад. Многогрешный и убогий монах Киприан".

* * *

На подлинной рукописи - две надписи, разными руками написанные старинным почерком:

1 надпись

"Оный монах Киприан пострижен в схиму был в 1796 году, и наречено имя ему - схимонах Кириак, а в 1798 г., мая 20 числа, в четверток после полудня преставился".

2 надпись

"А пред смертью, вставши, сел и попросил воды испить, и испивши так с ложечку и с час времени полежавши, паки вставши, сел и сказал сии слова: "Теперь слава Тебе, Господи!" - и с сими словами предал дух Богу и главу опустил вниз.

Вечная память достопамятному брату нашему, схимонаху Кириаку. Бог да ублажит его и упокоит, и нас помилует, яко благ и человеколюбец. Аминь".

"Сие написано в Валаамском монастыре, в незабвенную последующим родом память".

Еще приписано:

"Тетрадь преподобного отца схимонаха Кириа-кадана, по преставлении, монаху Иоанникию".

9 августа

Видно, положено быть сему в юдоли этой, где духовное, душевное и плотское так сплетены тесно между собою, что и разделить их невозможно, пока не явится великая разделительница - смерть: так вот и мне, убогому монаху, под числом этим приходится отметить не то, что духа, а то, что - плоти. От дождливой погоды появилось изобилие всякого рода грибов: братия всякий день набирала их помногу на трапезу. Находили грибы из породы белых, называемых "боровики", необыкновенной величины: на верхней шляпке в одну поперечную линию по две и по три четверти аршина. Один из таких грибов в две четверти поперек шляпки, совершенно свежий и крепкий, стоял на столе в трапезной, как исполин. Весом он оказался 4 1/4 фунта.

13 августа

Понедельник. Утром в 6 часов скончался на конном дворе рабочий, крестьянин помещика Кашкина, Михаил. В 1855 году летом он поступил в монастырь наш в число наемных рабочих. Раньше он много раз за поступки свои подпадал под наказания в полиции. Господин его настаивал, чтобы сослать его на поселение, но крестьянин этот убедил отца архимандрита Моисея освободить его от суда, обещаясь при старости покаяться. На просьбу отца архимандрита г. Кашкин изволил отпустить Михаила в обитель. Михаил жил на конном дворе скромно, заболел в начале августа, приобщен Святых Таин и умер в надежде милосердия Божия.

Так в тишине и тайне монастырской святыни управляют в Царство Небесное грешные души человеческие.

1857 ГОД

Отцом игуменом Антонием получено было на этих днях письмо от присной ему духовной дочки, монахини Нектарии. В утверждение немощной веры моей и на молитвенную память об этой рабе Божией хочу я это письмо выписать себе в назидание.

"Ваше высокопреподобие, всечестнейший отец игумен! - так пишет монахиня Нектария. - Письмецо ваше, писанное в прошлом году, я получила в новом. С наступившим венцом благости Господней, с новым годом, поздравить мне вас благословила матушка игуменья и от нее. Она благодарит вас за память вашу и впредь просит не забывать вашими святыми молитвами.

На письме вашем адрес, вместо Нектарии вы написали - Марии; но Великосельцева одна: матушка прямо мне и прислала. Суеверия не имею, кажется, а подумалось: что это батюшка меня переименовал? Не изгладится ли имя Нектарии из книги живых? Буди воля Божия.

Час от часу хуже живется. Только читаю с большою радостью ваши назидательные письма и каждую строку применяю к себе, где есть что-нибудь доброе. Нет у меня ни поста особенного, ни молитвы, ни правила; часто и малым правилом сплошь остаюсь в долгу: слава Богу, погордиться нечем. Не знаю: больна ли я, или ленива? Точно против воды плыву; только в церкви мне, ровно, посвободнее, и хожу полегче, а внутренне-то все сплю; и, будто, так и быть должно. Большое будет мне, батюшка, горе за лень и нерадение.

Перечитываю ваши письма, но в одном, простите, что-то не совсем схожуся с вами: вы как-то точно не одобряете порядка нашей проскомидии - замечаете, что она слишком большая: сотни помянников, тысячи имен, токотню наших сестер, груды частиц... Это справедливо. Но возьмите во внимание просьбы просящих донести до жертвенника их помяннички (это святое послушание исполняет многогрешная Нектария) - тут что делать? Несколько рук пихают просфоры и говорят в одно и то же время по несколько имен; а как просят-то! "Ради Бога, матушка, не забудь того и того!" А памятцов накладывают столько, что войду в алтарь, и положить нельзя - целая ноша! Да и не забыть нельзя. "Ну, - говоришь себе, - Ангел Господень, донеси их усердие!" - как же тут быть, батюшка, моей пребестолковости?..

Боюсь, батюшка, писать, да давно хочу у вас спросить: так ли, по пути ли мои мысли? Агнец на дискосе - это младенец Вифлеемский; частицы - мы, сухое сенцо. Придет весна вечная: оживотвори мся все заслугами Богочеловека: кто - цвет, кто - маленький цветочек или листочек; а иной - большой стебель... Господи! Хоть бы самой-то маленькой былиночкой воскреснуть! Сено-то сухое вспыхнет зараз... Ах, как страшно-то будет!.. Я во сне немножко видела это давно. Если помнить этот страх всегда, так надо зарыться в пещеру. Или, видно, по грехам моим не дает Господь мне этой памяти!..

Вы помните ли, батюшка, у нас в Горицах празднуют Смоленской Царице Небесной? Большое бывает стечение народу; и вот тут-то проскомидия, сказать, что большая. Другой год тому назад, пришлось мне стоять, по тесноте в церкви, у самых пономарских врат. Смотрю, недостойная: как поставили священнослужители Дары на престол, вижу - над дискосом, поверх звездицы - дымок, или пар тонкий.

"Откуда это?" - думаю. Смотрю в сторону, в другую: неоткуда этому быть, а дымок стоит. Только вдруг в чаше-то точно что закипело, и вино в чаше поднялось кверху и покропило над звездицею. Вдруг прежний маленький дымок вспыхнул, как пламя; по частицам на дискосе запылало, а вино обратно вернулось в потир. Я со страху к земле припала и только говорю: "Боже, милостив буди мне грешной!" и "Господи, помилуй!.." Что пели и читали, я не слыхала в ту минуту: видела только пламя - не пламя, такое прозрачное... Недостойна я видеть благодать, поядающую грехи наши...

Поднялась с земли; двери пономарские уже закрыты; а на них написан Архангел Михаил с пламенным мечом. Я обрадовалась тому, что он между мною, грешницей, и алтарем предстал... Вы, батюшка, приносите Бескровную Жертву: помяните убогую Нектарию, вашу племянницу горицкую.

Вот и еще недоумение: имела глупость положить обещание в первый год моей жизни в монастыре съездить в Тихвин и не знала, что это не должно. Матушка схимница Маврикия тогда мне говорила, что она будет просить матушку игумению, чтобы отпустила. После десяти лет я просилась у матушки игумений Арсении; но она сказала, что берет мое обещание на себя, и не отпустила. А я и рада была. Теперь же что-то прихожу часто к

мысли: ну, а если я не выполню, умру? Не спутать бы мне души своей этим?.. Что вы, батюшка, на это мне скажете? Боюсь и мыслью надолго выйти из обители, также беспокоить и матушку, всечестнейшую игумению Филарету. Я так привыкла к доброй своей матушке: всякий день меня перекрестит; поцелую ее ручку - и весело мне, и радостно! Дай ей. Господи, пожить подольше! Дай, Господи, и вам батюшка, терпения побольше читать бестолковые строки! Я верю, что вы поймете меня. Осените вашим всемогущим благословением пустую голову многогрешной Нектарии".

Простое и в подлиннике малограмотное письмо это поразило меня. Какая простота, какая любовь, какая вера! Какое, наконец, оправдание веры! Не говоря уже о важнейшем в этом письме откровении чудесного видения, которое могло быть дано только истинно облагодатствованной душе, - что за дивное смирение, что за чистота сердечная сквозят и дышат в каждой строчке, в каждом слове этого послания окормляемой к своему духовному руководителю и старцу! Подумать только: "обрадовалась" тому, что Архангел Михаил своим изображением на закрытых пономарских (северных) вратах закрыл от ее "недостойных", но удостоенных очей видение страшной Тайны - это ли не глубочайшее смирение детски-чистого сердца?.. А эта картинка сокровенных недр монастырской жизни, монашеской любви, незримой, да и непонятной миру: матушка игумения Филарета крестит ежедневно, как дочку, свою послушницу; послушница целует, как у родной, любимой матери, ручку, и над всей этой чистейшей любовью - веселье и радость, как хрусталь, прозрачной и светлой души!.. Как же не зреть таким Бога и всей Его присносушной светлейшей славы и в сем еще веке, и в будущем!.. Внимай, монах, внимай, благоговей и поучайся!

* * *

Чем еще помянуть мне, убогому и нерадивому монаху, наступившее новолетие? Не памятью ли о том, что моя временная жизнь на земле дана мне в залог ином, лучшей, вечной жизни, к которой переход - великое таинство смерти?.. В рукописях наших я нашел завещание московского митрополита Платона: да будет оно мне в память неизбежности исхода грешной души моей из грешного тела и в воспоминание о великих добродетелях почившего великого иерарха Российской Церкви. Вот это завещание:

"Господи Боже мой! Ты создал мя еси, якоже и все твари, даровав душу бессмертную и соединив оную с телом смертным и тленным.

Сей состав должен в свое время разрушиться, всем бо детям Адамовым предлежит единою умрети, потом же суд.

Достигши далее семидесяти лет, болезнями удручаемый и разными искушениями ослабляемый, жду сего страшного, но вкупе и вожделенного часа, ибо и малый, и здравый не весть, егда Господь приидет.

Яко уже наступившу сему часу и оглашающую уши моя сему судеб твоих гласу, исповедаюся Тебе, Господи, всем сердцем моим и -

Благодарю тя, яко просветил еси мя светом Евангелия Твоего.

Благодарю Тя, яко отродил мя еси новым таинственным рождением во усыновление Христом Твоим.

Благодарю Тя, яко восприял мя еси в сообщении Крове искупления чрез Христа Твоего.

Благодарю Тя, яко удостоил еси быти мне хотя малейшим членом святейшего тела Церкви Христа Твоего.

Благодарю Тя, яко благоволил еси быти мне в причте владычного дома Твоего - Церкви Твоея и, хотя сосуд есмь скудельный, но не возгнушался в священном и царском доме Твоем.

Благодарю Тя, яко во многих моих делах к назиданию премудрого строения Церкви Твоея во благий успех содействовать и благодатию спомоществовать благоволил еси.

Благодарю Тя, яко во многом мое нерадение многих благих дел чрез злыя намерения превращение прикрывал Ты долготерпением Своим.

Благодарю Тя, яко Ты, Господи, щедрый и милостивый, долготерпеливый и истинный, не по многим моим и скверным беззакониям сотворил еси мне, и не по тяжким грехам моим воздал еси мне, вдыхая ко обращению моему чувство обличения и раскаяния.

Благодарю Тя, яко во многих моих искушениях и напастях, праведно на меня ниспосланных, не попустил Ты мне впасть в уныние и отчаяние, но подкреплял Ты мя силою свыше, по мере веры моей, яже есть дар Твой.

Благодарю Тя за многие дары Твои и по телу, и по душе, коими злоупотребляя, являл я безумие мое и неблагодарность; аще же кое благое их употребление принесло какой-либо плод, буди Тебе Единому благодарение, честь и слава.

Благодарю Тя, яко в надежде милосердия Твоего даровал Ты мне таинство покаяния, паче же - бесценныя заслуги и Святейшую Жертву Тела и Крови Христа Твоего, Искупителя моего, Ходатая моего, великого и вечного Архиерея, Сего небесного и святейшего Жреца, единожды на Кресте Себе за мя принесшего и во веки освятити мя могущего.

Приими, Господи, сие мое сердечное исповедание.

Прости мои грехи и прикрой их честною ризою Христа Твоего. Даруй воспети со всеми святыми: *блажен и, ихже оставишася беззакония и ихже прикрывашася греси. Блажен муж, ему же не вменит Господь греха.*

Благослови, Господи, Православную Церковь Российскую и утверди оную в вере и благочестии во веки непоколебиму.

Благослови, Господи, всех благодетельствовавших и доброжелательствовавших мне в пути жизни моя и милостиво воспринми на Ся долг моего им обязательства к воздаянию.

Прости, Господи, и всем чем-либо меня или по неведению, или по общей слабости оскорбившим и обидевшим: и я их прощаю пред лицом Твоим.

А паче прости, Господи, мне, многих по неведению или по действию страсти оскорбившему и обидевшему, и расположи их, да, простив мя от сердца, помолятся о мне лицу Твоему.

Прошу и молю всю Церковь Святую, да пред священным жертвенником приносимой таинственно духовной, умиловительной Жертвы Христовой и о мне, грешном Платоне, пролиют богоугодные молитвы во отраду душе моей.

Земле! Разверзи свои недра и приими от тебя взятое.

Господи! Приими дух мой. Господи, в руце Твои предаю дух мой!

Вем, Емуже и веролах, и извещен есмь, яко силен залог мой сохранит в день он".

На подлинном: "Писах своею рукою многогрешный митрополит Платон. 1801 года, февраля 20 дня.

Прошу сие завещание прочесть в Церкви при погребении, по прочтении Евангелия, пред молитвою разрешительною".

20 января

Воскресенье. К сожалению всей о Христе братии, о. архимандрит Моисей не служил по болезни ног: в левой его ноге раны открылись до изнеможения. Инок Дорофей "крепкого жития", видимо, еще соблюдается Господом в лице нашего отца архимандрита и достославного брата его по плоти и по духу, отца игумена Антония, и им подобных, втайне работающих Господеви. Мир не знает их и знать не хочет. Мы, монахи, недостойные спутники их на пути к царству незаходимого Света, и мы даже редко удостоиваемся узнать при жизни их, какая умиловительная за грехи мира жертва приносится Богу их сокровенными подвигами: бдением, лощением, молитвенным стоянием, слезами - всем бесконечным, как душа человеческая, внутренним подвигом монашеским, отражающимся в подвигах и внешних. Раны на ноге отца архимандрита Моисея открылись и помешали ему служить Божественную Литургию. А как приобретены были им эти раны? Когда отец архимандрит и брат его о. игумен Антоний, оставив ради Христа вся красная мира, удалились на пустынножителство во глухие, едва проходимые леса Рославльского уезда Смоленской губернии, то к подвигу молитвенному они приложили и богоугодное рукоделие переписки книг священных: богослужебных, житий святых и великих учителей монашества, древних аскетов. Время, положенное для молитвы, они проводили **стоя; стоя** же занимались они и своим рукоделием из чувства благоговения к тем великим и славным, чьи письменные труды они переписывали для своего келейного употребления. Отсюда - мучительные раны на ногах у обоих братьев. Никому бы из нас, даже приближенных, это не было бы известно, если бы Господь не прославлял прославляющих Его для назидания нашего и укрепления в вере и подвигах.

Когда о. игумен Антоний начальствовал в новоустроенном скиту нашей обители, то в числе скитской братии был один инок доброй нравственности, но страдавший недугом пристрастия к излишнему ночному отдохновению, почему частенько и не являлся к утреннему братскому пению. В скиту утренняя, как и у нас в монастыре, поется в час или два пополудни. С течением времени обычай этот так укоренился в иноке, что он и вовсе перестал подниматься к утрени. В то же время и у отца скитона начальника, игумена Антония, болезнь ног усилилась в такой степени, что он не мог обуть сапоги и потому тоже перестал ходить к общим службам, исполняя правило у себя в келье. Показалось ли это нашему иноку оправданием своего нерадения или уже вражий наветы тому были причиной - кто знает, но только в своем нерадении он стал упорствовать так, что когда будильщик приходил его звать к утрени именем отца игумена, то он и на такое приглашение не захотел отзываться. Доведено это было до сведения о. Антония, который, конечно, не замедлил позвать к себе неисправного инока.

- Ты что же это опускаешь ходить к утрени? - спросил его скитона начальник.

- Простите, батюшка. Бога ради, немощь мою, - отвечал инок, - но, истинно говорю, не

могу так рано подниматься. Все исполняю, во всем прилагаю старание быть исправным, но это сверх сил моих. Да будет ли еще угодно Богу, если, повинувшись вам, я понесу непосильное послушание это с ропотом, а, понесши его, уже на целый затем день ник чему не буду способен?

Со всею любовью и силою убеждения о. Антоний увещевал упорствующего брата, просил, молил, доказывал, что непослушание в одном делает ничтожным все исправное в остальном; но инок наш не поддавался убеждениям - хоть уходи совсем вон из скита. Чем же вразумил его отец игумен? Будильщик продолжал ходить будить, инок продолжал просыпаться утреню, пока не совершилось нечто, что сломало-таки упорство ожесточившегося сердца. Отошла раз скитская утреня; на ней присутствовал сам о. игумен. Кончилась служба; вышла из храма братия, и после всех вышел и игумен; но не в келью свою пошел он, а прямо направился в келью того инока. Подошел он к двери, помолитвился, вошел в келью. Инок, увидевши своего скитона начальника, вскочил с ложа испуганный, а о. Антоний, как был в мантии, так и упал ему в ноги.

- Брате мой, брате мой погибающий! Я за тебя, за душу твою обязан дать ответ пред Господом: ты не пошел на святое послушание - пошел я за тебя. Умилосердись, брате мой, и над собой, и надо мной, грешным!

Сам говорит у ног своего послушника, сам плачет, а под мантией его - целая лужа крови: набралась в сапоги из открытых ран на ногах от стояния кровь и при земном поклоне брату и вылилась, как из ушата. Так и спас великий немощного своего соратника.

Пока в духовных недрах России скрывается еще такая сила духа любви Христовой, жива еще и будешь жива, святая Родина моя! Помилуй, Господи, если сила эта оскудеет!..

Кто бог велий, яко Бог наш? Ты еси Бог, творяй чудеса!

Нашему старцу, отцу Макарию, когда он еще был иеромонахом Площанской пустыни, из Троице-Сергиевой Лавры прислано было следующее сообщение: "В Богородицкую Площанскую пустынь иеромонаху Макарию. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1823 года, генваря 30.

Исцеление девицы Екатерины Николаевны Грезенковой. С тем, чтобы для прочтения и пользы посылать и другим верующим

Сведение о сем исцелении заимствовано частию из сказания отца получившей исцеление, частию из очевидного свидетельства многих в Троице-Сергиевой Лавре. Симеона Столпника церкви священник Николай Феодоров также письменно засвидетельствовал как о необычной болезни девицы Грезенковой, так и о чудесном исцелении. Обстоятельнейшее же описание всего происшествия с подробным означением времени, когда что случилось, сделано родственником ея, титулярным советником Василием Добровольским, очевидным свидетелем бывшего и спутником болящей Грезенковой в Троице-Сергиеву Лавру.

"Я долгом почел, - пишет он в своей записке, - записать для себя, что видел и что слышал от самой болящей".

Мы думаем, что не менее того есть долг сообщить сие и другим верующим в благодатное Провидение для утешения и назидания.

1821 года, марта 3 дня, девица Грезенкова ездила проститься с принявшею ее при рождении повивальною бабкою, которая в этот день скончалась. Возвратясь домой, Грезенкова почувствовала зубную боль, стрельбу в ушах, потом боль в правом боку и, наконец, подверглась судорогам и лому, вынуждавшим ее кричать день и ночь. Лечение производилось призванным врачом, но вместо помощи привело ее в великое расслабление. По времени приглашен был другой, но и этот не имел успеха. Накануне Светлого Христова Воскресения присоветовал он поставить больной в хрен ноги, но после этого у нее свело правую ногу к спине. Врач уверял, что это ничего не значит. Потом взят был и третий врач, который и обещал скорое выздоровление, но не видя облегчения, сам отказался, наконец, от пользования.

Екатерина Николаевна во время болезни своей неоднократно видела во сне Преподобного Сергия, который приказывал ей сказать отцу ее, чтобы ехал с ней "к Троице". Преподобный сказал ей так:

- Ты будешь здорова, только не скоро: иначе скоро забудешь!

Но родители ее, почитая эти сновидения обыкновенным действием воображения и болезненного состояния, хотя и собирались ехать в Лавру для утешения страждущей, но с отъездом медлили.

Однажды ночью, когда Екатерина Николаевна спала, бывшие при ней девицы увидели, что она вдруг повернулась, вскрикнула, протянула сведенную ногу и уперлась ею в грудь одной из них. Через несколько времени ногу опять начало сводить, и когда хотели удержать ее, больная не велела трогать. Было это ночью. Поутру спросили ее: не видела ли чего во сне? Тогда она рассказала следующее:

- Видела я, что пришел преподобный Сергий с Божиею Матерью, и оба, наложив на ногу руки, сказали: "Теперь поверят!" Божия Мать сказала еще: "Жаль - давно ты страдаешь. Поезжай - он исцелит тебя".

Но как выпрямилась нога, больная не чувствовала и не помнила даже, что не велела удерживать, когда ее опять стало сводить.

После этого, конечно, неверие уступило место вере, и решено было собираться в Лавру.

Между тем Преподобный еще виделся ей и приказал на дорогу исповедаться и приобщиться Святых Христовых Таин. В ночи же пред тем днем, в который ей надлежало исповедаться и приобщиться, она опять видела во сне Божию Мать и Преподобного, который пришел со Св. Дарами, чтобы приобщить ее. Она сказала, что ее будут завтра исповедовать и приобщать, но Преподобный ответил:

- Нет нужды: то будет завтра, а я теперь приобщу тебя.

Когда же Преподобный приобщил ее, то Божия Мать отерла уста ее пеленою. Потом вновь Мать Божия повелела ей ехать, говоря:

- Поезжай! И если дорогой тебе будет хуже, не отчаивайся: мы будем с тобою всю дорогу.

Наконец, 12 мая Грезенковы отправились в путь, и, по чрезвычайной слабости больной, на переезд шестидесяти с небольшим верст потребовалось им четыре дня.

16 мая, к вечеру, приехали они в Троице-Сергиевский Посад и, когда под стенами Лавры

остановились, чтобы найти удобную квартиру, больная очнулась и, услышав, что приехали, перекрестилась, и слезы радости полились из глаз ее.

18 мая больную на доске и на перине внесли в соборную церковь и положили на правой стороне у правого клироса, против самой раки Преподобного. До начала Литургии, по желанию больной, она исповедовалась у иеромонаха Гавриила при гробе Преподобного. К выносу Св. Даров ее принесли для принятия Тела и Крови Христовых, а потом перенесли на прежнее место.

По окончании Литургии и соборного молебна, когда народ приложился к мощам Преподобного, больная принесена была ближе к раке и для Грезенковых начали служить частный молебен. В это самое время у больной начались сильные судорожные движения.

- Она схватила мою руку, - говорит г. Добровольский, - и приложила к своему сердцу, которое билось так, как будто бы хотело вырваться из нее.

Нога больной в то же время стала выпрямляться и, когда окончился молебен, была уже совсем выпрямлена. Больная несколько раз крестилась, а присутствовавшие за этим молебном, видя явление Божией милости, молились со слезами, и многие стояли на коленях. По окончании молебна больную приложили к мощам.

С прямой ногой привезли ее на квартиру; но, часа два спустя, ногу опять начало сводить, и к другому утру она была сведена по-прежнему.

21 мая, в день празднования Божией Матери в честь Ее Владимирской иконы, больная привезена была опять в собор и поставлена на прежнем месте. И опять во время молебна, после Литургии, нога стала выпрямляться и выпрямилась совсем, с тою только разницею, что судорожные движения не были так сильны, и сердце, хотя и необыкновенно, билось меньше прежнего. После молебна, как и в первый раз, приложили больную к мощам Преподобного и привезли домой с прямой ногой. Но через несколько времени ее начало сводить опять.

22 мая, также во время молебна у гроба Преподобного, нога вновь выпрямилась, но уже без судорожных движений. По возвращении же больной домой ногу опять свело и, кроме того, свело пальцы левой руки.

29 мая, в Троицын день, во время молебна, нога выпрямилась и, когда стали прикладывать больную к мощам Преподобного, рука ее коснулась одежд, покрывавших св. мощи, выпрямились и сведенные пальцы левой руки. Возвратившись домой, она рассказывала, что в то время она чувствовала, как будто ее кто ударил по руке. После этого руку уже более не сводило.

30 мая, в день Сошествия Св. Духа, 31 мая, 3 июня, 4, 5, 6 и 8 того же месяца всякий раз при гробе Преподобного, во время молебна Угоднику Божию, нога выпрямлялась; при этом необходимо заметить, что уже со второго раза ее сводило раз от разу все менее, и, наконец, 8 июня нога как выпрямилась, так и осталась прямою.

Во все время пребывания больной в Лавре лекарств она не употребляла, кроме масла из лампы Преподобного. В то же самое время не принимала она также и никакой пищи, отчего пришла в такое расслабление, что в конце июня у нее закрылись глаза и голос ослабел до того, что она сделалась как бы немой.

По исцелении ноги ее и пальцев руки больная знаками давала понять родителям, что

должно ехать в Москву и быть пока довольными. Этим она как будто внушала им, что еще не пришло время окончательного ее исцеления.

24 июня больную привезли в Москву с закрытыми глазами, без употребления языка, но с прямой ногой и здоровой рукой.

В таком состоянии она пробыла до 24 ноября, то есть до дня своего Ангела. В этот день, когда пришел священник приобщить ее Св. Тайн, она вдруг открыла глаза.

Наконец, 1822 года, в день Светлого Христова Воскресения, Спаситель мира, по молитвам Угодника Своего, благоволил довершить милосердие Свое над страдальцею. Когда отец ее возвратился домой от Светлой заутрени, подошел к ней с пасхальным приветствием и сказал:

- Христос воскрес, дочка! - уста больной разрешились, и первое слово ее было:

- Воистину воскрес!

После этих слов больная попросила дать ей палку, с ее помощью встала с постели, стала с тех пор укрепляться, а ныне окончательно здорова.

На документе этом отметка: "Получено из Синода 30 декабря 1822 года".

* * *

О, Пасха велия и таинственная, Христе! Какое море бездонное чудес творишь Ты, Жизнодавче, Воскресением Твоим! Самому миру не вместить написанных о них книг: истинно, источник Ты, Владыко, всяких сокровищ, приснонеоскудевающий и приснотекущий!

В день Христова Воскресения 1822 года довершено было на Москве чудо исцеления девицы Грезенковой, а годом раньше, в апреле 1821 года, священник Нижегородского Благовещенского собора о. Павел Иванов донес своему епархиальному архиерею, епископу Нижегородскому и Арзамасскому Моисею, следующее:

"В приходе моем, в доме титулярного советника Кесария Андреева Гулимова, случилось следующее происшествие, по важности своей заслуживающее внимания всех благомыслящих людей, а именно: сестра оното Гулимова, девица Ирина Андреева, имеющая от роду 35 лет, сделалась больна и лишилась зрения, слуха, языка и движения, так что не могла ничего ни видеть, ни слышать, ни ходить и в таком состоянии находилась на одре болезни до истечения прошедшей Святой Четырнадцатницы сего 1821 года. Ныне же получила исцеление скорое, без всякой постепенности.

Пред праздником Воскресения Христова она видела себя во сне, как сама мне о сем потом пересказывала, в великолепном храме Господнем, красота коего превышала всякое описание. В этом храме она узрела некоего светоносного Мужа, облеченного в золотую одежду, окруженного парящими Ангелами и в деснице Своей держащего знамение нашего спасения - спасительный крест. Муж этот велел ей к Себе приблизиться. Она содрогнулась пред Его величием. Он вторично ей повелел то же, и она со страхом приблизилась к Сему блаженному Мужу, пала к Его стопам, и в то время как она поверглась пред Ним, она усмотрела на ногах Его по одной глубокой ране, равно и на руках Его после сего увидела таковые же раны. Муж Сей благословил ее и дал ей облобызать спасительный крест, сказав благосклоннейше:

- Страдания твои кончились, и ты в день Воскресения Моего будешь здрава.

И действительно, слова сии оправдались самым событием: воссиявшее от гроба Солнце правды озарило оную страдальницу лучом милосердия Своего и просветило тьму ее в самый радостнейший Воскресения день, спустя несколько времени после Литургии, когда страдающая вдруг почувствовала в себе необыкновенную перемену: легкость в ногах, облегчение в голове; глаза открылись, язык стал говорить, хотя и не очень явственно, ибо она от природы была косноязычна; слух ее сделался способным к слышанию: словом, в одну минуту она стала здорова. В неизреченной радости она встала с болезненного одра своего, вышла в другую комнату и, подойдя к зеркалу, рассматривала себя, как бы после глубокого сна.

- Ах! - воскликнула она. - Как я сделалась стара, худа, сама на себя не похожа.

Мать ее, Евдокия Родионовна, видя дочь свою, которой она служила около четырех лет в болезни, не имея никакой надежды на выздоровление, была в недоумении и едва могла придти в состояние спросить ее:

- Иль ты видишь, дочка?

- Вижу, матушка! - отвечала она.

- И ходить можешь?

- Могу свободно.

Явление то поразило все семейство удивлением и неописанного радостию. Все проливали слезы, принося хвалу и благодарение Всевышнему, творящему дивные чудеса.

Помянутый брат ее, г. Гулимов, бросаясь в объятия исцеленной сестры своей, говорил:

- Возможно ли тому быть, чтобы ты, сестра, когда-либо могла быть здорова? Ныне воскрес Спаситель мира и тебя утешил!

О сем достопримечательном происшествии в апреле я лично узнал от сего очастливленного дома и из уст исцелившейся девицы слышал величие Божие.

Почему долгом моим почел донести о сем Вашему Преосвященству, яко архипастырю моему, пекущемуся о распространении славы Господа нашего Иисуса Христа, с таковым к донесению моему дополнением, что она страдальца на другой день чудесного своего оздоровления поспешила в храм Архистратига Михаила для принесения Господу Богу живейшей благодарности.

О сем достопамятном происшествии было сего апреля 16 дня исследование как с духовной стороны, так и с гражданской при полицмейстере и двух частных, и все то найдено справедливейшим.

Сей список в Московский почтамт при рапорте прислан из Нижегородской почтовой конторы 23 апреля 1821 года".

Кто бог велий, яко Бог наш!..

8 апреля

Пополудни прибыла в обитель нашу Мария Ивановна Гоголь, мать покойного известнейшего писателя Николая Васильевича Гоголя. С Марией Ивановной был и внук ее, Николай. Она прожила у нас до 17 апреля.

Боже мой! До чего велико и страшно писательское призвание, тот божественный талант, который вручается Тобою Твоему избраннику не для самоуслаждения себялюбивой человеческой гордости, не для скорогиблющей земной славы, а для славы Святейшего имени Твоего, да святится оно в сердцах человеческих и да устроит в них Царствие Твое - Царство любви и благодарности к Тебе, к миру духовному и внешнему, премудростию Твоею созданному, любви и благоволения к венцу создания Твоего - к человеку, которого Ты малым чем умалил еси от Ангел, венчав его и честью, и славою, и за спасение которого Ты пролил Честнейшую Кровь Твою и на крест вознес Пречистое Тело Твое. Ты Бог-Слово, в Троице Пресвятой славимый, не на разрушение, а на созидание дал человеку Божественное слово Твое, освятил уста его Хлебом небесным, дающим жизнь миру, чтобы ни одно слово гнилое не изошло из уст освященных и не погубило ни одной души человеческой для блаженной вечности, ни одной словесной овцы Христовой не извело из ограды пажитей Господних. Привести и соблюсти Христу во всей полноте любви Его душу христианскую - вот единственная задача христианского писателя, вот истинное употребление доверенного ему таланта. Лукавое, оязычившееся время наше едва ли не навсегда утратило разумение смысла, значения и назначения писательского дара и, ублажая духовную гордость человеческого сердца писателя, отводит его с прямого, истинного пути и увлекает в бездну глубин сатанинских, из тьмы которых нет возврата к свету высоты небесной и тем более - пренебесной. Духом отрицания и сомнения дышат произведения новейших светских писателей, явной и тайной насмешкой проникнуты они, ядовито осмеивая не только то, что достойно, как слабость, сожаления и исправления, но и самую добродетель и святое святых сокровенной человеческой души. Кому, падши, поклоняются они?.. Гоголю со всей его чистой христианской душой, с сердцем, напоенным Христовой истиной, не удалось миновать общего течения взбаламученного житейского моря, и свой большой корабль он подчинил его силе и воле, думая совершить большое плавание и... разбил его со всеми доверившимися его наблюдению пассажирами об утес отрицания и сомнения. Талант, данный на созидание, обратился на разрушение: под жгучим ядом насмешки, обличения прожглось и провалилось рубище, прикрывавшее доселе наготу общества русского, а на соткание ему новой ни силы, ни разума, ни дарования не хватило у того "духа", который талантом Гоголя обливал все его произведения своим ядом. Исполнилось и на Гоголе Господнее слово: *без Мене не можете творити ничеоеже.*

Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи, и он ясно, лицом к лицу, увидел, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в ней уже погружены многие им, его дарованием, соблазненные люди, и что сам он стремится в ту же бездну, очертя свою бедную голову... Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя и с самим собою, и с тем внутренним его врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели? Но борьба эта для Гоголя была победоносна, и он, насмерть израненный боец, с честью вышел из нее в царство незаходимого Света, искупив свой грех покаянием, тесным соединением со спасающею Церковию.

Да упокоит душу его милосердый Господь в селениях праведных!

26 мая

Праздник св. Пятидесятницы. Утром, в половине четвертого часа, скончался в обители нашей Николай Александрович Щеголев. В черновиках моих я нашел отметку такого содержания: 1856 года, января 23. В одиннадцать часов утра из Малоархангельского уезда Орловской губернии привезено к нам в обитель тело умершей в 1855 году отроковицы Марии, дочери отставного поручика, Николая Александровича Щеголева, который сам сопровождал тело. Покойная отроковица была погребена в имении своего отца, но он, с дозволения Мин. Внут. Дел Ланского, перевез ее тело в нашу обитель с намерением, как вдовый и одинокий, остаться в Оптиной на всегдашнее жительство. Г. Щеголев - человек еще средних лет, не более 35 лет от роду, но страдает сильным ревматизмом, приключившимся с ним на военной службе во время сопровождения из Варшавы в Петербург Высоконареченной Невесты Цесаревича, ныне Императрицы, Марии Александровны.

То было в прошлом году в январе, а в нынешнем мае, сего числа, г. Щеголев, поселившийся, было, в нашей обители в качестве испытуемого, уже успел переселиться в обители вечные.

В немногом, что осталось после него в келье, была, между прочим, найдена собственноручная его рукопись, озаглавленная "биография моей жизни". Эта биография не лишена некоторой назидательности, и потому я даю ей место на страницах моего дневника.

"Судьбы Господни неисповедимы ко мне, недостойному. - Так пишется в этой рукописи. - Щедр Господь и многомилостив: не дал погибнуть и мне, окаянному, по Своему милосердию, но спас меня от гибели. Боже и Искупителю мой! Несколько раз в моей жизни защищал меня, многогрешного. Создатель мой невидимым Промыслом Своим.

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!

Я служил еще юнкером в 1837 году в драгунском Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полку. Был я на Царском смотре при городе Вознесенске Херсонской губернии. Покойный Император Николай Павлович, за четыре версты от Вознесенска сомкнул в колонну весь наш 24-х тысячный корпус и, как у нас была двойная служба - пешая и конная, то, чтобы поразить во славу русского воинства разных посланников, бывших при Государе, Государь скомандовал всему корпусу:

- С места: марш-марш!

Это означало: во весь опор сомкнутой колонной.

Мы не доскакали полуверсты до Вознесенска, как Государь скомандовал:

- Стой!

И две части людей спешил с лошадей; ружья с плеч долой; сомкнул пешие колонны в батальоны; со всего корпуса застрельщиков вперед: и штурмом брать Вознесенск холостыми зарядами.

Действительно, для иностранцев это была картина удивительная: в один момент явилась пехота, и началось примерное сражение.

Когда весь корпус несся во весь опор колонною, то от глубокого песку и пыли не видно было рядом человека, - все равно как бы горел губернский город. В это самое время, когда мы от места отскакали с версту, в первом эскадроне нашего первого полка, из первой шеренги под рядовым споткнулась лошадь, и он слетел долой; на скаку на него наткнулся рядовой второй шеренги и тоже слетел; потом второго эскадрона второй шеренги и задней шеренги на эту кучу наткнулись рядовые и попадали; потом третьего эскадрона обеих шеренг люди попадачи - человека четыре. Я был за этим эскадроном в замке за унтер-офицера. Подо мною была очень быстрая матка хорошей езды: она перескочила через кучу солдат. Я с нее слетел и очутился впереди всей кучи. Мне ободрало все лицо песком, и хлынула кровь; лошадь же моя, как и все, понеслась со своим эскадроном. Потом 5, 6 и 7 эскадрона люди натыкались на нас и слетали; и мне подковой проломило край кивера, оторвало саблю с кожаной портупеей, изогнуло саблю и, наконец, разорвало подковой на спине поперек куртку. Перед 8 эскадроном ветер повернул в другую сторону, и нашу кучу людей начали объезжать. В куче нашей четырех человек побито до смерти, некоторых изранило; меня же цирюльники подняли без чувств, обмыли мне лицо уксусом и вином, давали нюхать спирт; после этого я очнулся, подкрепил себя белым вином, и меня довели до лагерей на подводе.

Так неожиданно спас меня Творец мой небесный. Не готов еще я был, видно, для Его Царствия.

После свадьбы Наследника Цесаревича, Александра Николаевича, ныне Государя Императора, как он был шефом нашего полка, то три его полка - наш, гусарский и пехотный Бородинский - в начале апреля 1841 года вступили для церемониала в Москву на Царский смотр. От города Подольска до Москвы мы выступили в полной парадной форме. Я был офицером. За 12 верст от Москвы нас начал лудить дождь, как из ведра. Мои сапоги были почти полны воды, не говоря уже о белье, которое было все мокро. Когда мы в Москве подъехали к квартире, то мой человек и денщик едва сняли меня с лошади. Меня стала трепать лихорадка; сделался сильнейший жар и бред. Полтора дня меня пользовал полковой штаб-лекарь Афанасьев. Видя, что мне хуже, он отнесся к полковому командиру, генералу Левенцу, чтобы меня, как трудно больного, отправили на Гороховое поле в госпиталь. Отвезли меня туда на третий день моей болезни в хозяйской коляске. Ординатор Солнцев и дежурный доктор приказали мне поставить 60 пиявок, но ни одна не принялась. Потом поставили 50 банок на спину, иссекли всю спину, но ни капли крови не было. Обернули меня всего горчичниками - тоже пользы не было. В добавление мне давали разные микстуры и порошки, но я лежал, решительно как колода, до семи с лишком суток моей болезни. Наконец, увидали, что мне нет никакого спасения, и дали знать главному военному доктору, генералу Пеликану. Он немедленно приехал - награди его Господь Своими щедротами! - и говорит:

- Жаль молодого человека: жизни ему не более двух часов... Скорее испытать одно средство: велеть фельдшерам поставить ему в каждую ноздрю по пиявке.

И как только пиявки напились крови досыта и отвалились, я через десять минут после того мог говорить и сидеть. Когда выдавили пиявок, то крови моей нельзя было отличить от дегтя.

Опять милосердие Божие явно спасло мне жизнь. Опять я не был готов приобщиться к жизни вечной.

И был я после того женат, и имел пятерых детей. Четверо из них умерли при самом

рождении. Я просил Господа Бога с усердием, чтобы Он даровал мне живого ребенка в мое утешение, и был я обрадован Господом: у меня родилась дочь, Мария. Она так меня утешала; и я ее любил без души. Она тоже была очень смазливенький и востренький ребенок. Я отправился от радости в Киев поклониться Божиим угодникам и, по возвращении из Киева, подошедши к образу Спасителя, благодарил Его от искреннего сердца за Его милости и говорил Ему так:

- Но если Тебе, Создателю мой, угодно будет взять от меня мое утешение, и дочь умрет, то вот Тебе мое обещание: землю мою я продам в моем имении и выстрою храм во имя Ангела моей дочери и там ее похороню; людей всех отпущу на волю безденежно и дам им понемногу земли, а сам уйду в монастырь.

Так я молился; но пришло время, и я, вместо того стал усиленно заниматься сельским хозяйством и извлекать из него как можно больше доходов для того, чтобы сделать мою дочь богатой невестой: я изнурял своих крестьян работой, не обращая внимания на праздники, и все копил деньги, чтобы больше приобрести дочери. И все, что только я ни предпринимал, все мне удавалось.

Шести лет, шести месяцев и шести дней от роду дочь моя заболела и умерла.

На тот день, как ей умереть, она утром сказала мне:

- Я умру, но вы меня в деревне не хороните, сами тут жить не будете и уйдете в монастырь.

Этими словами она, как обухом, ударила меня по голове, ибо, не зная моих намерений, все в точности высказала.

В третий раз милосердная десница моего Владыки спасла меня от смерти, но на этот раз не телесной только, но и душевной: смерть моего невинного ребенка была за меня очистительной и умиловительной жертвой пред правосудием Судии нелицеприятного. Господь видел, что я был на краю ужасной гибели, и явил мне, непотребному. Свое милосердие, удостоив дарованием мне некоторого времени для покаяния..."

Эта рукопись найдена в переплетенной книжке, озаглавленной "Молитвенник Николай Щеголева".

В книжке той были еще две записи, начертанные рукою почившего.

Первая: "1856 года, 22 декабря, в два часа утра я видел сон: будто бы я в чьем-то доме целовал язвы Христа Спасителя с жадностью и просил Его сими словами:

- Искупителю мой, спаси меня от ада!

И услышал голос Его, громко мне сказавший:

- Молись, и искуплю!

Вскоре я проснулся, и на душе стало так приятно, так легко; и я от восхищения не знал, как благодарить Бога".

Вторая: "Надпись на камне или на чугунной доске на моей могиле:

В надежде воскресения, молю вас, отцы святии, братия и мимоходяшии, воззрите на прах непотребного раба Николая и помолитесь ко Всевышнему Премилосердному Богу и Пресвятой Владычице Богородице о оставлении моих прегрешений. Да помянет того Господь Бог во Царствии Своем, кто вспомнит меня, окаянного, в своих молитвах. Боже всещедрый, помяни во Царствии Твоем недостойного раба Твоего Николая".

Искренний и верный раб Бога Вышнего отозван был из мира сего в день Пресвятой Троицы: таков был дивный совет Превечного о рабе Своем Николае. Слава, Господи, смотрению Твоему и милосердию!

15 июля

Пополудни к нам прибыла Татьяна Борисовна Потемкина, известнейшая по благочестию восстановительница Святогорской обители.

Вот достойная представительница старинного русского дворянского духа. О, если бы с нее брали пример свой те родовитые, богатые и знатные дворянки наши, детям которых вручаются ветрила и руль государственного корабля нашего! Весь мир давно был бы у ног Христа, у ног твоих, святая Родина моя!.. Но, как бы в знамение времени, и самой Татьяне Борисовне не было дано благословения Божия на чадородие - она бездетна и со скорбью этою мирится, как истинная христианка.

20 июля

И грустно и смешно! Не без искушений внутри ограды монастырской проводят жизнь свою иноки. В монастырях общежительных, особенно там, где насаждено и процветает, как Божиею милостию у нас, старчество. Господь, попуская возникать искушениям, посылает и легкое их избытие: побежал к старцу, открыл ему свое сердце - глядишь, в келью-то вернулся и умиротворенный, и радостный. Там, где строго соблюдается устав общежительный и живет еще вера в старцев, там врагу спасения пожива плохая. Не то - в монастырях штатных. Как они, прости Господи, еще держатся!..

Одним из немалых искушений, входящих в общежитие наше братское отъинуду, является обычай у некоторых владык посылать к нам на исправление, "подначал", провинившихся мирских клириков и некоторых монахов из других не благоустроенных монастырей. Если "подначальные" принадлежат к разряду простецов, то горе еще не так велико, потому что в простоте сердечной, как бы ни пал человек, почти всегда тлеет искорка смирения, которая благодатию Божией может еще разгореться огнем покаяния; но вот горе - это когда падает человек, чем-либо огордившийся - положением ли, богатством ли, или, хуже всего, мнимую ученостию: такие - истинная язва для смиренных иноков общежития.

Сегодня выдался денек на славу, хотя, по народному поверью, на Пророка Божьего Илию и надлежало быть грозе. Стала загораться тихая, летняя, вечерняя теплая зорька. После вечерней трапезы и общего молитвенного правила кое-кто из стариков наших, убеленных сединами, умудренных опытом, вышли посидеть на крылечке братского корпуса, полюбоваться на потухающую зорьку, на загорающиеся в потемневшем небе звезды - Божьи очи. Повелась тихая беседа, а больше помалкивали, любуясь на дар Божий, на Божие несказанно прекрасное творение, наслаждаясь теплыню лета, ароматом благоухающей смолы Оптинских сосен, окружающих наше безмолвие. Вышел посидеть с ними и я.

- Ну, опять этот "ученый" к нам тащится! - с тихим неудовольствием шепнул чей-то негодующий голос.

- Наказание Божие для обители, а для молодежи нашей - соблазн! И чего это, прости Господи, к нам таких посылают?

Смотрю: к старичкам нашим подходит и не без развязности присаживается многоученый, но и многострастный академик - иерей из белого духовенства, запрещенный и присланный к нам на клиросное послушание впредь до исправления. Подошел, присел на свободное местечко и не без иронии обратился к нам с вопросом:

- О чем беседуете, отцы святые? О. П. ответил за всех: - На Божий дар любимемся, Богу нашему дивуемся!

- Ну, что ж, и это - добро! - в том же ироническом тоне продолжал академик, от которого не только на ближних, но и на дальних попахивало "влажгой веселящей". - Только, вижу я, не с той стороны вы к этому предмету подходите. Законопатили вас тут в четырех монастырских стенах, и сидите все на старых дрожжах да киснете, как тысячу лет назад кисли. А поглядеть бы вам да послушать, что теперь наука показывает да говорит, - то-то было бы для вас откровение...

И с этих слов, благо что никто не возражал, пустился тут академик толковать "Божий дар" наш по-ученому, а для Бога-то и самого маленького местечка не оставил. Все мироздание, казалось, разобрал: та-то звезда так-то называется и отстоит от земли на столько-то, а эта - так-то... Пошел толковать, как произошла земля, как родились туманности, созвездия, планеты, их спутники... От звезды и к человеку стал подбираться академик...

Слушали его, слушали старцы, а, может быть, не все и слушали; только о. П. не вытерпел:

- Дивлюсь я на тебя, брат! - говорит.

- А что? - приосанился муж ученый.

- Да вот премудрости твоей дивлюсь: все-то ты постиг, во все-то ты проник, все-то ты по своей науке измерил; а вот невелика, кажись, твоя рюмка, из которой ты водку-то свою тянешь, а все до дна ее никак не доберешься.

Надо было видеть конфуз академика!..

И грустно, и смешно!.. А бесчисленная Оптинская сосна к ночи все сильнее и сильнее благоухала, все ярче и ярче разгорались небесные звезды, а старцы еще долго сидели одни и вели тихую свою беседу.

7 сентября

Вот уже и желтолистая золотая осень наступила. Багрянцем золотым оделся лиственный лес, а в обители нашей семь послушников оделись ангельской одеждой: сегодня за Божественной Литургией отец архимандрит Моисей постриг в мантию между прочими двух нарочитых мужей: Льва Александровича Кавелина, из знатных дворян, и из духовного звания окончившего курс Костромской семинарии - Михаила Чебыкина. Первому наречено имя - Леонид;* второму - Марк.** Какая судьба уготована им - то уже дело Премудрости и Разума Божия; но мнится мне незаурядной судьба их. Помогите им Господь скончать течение жизни своей временной в подвигах добрых, в вере,

надежде и любви Божественной.

* О. Леонид (Кавелин) скончался наместником Троице-Сергиевом Лавры.

** О. Марк (Чебыкин) скончался 18 марта 1909 г. игуменом на покое в Оптиной пустыни.

1858 ГОД

8 февраля

Суббота. В ночь под 8-ое прибыл в Оптину из Москвы сын лютеранского пастора столицы, Максимилиан Карлович Зедергольм, брат Константина Карловича. Г. Максимилиан Зедергольм состоит на государственной службе помощником члена Самарского отряда управления денежных сборов. Прежде, по письменному сношению со старцем, отцом Макарием, чрез брата своего, Константина Карловича, а теперь и лично, он просил удостоить его присоединения к Православной Церкви, что и было совершено тут же, безотлагательно, по случаю нахождения его на службе. Чрез посредство старца о. Макария и о. архимандрита Моисея прибыл в скитскую церковь Козельский протоиерей Василий Онисимович Сахаров и в 12 часов, по Литургии, совершил присоединение и миропомазание. 9 числа новоприсоединенный Максим Карлович удостоен причащения Св. Таин Христовых в скитской церкви и отправился в путь с миром.

21 февраля

Сгорела от неизвестной причины монастырская мельница и в ней изрядные хлебные запасы. Обители убытку более 3000 рублей.

11 марта

К утешению всей о Христе братии в обитель доставлена жертва Иустина Андреевича Андреева, Петербургского 1-ой гильдии купца, главного управляющего г. Мальцева; ржи 100 четвертей и муки ржаной четвертей 100, да в скит овса 70 четвертей. Господь внушил ему эту жертву по случаю бывшего 21 февраля пожара, от которого сгорела мельница и хлеба более 126 четвертей, да 100 пудов муки.

Все меньше и меньше становится мне времени для келейных моих занятий: по канцелярии прибавляются дела то по консисторским, часто только формальным, отпискам, то по делам тяжёлым, которые затеваются с пустынью нашей все более и более развивающимся вкусом к сутяжничеству людей в мире, но не мирно живущих. Не тем, так другим творит враг-диавол стоны, и претыкания, и соблазны уклоняющимся от мира, не желающим жить по его стихиям. Терпи, инок, мужайся, крепче стой и утверждайся на уповании своем, еже есть Христос Бог твой! Семя зла заброшено уже вражьей рукой в русскую святую землю; оно еще только прозябает, и то уже сколько всякого горя распространяет вокруг ростка своего; что будет, когда оно даст плод по роду своему? Помилуй и спаси, Владыко милостивый, нас грешных!

27 апреля

Воскресенье. Получена через почту из Саровском пустыни от духовника, иеромонаха

Василия, печальная весть: отец игумен Исаия, родной брат отца Архимандрита Моисея и отца игумена Антония, успе о Господе 16 сего апреля в 4 часа утра. Точно в предчувствии своего исхода в путь всей земли о. игумен Исаия посетил незадолго перед тем нашу обитель для свидания с братьями и с нашими старцами. Господь привел всех трех братьев соборне править Божественную службу. Что это было за умиленное для нашего иноческого сердца зрелище!..

13 мая

Исполнилось 53 года, как о. архимандрит Моисей с братом своим, игуменом Исаией прибыли из мира в Саровскую пустынь и начали монашескую жизнь. Это подлинные слова о. архимандрита.

14 мая

Среда. Пример самоотвержения по любви к созданию Божию: когда братия выходила из братской трапезы, то увидела птичку, зацепившуюся крылышком за карниз колокольни. Птичка билась и трепетала, но уже, видимо, изнемогала. Один из братии, молодом послушник*, с благословения старших, отправился через колокольню на карнизы и, несмотря на опасность подвига, освободил несчастную птичку, которая из рук его отлетела на воздух жизнерадостная.

* Имя в рукописи не обозначено.

8 июня

Воскресенье. Архиепископом Григорием совершено освящение новоустроенного храма во имя святой праведной Анны и преподобной Марии Египетской.

Вот образец истинно-великого Архипастыря! Под святительской его мантией старческая обитель наша цвела и цветет, яко крин сельный, обласканная и согретая его истинно-отеческою любовью. От Господа за жизнь его богоугодную архиепископу Григорию дарован редкий талант мудрости управления, то чувство меры, которое, при величии и силе автократической власти, не принижает, а, наоборот, способствует развитию разумного самоуправления. Это такой дар, который дается только истинно облагодатствованной власти, конечно, при условии разумно-мирной свободы самоуправления, каким было всегда и поныне, благодарение Богу, процветает Оптинское наше общежитие.

6 августа

Что-то старцы наши - отец Макарий, отец Моисей и отец Антоний - поговаривать стали и о своем исходе. Неужели же приблизился час нашей временной разлуки? Да не будет сего! - сказал бы я, если бы не вера в Промысл Божий, устрояющий о нас все только во благое...

Батюшка о. архимандрит Моисей писал недавно письмо к двоюродной сестре своей, монахине Московского Вознесенского монастыря, Максимилле.

Письмо, прочтения которого удостоил меня батюшка, до такой степени характерно для выяснения духовной личности моего отца и благодетеля, что я просил разрешения и благословения списать его себе для памяти. Вот оно:

"Пречестнейшая в монахинях, любезнейшая сестрица, Максимиλλα Ивановна! Возмогай о Господе!

К удовольствию моему ваше приятное для меня писание получил исправно. Усерднейше за все благодарю. Не оставляйте впредь пописывать ко мне и не затрудняйтесь в том: пишите ко мне просто, что только чувствуете и таким образом, как говорите. Не нужно мне изъяснений о расположении вашем и любви ко мне: я об этом и без того давно знаю. Мне пишите больше всего о себе, в каких вы немощах и злостраданиях бываете по духу, чтобы и я мог со своей стороны оказать вам участие, единственно, ради пользы душевной вашей, а не в тщетное ласкание.

Нам с вами, немощным, о крепких подвигах и высокотворных добродетелях, видно, нечего разговаривать, разве только что о немощах и злострадательной жизни. Нынешним письмом вашим я доволен: оно само то, каким и всегда быть должно. Вы пишете с искреннею прямою и доверенностью ко мне о вашем немоществовании. Сие изъяснение ваше приятно для меня, потому что и Апостол Павел пред целым светом изъяснялся за себя, что он ежели силен, то благодатию Христовою, о себе же немощен. *Сладце*, - говорит, - *похвалюся паче в немощах моих; и, окаяннен аз человек, кто мя изоавит от тела смерти сея, яко не живет в теле моем доброе*. Послушайте, сестрица! Не смущайте своей души о том, что вы немощны и исправления не имеете. Конечно, вы больших исправлений, может статься, и не имеете; однако, уповаю, имеете малые, которых вы не видите, а их может набраться довольно. Они, по-видимому, невелики и будто ничего не значат, однако могут быть ко спасению души не только не малы, но и довольны. Я вам, хоть отчасти, перечту те самые, которых и вы не чужды, но они, точно, бывают в вас при случаях:

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете, - за это помилованы будете. Если постраждете со страждущим (невелико, кажется, сие!), - с мученики счисляетесь. Если простите обидящего, - и за сие не только все грехи ваши простятся, но дочерию Отца Небесного бываешь.

Если помолишься от сердца о спасении, хотя и мало, - и спасешься. Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестью чувствуемые, - и за то оправдана будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом, - и за сие вам прошение и мзда. Если попечалуешь о грехах, или умилишься, или прослезисься, или воздохнешь, - воздыхание твое не утаится от Него: "Не таится бо от Него, - глаголет св. Симеон, - капля слезная, ниже капли часть некая". А св. Златоуст глаголет: "Аще посетуешь точию о гресех, - то примет Он в вину твоего спасения".

Видите ли, - сколько дел вы исправили, о которых и не знаете? Да тем и лучше для вас, чтобы вы сладце похвалялись в немощах своих, а не исправлениями своими любовались: пусть ценит их праведный Мздовоздаятель, а мы только на грехи свои смотреть будем и о них каяться во вся дни, и о прощении их пещися. Хотя и немощна ты, как и я, однако не бойся и не унывай, но благодарение приноси Господу Богу о всем. Он занимается спасением души твоей больше, нежели как бы вы думали. Он спасет вас, только

обращайтесь к нему со смиренным упованием и делайте, по-видимому, малое: Господь Бог и малое, Его ради творимое, оценит дорогою ценою. И я вас уверяю щедротами Его, что помянет Он всяку жертву твою, и кажущееся по-видимому малым почтет Он великим. "Мало ли твое покаяние, - говорит св. Златоуст, - но велико есть Господнее человеколюбие: всем бо хочет спастися и малой ищет вины, то есть произволения души благого".

Счастливы мы, иноки, живущие под воскрилиями таких великих светильников веры и духа, как наши молитвенники-старцы. Не сказом, а показом всей своей добродетельной подвижнической жизни они действуют в нас, распространяя свое светоносное влияние далеко окрест святой обители нашей. Чем же могут жить обители, лишенные спасительного старчества и общежития? Страшно и думать. Многие еще живут, что называется, за чужой счет - за счет святыни, которой их наделило давно отшедшее прошлое: св. мощами, чудотворными иконами. Но, живя только за чужой счет и не накапливая собственного духовного капитала, можно ли рассчитывать не растратить достояния, соблюденного и накопленного былыми трудниками? Уже на что было в Москве накоплено много сокровищ святыни - числа не было! А разве не видели богоугодные очи праведников, как пред самым вступлением Наполеона в Москву из Кремля чрез Спасские ворота выходили, отрясая прах с ног своих, угодники Московские? Мало кто этому ныне стал верить, но не от суждения, не от их признания или непризнания зависит стояние правды; и для веры нелицемерной событие это, ставшее известным до Наполеонова нашествия, оправдание себе нашло в тех последствиях, которые оно собою знаменовало. Большие монастыри, в которых живут кружкою и жалованием, держатся пением, погребениями, знакомствами, связями, близким соседством со столицею и с дачами значительных лиц. Все это непредосудительно. Некоторые - своими потовыми трудами в области земледельческой. Но монашества нет нигде, кроме и вне старчества, соединенного со строгим общежитием. Теперь стали поговаривать, слышно, о реформах для монастырей, доходят даже до мысли о введении старчества и об изменении уставов штатных на общежительные. Начинание благое, но кому проводить его в жизнь? Где потребные для того старцы? Где истинно смиренные послушники, смирением и послушанием выковавшие себе жезл старчества и настоятельства?.. На нас посмотрят и скажут: как же у вас? Да, правда, у нас все это еще, слава Богу, держится. Но держится кем и кем было основано? Святыми: святым Калужским епископом Филаретом, впоследствии митрополитом Киевским; святыми - Львом, Макарием, Моисеем, Антонием и целым сонмом им присных, прошедших все гонения, все скорби истинного жития иноческого и даже пустынножительного. Этими святыми и живыми их подвигами или не менее живыми о них преданиями стоит и утверждается наша пустынь. Ну а где этих святых нет, и где нет преданий, которым бы веровали, как у нас, потому что они - плоть от плоти нашей, там-то как? Там-то откуда их взять?.. Наша пустынь выросла на почве, утучненной гонениями на монастыри во времена, начавшиеся при Петре Первом и завершившиеся при Екатерине Второй: во времена-то этих гонений, как сталь под молотом, выковывался в Молдавском и Афонском изгнании истинный дух монашеский, укрывавшийся впоследствии в пустынных дебрях Орловских и Смоленских лесов, в тайге Сибирской и в тундрах далекого Севера. Вот откуда шла истинная реформа монашества, молитвами святых наших привившаяся к благословенной нашей пустыни, а не от благих начинаний и пожеланий тех, кто говорит о падении монашества, а сердце их самих от монашества отстоит далече.

Но все попытки, производимые и намечаемые реформаторами XIX века в обителях иноческих, еще не так вредны, если они возвращаются около древних монастырских уставов,

данных Ангелами неба ангелам во плоти, какими были Антоний, Пахомий, Савва и им подобные. Но когда реформаторы, покидая корабль этот, пускаются плыть на утлой лодочке изобретения новшеств в духе требования мира, вот уже тут-то наступает истинная беда, непоправимое горе. Такие реформы хуже открытых гонений с палачами и застенками: это уже убийство не только плоти, но и духа, от которого, если бы не вера, было бы с чего придти в отчаяние.

В грустные минуты тяжкого раздумья о судьбе современного, а тем более последующего монашеского поколения, утешаюсь творениями древних подвижников, от семени духа которых отродились и некоторые из наших современников. Предо мною рукописная тетрадка с наставлениями одного старца. Хотя наставления эти обращены к христианам, в мире живущим, но они применимы и к инокам. Вот что изображено в тетрадке этой:

- 1) В минуту отчаяния знайте, что не Господь оставляет вас, а вы - Господа. Во имя Божие, вот как приказываю вам жить, когда вы бываете одни: хотя бы и скорбно вам было, хотя бы и не хотелось - всегда мысленно сердцем вашим призывайте Господа Иисуса Христа, живущего в душе вашей.
- 2) У послушников Христовых в предмете должна быть воля не своя, а Божия, которая и Апостолам, и нам воспретила исследовать будущее, его же Бог положил во власти Своей.
- 3) Если живете вы с другими, то служите им, как Самому Богу, и не требуйте за любовь любви, за смирение - похвалы, за служение - благодарности.
- 4) Чем можете соблазнить или оскорбить живущих с вами ближних, того отнюдь не делайте; а если они оскорбят вас, смотрите на это не как на оскорбление, а как на приготовленное вам от Господа Бога орудие, которым, если захотите, можете истребить в себе всякую нечистоту сердечную.
- 5) Прежде нежели что скажете, рассудите, не оскорбит ли ваше слово или дело Бога или ближнего.
- 6) Не судите чужого раба, стоящего или падающего; у него есть Бог, сильный удержать его от падения и восставить по падении.
- 7) Вспоминайте, что та минута, которую отнимает у вас лень, есть, может быть, последняя вашей жизни, а за ней - смерть и суд. Оставьте негу.
- 8) Не огорчайте никого и не платите бранью за брань, скорбью - за скорбь: и в книге животней имя ваше будет написано с преподобными.
- 9) Прошу вас, други мои, не пренебрегайте никаким средством, которым можно угодить Богу: а таких средств множество, как-то: ласковое обращение с людьми; утешение печального; заступление обиженного, подаяние нищему; отвращение очей от дурных предметов; противостояние дурным домыслам; понуждение себя на молитву: терпение, милосердие, справедливость и прочее, тому подобное. Исполнение этих священных добродетелей привлечет к вам всемогущую помощь Божию, а с нею одолеете все трудное, прежде казавшееся невозможным к преодолению нашими силами.
- 10) Всячески противостоите вспыльчивости, и при Божией помощи, она непременно ослабевает. "Аще случится ти когда раздражиться или разгневаться, тогда наипаче ничтоже глаголи, или отъмди, или затвори уста своя, да не иссочить яростный пламень и опалит душу твою и сущим с тобою сотворит напрасный мятеж; но едва угаснет пламень, и мирно

будет сердце твое, - тогда яже ко исправлению глаголи".

11) Всячески остерегайся на что-нибудь сердиться: всякая неприятность не сама по себе постигает нас, но допускается Промыслом Божиим для тех же спасительных целей, для коих св. Апостола Павла постигали *беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыне, беды в море, беды от лжебратии, внеуду брани, внутрьуду - болезни* (2 Кор. II, 26). "

12) Зная это, не обращайтесь внимания на то, кто обидел вас и за что обидел, а только помните, что никто не осмелился бы нанести вам оскорбление, если бы не Господь хотел допустить это, и поэтому благодарите лучше Господа, что постигающими вас скорбями Он ясно показывает, что вы Ему не чужие, и ведет вас в Царство Небесное. Писание Святое глаголет: *Аще наказание терпите, якоже сыновом обретается вам Бог. Который бо есть сын, егоже не наказует отец* (Евр. 12, 7).

13) Оставляйте суровость всегда и будьте пред Господом в обхождении с людьми, как дети незлобивые.

14) В любви Божией пребывайте, ей учитесь, ею дышите: Бог есть любовь, и кто в любви пребывает, тот - в Боге, и Бог - в нем. И в скорбной жизни сладко жить с Божиею любовью.

15) Не в многоглаголании есть спасение, а в совершенном внимании себе.

16) Отвыкайте от споров: они, возмущая сердце, лишают нас мирного состояния души. **Всякой вздорной мысли противопоставляйте молитву Иисусову.** Не верьте предрассудкам.

17) Подозрительность - совсем не христианское свойство, и потому не усваивайте его. Мудрости же, осторожности и непорочности требует от нас Сам Бог чрез Св. Писание: *Будите мудри, яко змия, и цели, яко голубые.*

18) Всегда держитесь середины: крайности нигде и ни в чем непохвальны. Помните старческое слово: "Могущему понести все возвести".

19) Всегда будьте преданы воле Божией, всецело для нас спасительной.

20) Обращайтесь с ближними весело и с любовью. Любите их, служите им: они дороги, - за них пролита кровь Спасителя, они - члены Христовы. Не оскорбляйте их даже едва заметным знаком.

21) Спасайте себя благоугождением пред Господом Богом, благоугождая Ему всеми видами любви. О том только и заботьтесь, чтобы обогащаться любовью. В ком есть любовь, тот имеет в себе Бога.

22) Заметьте, что вы только тогда бываете вполне довольным всем, когда имеете терпение, смиренномудрие, покорность и ко всем любовь.

23) Не вспоминайте с упреком о прошедшем, иначе Господь Бог вспомнит и възыщет с вас то, что уже простил вам.

24) В унынии заставляйте и сердце, и язык ваш молиться так: Господи, спаси мя - погибаю!

25) Если кого просите о чем, то просите с терпением жены Хананеянки.

- 26) Поверять чужие пороки есть грех, потому избегайте такой греховной уверенности.
- 27) Если вы каким-нибудь образом огорчили слугу, то употребите такое средство, чтобы он забыл сделанное ему огорчение.
- 28) Делайте все с разборчивостью, не спеша, чтобы дела ваши были успешны.
- 29) Злое побеждайте добром: худого худым исправить нельзя.
- 30) Без отречения своей воли нельзя положить и начала спасению, не только спастись. Испрашивайте же себе у Господа самоотречения, чада мои: оно необходимо ко спасению.
- 31) Если вздумаете кого навестить из ближних, то, при посещении его, положите себе за непрременную обязанность сохранить к нему ту же любовь и то же расположение, в котором вошли к нему, хотя бы и получили какое-либо оскорбление.
- 32) Во всякой случившейся неприятности при сношении с ближними обратитесь прежде к себе: по строгом исследовании, мы почти всегда находим, что сами были причиною неудовольствия.
- 33) В минуту вспыльчивости молчите и творите молитву Иисусову.
- 34) Не оправдывайтесь, не спорьте, снисходите к характерам и летам. Утешайте всех и каждого, чем можете; не осуждайте никого; не платите злом за зло; всех любите, всех прощайте; всем будьте слугами.
- 35) Себя считайте последними и грешнее всех.
- 36) Любите Господа Бога и молитесь Ему как Отцу; смиряйтесь пред всеми христианами, - и возлюбит вас Господь Бог ваш, и возрадуется о вас ваш Пастырь.
- 37) Переносите нетерпеливость, бестолковость, невежество, напрасный гнев - все без прекословия.
- 38) Когда возымеете к кому-нибудь невольное чувство неприязни, старайтесь победить это греховное чувство; заставьте себя так молиться: спаси. Господи, раба Твоего (такого-то) и святыми его молитвами умири сердце мое. - Принудите себя оказывать нелюбимому человеку всякого рода внимание и услуги: и Господь, видя доброе ваше намерение, не только вырвет из сердца вашего греховную неприязнь, но и его самого исполнит святою любовью.
- 39) Если не утешает вас молитва при исполнении ее, то знайте, что она готовит вам божественное утешение и сладость вскоре по исполнении: *Терпя потерпех Господа, и внят ми.*
- 40) Во всю свою жизнь, пред каждым своим действием, руководитесь следующим христианским рассуждением: задуманное мною действие не противно ли воле Божией, не губительно ли оно для души моей, не обидно ли оно для ближнего? Если, по строгом исследовании, совесть не зазирает вас, то намерение свое приводите в исполнение; а если зазирает - удержитесь от исполнения.
- 41) Не касайтесь языком своим чести ближнего, но свой язык употребляйте только, на славословие Божие и на чью-либо пользу и назидание. А захотите злоречить, то вспомните грехи, соделанные вами от юности и порицайте себя за то, что сделали их.

42) Не тяготитесь жизнью: она несносна только для, злочестивых; а кто верует в Господа Иисуса Христа, уповает на Него, любит Его - для того она всегда сносна.

43) Жизнь нам дана только для того, чтобы мы славили Бога, благодетели ближнему и достигали вечного Царства указанным в Евангелии тесным путем, а не для того, чтобы веселиться в ней: *блаженны плачущие ныне*, а не смеющиеся.

44) Смирение получило свое начало от смирившегося Господа Иисуса и есть венец и красота всех добродетелей. Что засохшей земле - дождь, то человеческой душе - смирение.

45) Смирение есть такая добродетель, которую любит Сам Бог: *На кого воззрю?* - говорит Он. - *Только на кроткого и смиренного, и трепещущего словес Моих.*

46) Но в чем состоит смирение? По моему мнению, оно состоит в том, что человек считает себя грешнее всех, никого не унижает и не оскорбляет, не осуждает, внимает лишь себе и не ищет ни богатства, ни славы, ни похвалы, ни чести, считая себя вовсе того недостойным; мужественно терпит унижение, брань, укорение, признавая себя в сердце своем заслужившим это: со всеми обращается радушно, всякому с любовью готов служить, не видит своих добрых дел и не говорит о них без нужды. Подобного смирения испрашиваю вам у Господа Бога, чада мои, потому что оно не только избавит вас от греха, но и приведет в любовь к Тому, Кто смирил Себя до смерти, смерти же крестной.

47) Любовь покрывает множество грехов. Если вы будете печальным - утешением, несчастным - облегчением, бедному - помощью, сироте - отцом и матерью, больному - упокоением, слуге - милостивым, заблудшему - руководителем ко спасению и всякому христианину - усердным, по возможности, служителем: то за такую любовь вашу к меньшим братьям и членам Господа нашего Иисуса Христа не только изгладятся грехи ваши, но и узрите Господа лицом к лицу и возрадуетесь во веки.

48) Полагайте на уста хранение, упражняйте сердце в молитве Иисусовой, прилежите всякого рода воздержанию - и получите дар бесценный, дар любви Божией к вам.

49) Воздавайте кесарево кесареви, а Божие - Богови. Направляя внешние, относящиеся к общежитию дела, по сердцу непрестанно будьте жертвою Богу и так живите в этом Вавилоне - мире сем, - чтобы непрестанно памятовать о своем горнем Иерусалиме и о своем предназначении.

50) Променяйте благородство ваше на рабство Господу Иисусу Христу. Неге противьтесь, роскоши избегайте и не превозносите пред вашими рабами: в высшем они с вами равны, потому что Господь наш призывает и их к святой Своей трапезе теми же словами, как и вас: *Приидите, чада, сие есть Тело Мое...; пиите от нея еси, сия Кровь Моя, ямсе за вы и за многия изливаемая.*

51) Долины, лежащие внизу, почти всегда бывают тучны и плодоносны, а высокие горы большею частью сухи и неспособны к плодоношению. Равным образом, колос, который держит голову вверх, всегда бывает пуст, а который стоит, поникнувши голову, в том много зерен. Имейте сердце смиренное - и обогатитесь всем нужным ко спасению.

52) На долину плодоносную дождь льется и прямо с облаков, и с высоких гор: таково смирение. Под именем дождя я разумею благодать Божию, которая дается смиренным и непосредственно от Бога, и чрез людей, всей жизни духовно вознесенных Господом, как

вознесены горы. Если внутреннее ваше будет смиренно отдано в волю Божию и закрыто для входа врагам его, то приидет к вам Утешитель Дух Святой и вселится в вас.

53) О пространном пути забудьте: Господь, по милосердию Своему, ведет вас тесными вратами в Царство Небесное; а тот путь приведет в пагубу вечную.

54) И вам, и себе желаю в этой жизни только очищения от грехов и прошу Господа Бога, чтобы Он с нами сделал все то, чем угодно будет Ему очистить грехи наши и смыть беззакония, хотя бы для сего нужно было бесчестие и бесславие. И вам, и мне должно жить по заповедям Божиим, а не по толкам человеческим.

55) Для пользы своей души любите уединение и, покорившись совершенно велениям Отца Небесного, приучите свое сердце к непрестанной молитве Иисусовой. От внутреннего пребывания в вас Господа Бога вы соделаетесь во всем терпеливее, любвеобильнее и смиреннее.

56) Не дела собственно спасут нас, а милость Божия, если мы творим дела только во имя Господа Иисуса Христа, Который да не лишит вас, другое моих, милости Своей во все дни живота вашего. Слабы ли вы, дурны ли - все прибегайте к милосердому Господу Иисусу Христу и надейтесь на Него крепко: эта надежда не посрамит вас во веки.

57) Не презирайте слов моих и не считайте их трудными к исполнению: для Господа и с Господом все трудное не трудно и все скорбное не скорбно.

Иго бо Его благо и бремя Его легко есть.

1859 ГОД

29 января

Четверг. Утром в 8 часов скончался рабочий Евдоким Максимов, крестьянин Рославльского уезда, сельца Межева, господина Сергея Петровича Таптыкова. Покойному было от роду 68 лет; вдовый; высокого роста, мужественный и замечательный по своей жизни, связующей его с пустынножителями Рославльских лесов, особенно, с нашим о. настоятелем, отцом архимандритом Моисеем.

17 февраля

Вторник. В 8 часов утра вбежал волк на двор деревянной монастырской гостиницы; волк был бешеный и гнался за кузнецом; потом он напал на шедшую по двору госпожу Петровскую Марию Владимировну. Она бросилась от него бежать, но на крыльце упала, и волк стал ей сзади рвать салоп. Увидав это, смотритель гостиницы, монах Феоктист, кинулся на волка с топором, но промахнулся. Волк ухватил его зубами за рукав и, потрепав рукав, побежал к воротам, а монах Феоктист - за ним. Волк, обернувшись, собрался кинуться на Феоктиста, но он удачно нанес топором сильный удар по лбу волка, и волк пал мертвый. Его тотчас же закопали в землю. Этот же волк тем же утром изранил в Прысковском лесу собак возле избы караульщика и у одного мужика перекусил два пальца на руке. Мужик и собаки взбесились. Кроме того, до семи бешеных волков было убито в ближних деревнях и в Козельске. Несчастный этот случай произошел оттого, что в лес свезена и брошена издохшая бешеная корова: волки ее растерзали и взбесились.

20 февраля

Пятница сырной недели. В 3 часа пополудни над монастырем появились откуда-то в необычное время и необычные гости - два больших орла с белыми хвостами. Долго летали они над обителью, делая плавные круги в воздухе, потом направили свой полет на юг. Это явление было замечено всеми и всех удивило. Мое сердце сжалось каким-то неопределенным, но тягостным предчувствием; мне почему-то вспомнились слова Спасителя: *Где будет труп, там соберутся орлы.*

15 мая

Отец игумен Антоний получил от одной своей духовной дочки письмо, в котором она описывает свою поездку в Иерусалим. Особа эта провела в этом святом граде десять месяцев, последние дни Св. Четыредесятницы и Пасху Господню и присутствовала при схождении благодатного огня в Великую Субботу. Вот что пишет она старцу об этом, из году в год совершающемся чуде, которое вряд ли доступно объяснению самых ученых естествоиспытателей:

"В Великую Субботу, в Феодоровском монастыре, рано утром, все поклонницы ленточками связывали в пучки маленькие пестрые свечи так, чтобы каждый пучок состоял из 33 свечей - в память числа лет Христа Спасителя. В 10 часов утра, после католическом обедни, наши православные на Гробе Господнем потушили все лампы, а церкви - все свечи. Во всем городе и даже в окрестности не осталось ни у кого и одной искры огня. Только в домах католиков, евреев и протестантов огонь не угасает. Даже турки следуют обычаю православных и в этот день тоже приходят в храм Гроба Господня. Я видела, как дети их держали в руках свои пучки свечей, и говорила с ними через переводчицу. С этими детьми были и возрастные. В 12 часов пополудни двери храма отворены, и собор полон народом. Все без исключения - старый и малый - идут в церковь. На переходе из Воскресенского храма в Кувуклию есть особенные места, где расположено несколько широких лестниц за решеткою. С этих возвышений открывается вид и в Воскресенский собор, и в Кувуклию. Греки в большие праздники предоставляют их русским дамам. По множеству народа, мы с трудом пробрались туда. Кавас нашего русского преосвященного пришел и поставил нас на хорошие места. Толпами поклонников не только наполнены были все пять ярусов хор, но и на стенах, где только можно было сколько-нибудь держаться, везде сидели арабы. Один обратил на себя особенное внимание: он уселся на ручке большого канделябра пред иконой и еще посадил на колени дочь свою, девочку лет семи, и все время оставался на своем месте. В храм набежали с гор бедуины с бритыми головами, женщины с нанизанными на голове и на носу деньгами и прикрытые белыми чадрами. С ними были дети разных возрастов. Все это суетилось и хлопотало и нетерпеливо ожидало благодатного огня. Между народом стояли турецкие солдаты и ружьями унимали волнующихся арабов. На эту пеструю картину смотрели с любопытством католические монахи и иезуиты, между которыми находился и наш русский князь Гагарин, 18 лет тому назад перешедший в латинскую церковь.

Царские врата Воскресенского собора были отворены, и там виднелось высшее духовенство всех христианских вероисповеданий. Иерусалимскому патриарху ныне случилось в первый раз присутствовать при этой церемонии, потому что в прежние годы его блаженство проживал в Константинополе. Однако, в алтаре распоряжался наместник его, митрополит Петр-Мелетий, и сам принимал благодатный огонь. То же было и теперь. Он с воскресенья (недели Вайи) ничего не вкушал, кроме просфоры, и даже не позволял себе выпить воды; от этого заметно был бледнее обыкновенного, впрочем, спокойно говорил с причтом. Каждый присутствующий имел в руках большой пучок свечей, а другие,

стоявшие на хорах, спустили на проводках несколько таких пучков, и эти пучки висели по стенам в ожидании небесного огня. Все лампы налиты новым маслом, в люстрах поставлены новые свечи: но фитили нигде не обожжены. Иноверцы с недоверчивостью тщательно вытирают все углы в Кувукли и сами кладут вату на мраморную доску Гроба Господня... Торжественная минута приближается, у каждого невольно бьется сердце... Так как все сосредоточены на одной мысли о сверхъестественном явлении, то у одних при этом возникает сильное сомнение; другие, более благочестивые, молятся от души с сердечным убеждением и надеждою на милость Божию; а иные, по одному любопытству, равнодушно ждут, что будет... Вот, наконец, луч солнца блеснул в отверстие над Кувуклией и осветил эту картину... Погода ясная, в воздухе жарко: весенний день Востока! Вдруг показалась туча и заслонила то самое отверстие, в которое падал луч солнца. Туча угрожала дождем и стояла над самой Кувуклией Гроба Господня. Я испугалась: мне показалось, что сейчас прольет дождь на всю эту толпу, что уже не будет благодатного огня и что народ от досады растерзает преосвященного наместника. Сомнение омрачило, мое сердце; я стала укорять себя, зачем осталась; разве не довольно было для меня поклониться Гробу Господню? - думала я: зачем было ожидать несбыточного явления? И, размышляя таким образом, я все более и более волновалась. Вдруг в церкви все стемнело... Мне стало грустно до слез... Я усердно молилась... Арабы начали кричать, петь, ударять себя в грудь, молились вслух, поднимали руки к небу; кавасы и турецкие солдаты стали унимать их. Картина была страшная, тревога всеобщая!.. Между тем в алтаре начинают облачать наместника - не без участия в этом иноверцев. Клир помогает ему надеть серебряный стихарь, подпоясывает его серебряным шнурком, обувает: все это совершается в присутствии духовенства армянского, римского и протестантского. Облачив его таким образом, ведут под руку с обнаженною головою из Воскресенского храма между двух стен солдат, в предшествии нарядных кавасов, до двери Кувукли и запирают за ним дверь. И вот, он один у Гроба Господня. Опять тишина. Облако спускается на народ крупною росой... Досталось и мне на мое белое батистовое платье.

В передней комнате с обеих сторон Кувукли есть в стенах круглые отверстия, чрез которые игумены и настоятели окрестных монастырей подают высокопреосвященному наместнику свечи. Нельзя себе вообразить ту минуту, когда затворяется дверь за наместником в Кувукли... В толпе обнаруживается невольное благоговение. В ожидании знамения с неба, все смолкает, но не надолго... Вот опять беспокойство: кричат, мечутся, молятся; волнующихся снова унимают. Наша миссия была на кафедре над царскими воротами; мне видно было благоговейное ожидание преосвященного Кирилла. Взглянула я также на стоявшего в толпе князя Гагарина. Лицо его мне хорошо было видно: оно выражало грусть; Гагарин пристально всматривался в Кувуклию...

Вдруг из бокового отверстия показывается пук зажженных свечей... В один миг архимандрит Серафим передает свечи народу. Вверху Кувуклин все зажигается: лампы, люстры... Все кричат, радуются, крестятся, плачут от радости; сотни, тысячи свечей передают свет одна другой. Суeta... Арабы опаляют себе бороды, арабки подносят огонь к обнаженной шее. В этой тесноте огонь пронизывает толпы: но не было примера, чтобы в подобном случае произошел пожар. Общего восторга описать нельзя, изобразить картину невозможно: **это чудо неизобразимое!** После солнца - тотчас облако, потом роса и вследствие росы - огонь. Роса падает на вату, которая лежит на Гробе Господнем, - и мокрая вата вдруг загорается голубым огнем. Наместник необожженными свечами прикасается к вате, - и свечи зажигаются тусклым голубоватым пламенем. Зажженные таким образом свечи наместник передает стоящим у отверстий лицам. Замечательно, что

вначале от такого множества свечей в церкви - полусвет: лиц не видно: вся толпа в каком-то голубом тумане; но потом все освещается, и огонь горит ярко. Передав всем огонь, наместник выходит из Кувуклии с двумя огромными пучками зажженных свечей, будто с факелами. Арабы хотели, по обыкновению, нести его на руках; но владыка от них уклонился, и сам, как в тумане, прошел скорыми шагами из Кувуклии в Воскресенский собор. Каждый старался зажечь свою свечку отчего свечей. Я была на ПУТИ его шествия и тоже зажгла.

Он казался прозрачным; седые его волосы развевались по плечам; широкое его чело было без морщин, но лицо подернулось необыкновенною бледностью; весь он был в белом; два факела в его руках, глаза устремлены к небу; вдохновение горело в его очах: народ видел в нем вестника небесного. Все плакали от радости...

Но вот в народе прошел невнятный гул... Я нечаяно взглянула на князя Гагарина, - вижу: у него градом текут слезы и радостью сияет лицо... Как с этим выражением в одном и том же человеке соединить его вчерашнюю проповедь на Голгофе, которую он произнес на французском языке и заключил так:

- Теперь остается пожелать одного, - чтобы мы все сделались католиками и покорились папе.

Вчера превозносил он преимущества римского исповедания, а сегодня, пораженный явлениями небесной благодати, **даруемой только православию**, льет слезы. Не есть ли это порыв преданной им веры, возбужденной общим восторгом? Не есть ли это поздний плод раскаяния и отклик души, некогда православной, но легкомысленно отпавшей от единой истиной и спасительной Церкви Христовой? Где же он представитель искреннего своего убеждения? - там ли, на возвышении кафедры со словом поборничества за права папы, или здесь - в толпе народа, со слезами на глазах, как с невольною данью родному чувству, призывающему его воздать Божие Богови.*

* Посвященному в тайны духовной жизни открыты истинные причины подобных противоречия человеческого духа. Посетили однажды о. игумена Антония два помещика, из которых один уклонялся в вольнодумство и в течение беседы со старцем выразил сомнение в истинности повествования о том, что св. Иоанн, архиепископ Новгородский, на бесе ездил в Иерусалим (см. Чети-Мннеи 7 сентября).

- Нельзя верить таким вещам! - заметил с усмешкой господин этот.

- Да! - ответил на это замечание старец. - В прежние времена святые бывали и из дворян и разъезжали на бесе, а теперь сам бес разъезжает на иных российских дворянах.

Сказано было это слово старцем значительно и с грустным укором.

Но возвратимся опять к избранному Богом стражу Гроба Господня. Надо было видеть, с каким торжеством этого вестника благодати Божией принял в свои объятия патриарх; да и все духовные наши наперерыв обнимали его и принимали из его святых рук зажженные свечи. За этим последовала обедня, которую служил сам патриарх со всем духовенством, облаченным в блестящие золотые ризы. Между тем бедуины в диком восторге собираются в кружок и пляшут по середине церкви, как бы вне себя от радости; становятся друг другу на плечи, поют и молятся по своему, пока не падают обессиленные. Никто не останавливает их, как детей, выражающих восторженное состояние своей души

по-своему. После обедни все бегут домой с огнем зажигать лампы: кто - к Илие пророку, в Крестный монастырь, кто - в Вифлеем, кто в Гефсиманию. Огни по улицам в продолжении дня, при солнечном свете: картина необыкновенная, оригинальная! Это осязательное, так сказать, присутствие Самого Бога на Гробе Божественного Его Единородного Сына, в земле чудес, сильно развивает любовь к Православной Церкви и остается в памяти сердца неизгладимо...

Вечером патриарх прислал к нам своего секретаря, а наместник - своего племянника, чтобы дать нам удобные места в храме. Так как наша Пасха в этот год пришлось вместе с латинскою, то великолепно были освещены все части храма. У нас служба в Воскресенском соборе началась в 11 часов. Служил сам патриарх. У иноверцев в то же время начались крестные ходы с хоругвями. Сперва двинулись копты, которые имеют свой алтарь за Гробом Господним; потом - абиссинцы, которых церковь против коптской; затем - армяне, в предшестве своего великолепно одетого патриарха, и, наконец, латиняне - с музыкой и органом. Ровно в 12 часов наши православные, остановившись с крестным ходом у самого Гроба Христа Спасителя, запели: "Христос Анэсти" (Христос воскрес)! Великолепие крестного хода описать невозможно. На патриархе блестящие золотые ризы с изображением Воскресения Христова, изящно вышитые и унизанные драгоценными камнями; в руках его - новый кресте частицею животворящего Древа, отделанный в Константинополе; в таком же облачении наместник с драгоценным крестом в новой золотой ризе. Все эти облачения и кресты - приношение Константинопольских греков. Процессия вступила в собор - и начатась греческая служба. Евангелие читалось на девяти языках. Патриарх благословил русских служить в Кувуклии на Гробе Спасителя. Греческий архимандрит, отец Виссарион, который хорошо говорит по-русски, и миссионер, о. Леонид,* с архиерейскими певчими пели обедню, в пении которой участвовали также многие поклонники и поклонницы, именно: Л.И. Казнакова, княжна Шаховская, О.Н. Брянчанинова, И.А. Смирнова и я; князь Волконский, И.И. Карцев, Н.И. Брянчанинов, г. Обресков, г. Дурново, А.И. Макшеев. Нам поставили на возвышение, на мраморные скамьи, подле Кувуклии. С каким радостным чувством пели мы "Христос воскрес" на том самом месте и в тот самый час, когда совершилось многовековое предсказание о пришествии Искупителя рода человеческого! Куда делась наша усталость! Мы пели вполголоса, но вокруг нас царствовала тишина. Иноверческие службы кончились, и тогда все, не оставляя храма, подошли к нам. Латинские духовные стали ближе всех, и с ними опять стоял князь Гагарин. Стоя в толпе, он и не думал, что мы сверху можем видеть его. Тут я снова заметила, что православие трогало его: он, заплаканный, молился с чувством и, как видно было, слушал наше пение с удовольствием.

* О. Леонид (Канелин) - постриженец нашем Пустыни: скончался наместником Троицкой Сергиевой Лавры 22 окт. 1891 г.

В два часа ночи все кончилось. Мы по-русски похристосовались между собою. На лестнице монахи из патриархии раздавали проходящим красные яйца и вино. Находясь здесь, невольно переношишь мыслью в то блаженное время, когда эта и вся земля освящалась присутствием Христа Спасителя. Все события Его жизни представляются так живо, что сердце трепещет от радости. Многие из русских причащались на Гробе Господнем, а я причастилась еще накануне, в Архангельской церкви Русской миссии.

После нескольких часов отдыха, мне нужно было поздравить его высокопреосвященство, наместника Петра-Мелетия. Хотя во время десятилетнего моего пребывания в Иерусалиме я привыкла с ним обращаться, как с добрым отцом, но тут, видев в нем орудие небесной благодати, преподанной нам свыше чрез его святые руки, не смела приблизиться к нему и со страхом стояла у порога скромной его кельи. Владыка сидел на барсовой коже на полу, где обыкновенно сживал. Заметив мою робость, он улыбнулся и сказал:

- Чего ты боишься? Вот уже тридцать лет, как Бог сподобляет меня принимать небесный огонь. Прежде ты не боялась меня, не бойся и теперь - подойди: я - тот же грешник. Христос воскрес!

Я ободрилась и подошла, стала на колени и приняла его благословение. Он очень похудел и побледнел, но выражение его было тем приятнее и характеризовалось необыкновенным спокойствием. Он смотрел на меня внимательно и, прозорливо угадывая совершенное мое убеждение в знамении Божией благодати, сказал:

- Ныне благодать уже сошла на Гроб Спасителя, когда я взошел в Кувуклию: видно, вы все усердно молились, и Бог услышал ваши молитвы. Бывало, долго молюсь со слезами, и огонь Божий не сходил с небес до двух часов; а на этот раз я уже увидел его, лишь только заперли за мною дверь!

Я откровенно призналась ему в колебавшем меня сомнении и в испуге от набежавшего облака. Потом он спросил:

- Не правда ли, что половина церкви была в тени? Я ответила: помню, что, не принимая еще благодати, я заметила это.

- А на тебя пала роса благодатная?

Я отвечала, что и теперь еще видны следы на моем платье, будто восковые пятна.

- Они навсегда останутся, - сказал владыка. Это так и вышло: 12 раз отдавала я мыть платье, но пятна все те же. После того я спросила, что преосвященнейший чувствовал, когда выходил из Кувуклии, и отчего так скоро шел?

- Я был как слепой, ничего не видел, - отвечал он, - и если бы не поддерживали меня, упал бы!

Это и приметно было: глаза у него будто не глядели, хотя и открыты были.

Тут я ему рассказала наш восторг, что нам позволено было участвовать в пении, в Светлое Воскресение, у Гроба Господня. На это он улыбнулся и сказал:

- Русские у нас - свои. Видишь, какая ты счастливая: Бог сподобил тебя послужить Ему на том месте, где Сам воскрес. Ты и ко Гробу приложилась без труда во время Литургии. Не забывай никогда этого дня. Много бывает в мире и почестей, и удовольствий, но такого счастья немногие из русских твоего сословия могут в жизни удостоиться. Вспомни меня: где бы ты ни встретила с твоими товарищами настоящего дня, - везде встретишься с ними, как с родными. Тут сообщаются духовные чувства.

Мы пошли к нашему архиерею; там по-русски разговорились; он принимает ласково и радушно. Потом отправились поздравлять патриарха, доброго старца, замечательного по

простоте радушного приема".

Таково замечательное по настроенности и изложению письмо г-жи В. Б. де С.И... Что присоединить от себя к правде, которой дышат эти строки, разве только слова песнопения великого входа Великой Субботы: "Да молчит всяка плоть человека!" - пред священной тайной благодати Божией... Один из посетителей отца игумена Антония усумнился в истине свидетельства о том же чуде Барского, русского паломника начала 18 века.

- Если бы вы сами увидели, поверили бы вы? - спросил о. Антоний.

- Поверил бы.

- Ну, так кому же мы должны более верить - вам, который не видал, или Барскому, который видел? Этот господин еще обещал поверить, если увидит; но есть люди, которые *и оком видит, и ухом слышат, и - не разумеют.*

От составителя:

Явление благодатного огня в Иерусалимском храме в Великую Субботу представляет собою такое поразительное доказательство истинности и вселенского величия Православной Греко-Российской Церкви, что на этом месте дневника иеромонаха Евфимия я счел необходимым к свидетельству духовной дочери отца игумена Антония присоединить и другое, относящееся ко временам новейшим и напечатанное в "Сборнике Нивы" 1892 года, (№ 4, стр. 192). Статья, заключающая в себе свидетельство это, принадлежит перу неизвестного автора, скрывшего себя за анонимной подписью - "Старый Паломник". Привожу статью эту, озаглавленную "Агиос фотос", в подлиннике, за исключением лишь некоторых ее частей, не относящихся к данному явлению чуда небесного, благодатного огня.

"Святой свет" - у греков, "Священный огонь" (или благодать Господня) - у русских паломников, - так пишет в своей статье г. Старый Паломник, - искони являемый в храме Воскресения Господня в Иерусалиме в последний день Страстной Седмицы, в два часа пополудни, - торжество, коему подобного нет во всем христианском мире.

Мне довелось быть очевидцем происходящего в это время в храме Воскресения два раза. Испытываемое внешними чувствами при этом своеобразное зрелище передать с надлежащею точностью нелегко. Ссылаюсь на очевидцев: пусть скажут, какова задача...

"Обыкновенно, в Великую Субботу, в половине второго часа, раздается колокол в патриархии. Начинается оттуда шествие. Длинною, черною лентою входит греческое духовенство в храм, предшествуя его блаженству, патриарху. Он - в полном облачении, сияющей митре и панаях. Духовенство медленною поступью минует "камень миропомазания", идет к помосту, соединяющему Кувуклию с собором, а затем между двух рядов вооруженной турецкой рати, едва сдерживающей натиск толпы, исчезает в большом алтаре собора. Патриарх останавливается пред царскими воротами. Два архимандрита с иеродиаконами его разоблачают. Без митры и всех архиерейских отличий, в белой полотняной хламиде, подпоясанный кожаным ремнем, он возвращается, в сопровождении митрополитов и архиереев, ко входу в часовню. Вход запечатан турецкою печатью, охраняемою турецким караулом.

Накануне в храме уже все свечи, лампы, паникадила были потушены. Еще в неотдаленном прошлом тщательно наблюдалось за сим: турецкими властями

производился строжайший обыск внутри часовни; **по наветам католиков**, доходили даже до ревизии карманов священнодействовавшего митрополита, наместника патриарха, когда резиденция последнего находилась еще в Константинополе.

После троекратного обхода духовенством, предшествуемым хоругвеносцами, часовни Св. Гроба, с пением 6 гласа стихир: "Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небеси...", патриарх останавливается на помосте пред наружным входом в часовню. Здесь его ожидает армянский епископ в облачении. Турецкий офицер снимает печать. По входе патриарха, а за ним и армянского епископа, дверь снова запирается. Оба раза я епископа не замечал; но если он, по уверению некоторых, а между ними и знаменитого паломника нашего Андрея Николаевича Муравьева, и входит за патриархом, то остается в приделе Ангела бездействующим свидетелем. Греческий же иерарх проникает чрез низкое отверстие поперечном стены ко Св. Гробу. Там царит безусловный мрак ночи.

Следуют страшные... страстные минуты... Иногда четверть часа, иногда двадцать минут... Это целый век трепетного ожидания... Гробовое молчание... Представьте себе мертвенную тишину многотысячной дикой толпы, такую, что, пролети птица, - слышен был бы шум крыльев, и поймете тогда степень напряженного ожидания этого люда. Только имевшие случай пережить эти минуты в состоянии понять, как бьются сердца. В Кувуклии, в приделе Ангела, в северной и южной стене - два отверстия, овальные, величиною в большое столовое блюдо... В северном вдруг показывается длинная свеча... **пылающая!**

"Благодать!... Господи помилуй! Кириеэлей-сон!.. Воля-дин, иля-дин, эль-Мессия! (арабское: нет веры иной, как православная!)"...

...Крики, вопли неистовые, неумолкающие, несутся снизу, сверху, с балконов галерей, лож, карнизов; отовсюду оглушительные возгласы, звон колоколов, торжественные звуки деревянных бил, треск барабанов, резкие трели металлических молотков; все скачет, кричит, все лезет на плечи друг к другу... Мне сдается, что я в громадном здании, охваченном пожаром. Огонь моментально сообщается всюду; у всех горят пучки свеч; их спускают на веревках с галереи; зажженные летят вверх. Весь храм объят пламенем. Температура во мгновение доходит до 45-ти градусов...

С неимоверными усилиями, ружейными прикладами и тесаками, солдаты едва успевают очистить путь вышедшему из Кувуклии патриарху. Бледный, со страдальческими чертами лица от глубокого душевного потрясения, патриарх медленно приближается к соборному алтарю. Так, во время оно, Моисей оставял выси Синайские... Патриарх простирает в обе стороны зажженные свечи. Кто успевает, тушит свой пук и ловит пламя патриаршей свечи...

Никак не мог себе объяснить я, как огонь, едва замеченный в северном отверстии Кувуклии, почти во мгновение ока появлялся почти в алтаре собора. Там все свечи уже пылают в то время, когда огонь едва стал перехватываться и переливаться близ стоящим у самой часовни. У сказанного отверстия, обыкновенно, ожидают двое нарочных с фонарями; один из них немедленно скачет верхом в Вифлеем... Но как может огонь в единый миг пронизать сплоченную массу народа и проникнуть в алтарь - остается, решительно, непонятным...

В алтаре патриарх отдыхает не более пяти минут, затем удаляется; мало-помалу и все духовенство исчезает из храма.

Как-то вскоре после пасхальных дней я, в числе нескольких вновь прибывших паломников, сопровождал патриарха на путь в Иерехон и к Иордану. На половине пути мы были приглашены в его палатку к обеду. Один из таких скептиков, выбрав удобную минуту, вдруг поставил так вопрос:

- Откуда, ваше блаженство, изволите получать огонь в Кувуклии?

Престарелый архипастырь, не обращая внимания на то, что слышалось в тоне вопроса, невозмутимо отвечал так (мною почти слово в слово записано было слышанное):

- Я, милостивый государь, извольте знать, без очков уже не чтец. Когда впервые вошел я в придел Ангела и за мной закрылись двери, там царил полумрак. Свет едва проникал через два отверстия из ротонды же Св. Гроба, тоже слабо освещенной сверху. В приделе же Св. Гроба я не мог различить, - молитвенник ли у меня в руках или что другое. Едва-едва замечалось как бы белесоватое пятно на черном фоне ночи: то, очевидно, белела мраморная доска на Св. Гробе. Когда же я открыл молитвенник, - к удивлению моему, печать стала вполне доступна моему зрению без помощи очков. Не успел я прочесть с глубоким душевным волнением строки три-четыре, как, взглянув снова на доску, белевшую все более и более и так, что мне явственно представились уже все четыре ее края, заметил я на доске оной, как мелкий рассыпанный бисер разных цветов, вернее сказать, как бы жемчуг с булавочную головку, и того меньше, а доска начала положительно издавать якобы свет. Бессознательно сметая изрядным куском ваты этот жемчуг, который начал сливаться подобно каплям масла, я почувствовал в вате некую теплоту и столь же бессознательно коснулся ее фитилем свечи. Он вспыхнул подобно пороху, и, - свеча горела и три образа Воскресения озаряла, как озаряла и Лик Богоматери и все металлические над Св. Гробом лампы. Предоставляю за сим вам, милостивый государь, судить о моем в ту минуту душевном волнении и вывести ответ на сделанный вопрос".

"...Не излишне прибавить, что между католическими писателями немало таких, которые свидетельствовали, что видели чудо, как в Великую Субботу у Гроба Господня свечи сами зажигались (Бароний, летописец римской церкви, прибавляет: "Чудо сие там бывает нередко").

Следует еще остановиться на неверии скептиков относительно невещественного появления огня, именуемого поэтому святым, и представить им следующие доказательства: упомянутая речь иерарха, по существу, есть свод всего того, что в течение многих веков свидетельствовалось и заявлялось знаменитыми паломниками, коим, подобно мне, доводилось лично присутствовать в храме в Великую Субботу. Подтверждение тому ниже спрашивается: можно ли допустить, чтобы кто-либо из этих паломников, отмечая в своих записках виденное и прочувствованное, не довольствовался собственными впечатлениями, а искал соображаться еще и со свидетельствами предшественников? Более чем вероятно: то удобство компилировать свидетельства по этому предмету, которые у меня под рукою, едва ли кто имел, да и не мог ощущать в том надобности. А если так: чем же объяснить поразительное тождество в главных чертах их показаний, если не несомненностью периодического явления и правдивостью их сообщений? Во-вторых: сказания о явлении невещественного огня на Св. Гробе восходят едва ли не до IV столетия нашей эры. Указывается на свидетельство Отцов Церкви - Григория Нисского и Иоанна Дамаскина. У первого читаем: "Петр верил, видел же не только чувственными очами, но и высоким апостольским умом - **исполнен убо был гроб света**, так что хотя и ночь была, однако, двема образы видел внутренняя - чувственно и

душевно". У второго же: "Петр предста ко гробу и **свет зря во гробе** ужасашеся".

На страже Св. Гроба уже несколько веков стоят православные иерархи. Теперь, если допустить даже некоторую основательность в сомнениях неверующих, возможно ли подумать, что в длинном ряде наследников престола св. Иакова, брата Господня, не оказалось бы ни единого ставленника во главе Иерусалимской Церкви, который бы, впервые приступая к священнодействию у Св. Гроба в Великую Субботу и познав святотатственное, дьяволу угодное дело на Гробе Господнем, не возмутился бы душою и не явил, во имя предержимой их хоругви Православия, всю ложь деяния и обман, подозреваемый неверующими?*

* Автор упускает из виду еще то крайне важное свидетельство истинности чуда, что Иерусалим и его святыня находится под владычеством фанатичного врага христианства в лице мусульман - турков. Невозможно допустить, чтобы в ряде веков этого владычества, при том ревнивом придирчивом надзоре за служителями Христа, который свойствен последователям Магомета, не нашлось ни одного фанатика-турка, способного обнаружить обман. Таково уже свойство чистом истины: ее можно ненавидеть и подвергать гонению, но опровергнуть нельзя. То же можно сказать по о представителях инославных христианских исповедании, столь враждебных Православию. (Прим. составителя).

Итак, отрицание сих последних, ничем не удостоверяемое - не есть доказательство".

Составитель "дневника иеромонаха Евфимия" привел здесь почти целиком статью "Старого паломника" в виду важности собранного в ней материала, имеющего отношение к письму духовной дочери отца игумена Антония о том же священном для христианского мира периодическом событии низведения благодатного огня на Гроб Господень, о котором повествуется и в письме этом. Памятуя непреложное слово Спасителя, сказавшего, что *никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего*, составитель не имеет претензии повлиять на скептицизм тех, о ком тоже было произнесено Слово Божие, что *оком увидят и ухом услышат, и не обратятся, дабы Я исцелил их*: цель его заключена только в том, чтобы, доступно его силам, представить и осветить данное чудесное явление, в истинность которого сам он неограниченно верует, предоставляя читателю своему свободу делать выводы, какие только ему заблагорассудится, или вернее, - какие ему внушит Отец его Небесный. Но чтобы дополнить сказание о священном и благодатном иерусалимском огне, не будет излишним привести здесь два поразительных примера схождения благодатного огня из жития преподобного Серафима Саровского. В летописи Серафимо-Дивеевского женского монастыря на странице 160 читаем: "...До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Мантуровой, когда она жила в Дивееве вдовой и тайной монахиней.* "Часто и почти непрестанно, - говорила Анна Михайловна, - я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю я, бывало: ну, можно почитать старца, можно любить и верить ему, да уже не до такой степени... Михаил Васильевич (Мантуров) все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более раздражало. Так вот, раз, когда мы до того уже дошли зимой, что не было чем осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась,

разворчалась, расплакалась без удержу; сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку о. Серафима; начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит да вздыхает... Вдруг, слышу какой-то треск... Смотрю: Господи, страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и глазам своим не верю... Пустая, без масла, лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полная елеем. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную роптунью, недостойную, - никогда более не буду! И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать и, как ни трудно было, все терпела".

* Анна Михайловна Мантурова по исповеданию веры своей была лютеранкой и в замужестве, несмотря на близость ее мужа к великому чудотворцу, преподобному Серафиму, весьма долго не присоединялась к Православию. (Прим. составителя).

Далее там же, на странице 261, читаем: "Раз рассказывал мне (слова Анны Михайловны Мантуровой) Михаил Васильевич: был у батюшки Серафима, они долго беседовали с ним, и во время беседы-то этой Михаил Васильевич вдруг видит, что сперва одна лампадка пред образом у батюшки сама собою зажглась, а потом и другая, и обе светло сами собою затеплились. Михаил Васильевич не мог в себя придти от удивления и даже несколько испугался, что и прозрел в нем батюшка. "Что ты видишь, батюшка, ты не дивись тому и не бойся, - то так должно быть", - сказал о. Серафим.*

* Тот же рассказ я лично слышал из уст Елены Ивановны Мотовиловой, современницы и близком знакомой супругов Мантуровых. Передаю его с ее слов, дополняющих это сказание, но отнюдь его не изменяющих. Был уже вечер, когда совершилось это чудо с лампадами. Становилось темно. В келье батюшки Серафима, вопреки обычаю, не горело ни одной свечи пред иконами, не было затеплено ни одной лампы. - "И подумал я. - так сказывал Мантуров. - что это батюшка лампадок-то не зажигает? Забыл, видно?.." И вдруг, не успев я это подумать, смотрю: сперва по одной лампадной цепочке, а там и на цепочке другой лампы, откуда-то сверху, стал, точно ленточкой, обвиваться голубоватенький огонек; обвился змейкой и зажег обе светильни. Я от страха не смел пошевелиться. А батюшка и говорит: - Не бойся. Мишенька! Тому так и быть должно. Это Ангел Господень зажигает лампы. Вот. был бы ты девственник. - и тебе было бы открыто явление Ангела: но ты женат, и потому тебе Ангела видеть не можно. (Прим. составителя).

Суди теперь сам, читатель! Если только ты веруешь в Бога и в посланного Им Сына Его Единородного Господа нашего Иисуса Христа, то мы пойдем друг друга...

Еще одно замечание, и мы опять перейдем к дневнику иеромонаха Евфимия. Неужели в течение ряда веков фанатизм и враждебность Православию не только ислама, фактического хозяина Св. Земли, но и католиков, армян, в особенности же ожесточенного врага христианства - евреев, неужели бы все эти заклятые враги наши для унижения нашей веры не нашли бы способов и средств изобличить гнусный и кощунственный

обман греческих иерархов, если бы к тому было хотя бы самое малое указание или повод? Однако, в самый разгар фанатизма ислама, католицизма и еврейского Христоробчества - ничего подобного не было. А почему не было? Ответ один: явное чудо не могло быть опровергнуто ничем, и чудо это могло быть совершаемо только православными и никем другим. Скажут, быть может, что тут действовала сила денежного подкупа православными продажных турецких властей. Но кому неизвестно, что сила денежного богатства никогда не была на стороне православных, а была она всегда в руках воинствующего латинства и у главного врага Христа - всемирного богоборца? Да можно ли было и подкупить фанатизм тех же турок во времена всей силы мусульманского фанатизма?..

Кто бог великий, яко Бог наш? Ты еси Бог Творяй чудеса.

ДНЕВНИК ИЕРОМОНАХА ЕВФИМИЯ 1860 ГОД

Многое из обращения великих старцев наших с мирскими людьми утаивается от нашего монашеского наблюдения, частью за собственным делом по послушанию, а частью по близости нашей к их величию: нельзя из близи оглядеть всей красоты и величия горы высокой; от нее для того надо отойти на известное расстояние. Так и мы со старцами нашими: живешь близко, точно привыкаешь, как будто так и быть должно, и уже не дивишься, не наблюдаешь зорко за несравненною красотой духовного их подвига, за дивным величием дел их. А между тем нет-нет, как из-за тучки равнодушной привычки проглянет и блеснет луч их славы, отражения славы Присносушного.

Многие из нас помнят одну бесноватую женщину, которая, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в скит, носила старца Макария, выкрикивая:

- Скоро ли умрет Макарий? Он измучил весь мир... Ох, горе мне!

И действительно, бесам было великое горе от старца. Возьмем хоть такой пример из тысячи, вероятно, ему подобных: один из людей образованного круга имел несчастье подвергнуться припадкам беснования; родные советовались с искуснейшими докторами; те лечили долго дома, наконец, послали больного за границу - на воды; облегчения не было. Несмотря на очевидные признаки беснования (припадки болезни совпадали с днями особо чтимых церковных праздников,* а конвульсии усиливались от прикосновения священных предметов: святого креста. Евангелия, богоявленской воды; наконец, больной не в состоянии был приступить добровольно к таинствам покаяния и причащения), родные боялись или не хотели назвать болезнь своим именем. Один из друзей больного, видя его беспомощное состояние, взялся из сострадания свезти больного к нам в монастырь с тем, чтобы посоветоваться на счет непонятной болезни своего приятеля со старцем, которого он лично знал. Успел ли он уговорить больного или хитростью привез его в монастырь - не знаю; только тотчас же по приезде, остановясь на гостинице, он послал попросить к себе старца, не упоминая ни слова о приехавшем с ним товарище и об этом ничего не говоря и ему самому. Но, несмотря на это, больной, в то же самое время начал обнаруживать сильное беспокойство - признак приближающегося припадка - и заговорил:

* Этот признак беснования - причина его зависимости от чтимых церковных праздников -

не следовало бы упускать из виду современникам моим, ополчающимся в Государственном Совете против праздников; не познают ли они - какому духу этим служат? (Прим. составителя).

- Макарий идет, Макарий идет!

И едва старец вошел в занимаемые ими покои гостиницы - больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова и, прежде чем успели удержать его, ударил старца. Доблестный воин Христов, зная, кто управлял в этом действии рукою несчастного, употребил против него сильнейшее оружие: по заповеди Христовом, быстро подставил ему другую ланиту, произнося слова Евангелия - *Аще, кто ударит в десную твою ланиту, обрати ему и другую*. Опаленный смирением бес оставил страдальца; больной упал без чувств к ногам смиренного старца и пролежал долгое время в совершенном оцепенении. Потом он встал совершенно здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был лишь орудием. Как же было не вопить бесам устами бесноватых, что о. Макарий "измучил весь мир", особенно если знать, как мы все знаем, степень влияния старца Макария и других его сотрудников в делании духовном на направление русской самобытной мысли в лице таких ее богатырских представителей, какими были, например, почивший Иван Васильевич Киреевский или Н.В. Гоголь? Кому с достоверной точностью можно предугадать и учесть, на сколько лет, благодаря этому влиянию, отсрочено было в Вышнем Совете исполнение торжества диаволова дела в России и с нею - во всем мире?..

23 августа

Вторник. В монастырской гостинице скончалась г-жа Мария Михайловна Кавелина, супруга Козельского помещика, ротмистра Александра Александровича Кавелина, из роду Нахимовых, двоюродная сестра Севастопольского героя-адмирала и мать постриженца нашей обители, иеромонаха Леонида.

Год тому назад, бывши на краю гроба, она просила старца Макария, по своей вере к нему, помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее для свидания с любимым сыном о. Леонидом, который был тогда в отлучке из обители. Старец тогда сказал ей:

- Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе. Выздоровев, она говорила близким:

- Бойтесь моей смерти: с нею связана жизнь старца.

За благочестивую ее жизнь и кончина была ее мирная. Глубоко благоговела она к обители нашей: во все посты говела и приобщалась Св. Тайн в обители. Так было и в теперешний Успенский пост. После приобщения она должна была отправиться на праздник к своему семейству, но почему-то внезапно отложила свой отъезд, сказав старцам:

- Что-то мне не хочется ехать.

И осталась; а на другой день заболела и с каждым днем слабела, а 23, приобщившись Св. Тайн за десять минут до кончины, сказала последние слова:

- Я не могу вам выразить моей радости: во всю жизнь не чувствовала себя так покойной, как теперь.

И тут же уснула на веки.

25 по Литургии совершено отпевание ее тела в присутствии супруга и детей: иеромонаха Леонида (Льва - гвардии штабс-капитана), Михаила, отставного поручика, и близких родных. Еще ее сын служит в Св. Синоде, а дочь Александра - монахиней в Борисовском Девичьем монастыре.

Старец Макарий присутствовал при блаженной кончине боярыни Марии, назвал кончину эту "преподобническою" и промолвил:

- Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную.

Еще задолго до смерти г-жи Кавелиной, старец часто стал поговаривать ученикам своим:

- Пора, пора домой!

Теперь слова эти он стал повторять еще чаще. Но видом еще, слава Богу, достаточно крепок, хотя ему уже пошел 72 год от рождения.

26 августа

Старец Макарий внезапно заболел. Вчера 25, накануне празднования явления чудотворной иконы Владимирской Божией Матери, особенно чтимой старцем, он отправлял в честь ее, в своей келлии всеношное бдение, а сегодня заболел припадками болезни, которой страдал по временам и прежде. К вечеру положение больного ухудшилось.

27 августа

Старец накануне вечером исповедовался, а сегодня после ранней обедни причастился Св. Таин. Состояние здоровья не улучшается.

30 августа

Вторник. Старец в 6 часов утра вторично приобщался Св. Таин. Согласно его желанию, вслед за сим. над ним совершено таинство Св. Елеосвящения, которое совершал о. игумен Антоний с 6 иеромонахами. После сего старец простался с братией и сделал необходимые распоряжения на случай своей кончины.

31 августа

Батюшка о. Макарий духом совершенно покоен, и по телу ему как будто получше. На вопрос учеников: "Как нам быть без вас, батюшка?" - старец указал им в Алфавитном Патерике ответ аввы Исаака скитского на подобный же вопрос: "Сказывали об авве Исааке: когда он был близок к преставлению, собрались к нему старцы и спросили: "Что мы будем делать без тебя, отче?" - Он же сказал: "Вы видели, как я вел себя пред вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божий, и Бог пошлет благодать Свою и сохранит место сие; если же не будете сохранять заповедей - не пребудете на месте сем. И мы также скорбели, когда отходили от нас ко Господу отцы наши; но, соблюдая заповеди Божий и завещания старцев, жили так, как будто они были с нами. Поступайте так и вы - и спасетесь".

1 сентября

В монастырских церквях множество спешно прибывших с разных сторон лиц всех сословий, пользовавшихся духовными наставлениями старца. Служат непрерывные молебны, - многие с горячими слезами, - о его выздоровлении. О. архимандрит Моисей говорит:

- Видно, за грехи мои Бог наказывает меня, отнимая у обители опытного старца, а у меня - духовного друга и мудрого советника.

О. игумен Антоний только плачет и молится.

2 сентября

После полудня из Москвы приехала вдова Ивана Васильевича Киреевского, Наталия Петровна, и привезла старцу от Митрополита Филарета финифтяную икону Владимирской Божией Матери и обещание молиться за него Господу Сил.

3 сентября

Старец слабеет. Причастился Св. Таин, которые ему были принесены из церкви.

4 сентября

После вечерни старец выразил желание вновь приобщиться и принял Св. Тайны, уже сидя в креслах. Молитва не сходит с уст его.

5 сентября

В ночь с понедельника на вторник скончался в монастыре 90-летний схимник, Иларион. После утрени, по монастырскому обычаю, троекратный удар большого колокола возвестил братии обители об отшествии в вечность одного из среды их. Все подумали, что это весть о кончине старца, и бросились в беспорядке бежать к скитским вратам. Старец еще жив, слава Богу, но продолжает слабеть.

6 сентября

У старца появилось удушье. После поздней обедни он причастился Св. Таин. Архимандрит Малоярославльского монастыря Никодим привез с собою двух медиков, но им ничего не оставалось делать, как дивиться терпению воина Христова, который страдал молча, лишь изредка стеная, и все время молился.

К вечеру больному сделалось значительно хуже, и он вновь пожелал приобщиться Св. Таин, что и исполнил в 8 часов, сидя в креслах. Около полуночи старец потребовал к себе духовника и, после получасовой беседы с ним, попросил читать отходную. - "Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!" - восклицал старец при чтении отходной, обращая свои взоры то на стоявшую против его ложа на столике икону Спасителя в терновом венце, то на особенно чтимую им икону Владимирской Божией Матери. - "Мать Божия, помоги мне!" - так молился Ей, отходящий в путь всея земли батюшка, прося скорейшего разрешения от уз тела.

7 сентября

Свершилось! В 6 часов утра в последний раз старец удостоился причаститься Св. Таин Тела и Крови Христовых, а в 7 часов, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-й песне, старец предал свою праведную душу в руке Божии. Кончина старца была мирная и вместе величавая, как и вся жизнь угасшего праведника. Питая глубокую сердечную веру к Царице неба и земли, он отошел в обители вечные в предпразднование всечестного Ея Рождества.

9 сентября

Сегодня получено с почты письмо митрополита Филарета.

"Мир вам от Господа!

Что скажет немощный духом, смотря на подвижника, страждущего телом, но не изнемогающего духом? - Потерпи Господа, отче, мужайся и да крепится сердце твое.

Но, Господи, еще и неподвизавшихся и прещения достойных милуеши, облегчи подвизавшегося Тебе ради. Если и праведно ему желати разрешился и с Тобою быти, но и еще пребыти во плоти не благопотребно есть многих ради? Призри на сих и еще им даруй его.

Обаче Ты Един веси лучшая и даруеши полезнейшая. Твоя да будет воля, и Тебе слава во веки. Аминь".

С тою же почтою было получено письмо от лечившего старца доктора. Письмо это замечательно тем, что писавший не принадлежит к Православной Церкви.

"Только теперь, - пишет он, - могу сказать, что видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел, а 18 лет знакомства, кажется, могли открыть глаза. Вот как трудно видеть совершенство, а достигнуть до совершенства, я думал, не в натуре человека... Представьте себе теперь мое положение: увидеть человека таким, каким он должен быть!... Так нечаянно увидеть живой образец человека - потрясло меня. Ах! Почему вы прежде не открыли глаза мне?.. Сохрани нам, Господи, жизнь о. Макария. Но сердце говорит, да и ум, что такой человек есть жилец другого мира: мы недостойны иметь его".

В два часа пополудни тело усопшего о Господе было перенесено из скитской церкви в монастырскую при огромнейшем стечении народа.

10 сентября

Ни запаха, ни признаков тления, несмотря на теплую погоду, от преподобнических останков старца Макария.

После поздней Литургии, которую служил отец архимандрит Моисей с 6 иеромонахами, и по отпевании, им же совершенном с 14 скитскими и монастырскими иеромонахами, взятое от земли предано земле. Вечная память, вечная память почившему праведнику.

Октябрь

Что потеряли мы в почившем старце, про то знает наше монашеское сердце. Но что в нем утратил мир в тех, по крайней мере, его представителях, чье сердце еще сохранило способность воспринимать истину, - показывает лежащая предо мною рукопись,

составленная одним высокоименитым духовным сыном почившего батюшки о. Макария и присланная в обитель нашу с тем, чтобы испросить от о. Архимандрита благословение на ее напечатание.

"Пусть извинят меня, - так пишет автор рукописи, - если начало рассказа моего покажется кому-либо несколько далеким от дела. Я не могу не начать его так: мне нужно показать, что послужило мне поводом к знакомству с одним из великих старцев Руси Православной, который стал впоследствии моим наставником в деятельности христианской, моим отцом духовным, усердным молитвенником пред Богом, у Престола Коего предстоит он в венце праведника...

Итак, несколько слов о себе. Я - русский помещик и, по милости Божией, женат. Оба мы получили современное образование; но, воспитанный покойною моею матерью в православии, я уберег в душе моей искру страха Божия, и ни студенческая жизнь, ни гусарская служба, ни столичные развлечения не погасили ее во мне. Правда, подобно другим, и я редко посещал храмы Божий, забывал утренние и вечерние молитвы, любил театры и разные другие общественные увеселения: но бывали минуты, когда в душе моей неотразимыми упреками заговаривала совесть, и я с глубоким вздохом сокрушения о моем окаянстве обращал мысль мою к Тому, Кто сказал: *Не хочу смерти грешника, но еже обратится, и живу быти ему.*

Однажды случилось мне проехать по делам своим в разные места. Это было в сырую и пасмурную осень. Грязь была невылазная; к тому же и положение дел моих не слишком радовало меня: естественно поэтому, что я был в самом дурном расположении духа. Жена, встретив меня на пороге моего дома, сказала, что к нам собралось несколько знакомых. Не до них мне было; но, делать нечего, я переоделся и вышел в залу. Поздоровавшись с гостями и усевшись вокруг кипящего самовара, мы повели разговоры о сене, о гречихе и других подобных предметах, "вызывающих на размышление". Беседа наша час от часу становилась шумнее; слышались анекдоты и рассказы про разные деревенские случаи... Вдруг докладывают, что в прихожей дожидается какой-то монах. После нескольких минут колебания решено было принять нежданного гостя. Вошел инок и, помолясь пред иконами, объявил, что он - иеродиакон Оптиной пустыни, К. После обычных приветствий, он объяснил причину своего приезда, что, де, послан от обители для сбора добротных подаваний на нужды монастырские. Было уже поздно. Я и жена предложили ему переночевать, он согласился.

Затем мы стали продолжать прерванную беседу и скоро вошли в обычную колею толков и пересудов. Нас немного стесняло присутствие монаха, и потому мы стали вести речь больше на французском языке. Монах молчал. Чувствуя неловкость нашего положения, мы пробовали как-нибудь втянуть в общий разговор и гостя. Как там оно случилось, не помню, но только речь наша коснулась вопросов религиозных; поднялись сначала легкие, а потом и более серьезные споры. Монах все молчал. Наконец, когда я, чтобы прекратить неуместную полемику, заговорил несколько в тоне поучительном, гость прервал свое молчание. Частью из любопытства, частью из учтивости, все наше общество перестало спорить и внимательно прислушиваясь к скромной и простой речи инока. Довольно говорил он; откланявшись затем, он вышел от нас в отведенную ему комнату. Мы тоже недолго оставались вместе: через час каждый из нас отправился с думами, далеко не теми, какие были у всех при начале вечера.

На другой день инок, получив от нас посильное приношение, уехал. К завтраку мы собрались, как и накануне, целым обществом; но уже не тот был у нас разговор: все как-то

не вязалось, не клеилось. Пробужденная простым, но сильным словом инока совесть не давала покоя; что прежде нам казалось пустым и ничего не значащим, то теперь для нас получило смысл и выпукло стало пред открывшимися нашими внутренними очами - по крайней мере, так чувствовал я. До борьбы с грехом было еще далеко, но сознание своей порочности уже явилось; образ жизни пошел по-прежнему, но спокойствие духа уже было нарушено.

На следующий год опять посетил нас тот же о. К. Мы обрадовались ему, как давно знакомому, и упросили пробыть у нас целый день. Мы и не заметили, как прошел этот для нас прекрасный день: так много было сладостного в беседе человека, напитанного духовною мудростью опытных подвижников жизни духовной. Очень естественно, что мне и жене моей захотелось побывать в Оптиной пустыни и познакомиться с тамошними подвижниками, особенно, со старцами: иеромонахом Леонидом (Львом) и иеромонахом о. Макарием, о которых о. К. рассказывал нам много интересного. Впрочем, проект наш на этот раз остался только проектом. Уже на другой год мы с женою исполнили наше сердечное желание и прибыли в Оптину пустынь, помнится, в конце сентября.

Остановившись в монастырской гостинице, мы послали за нашим знакомым о. К. Он не замедлил явиться и, повидавшись с нами, пошел и привел с собою о. Макария.

Первая наша встреча со старцем, против нашего ожидания, не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказ о. К., мы думали встретить подвижника с особенным выражением в лице, с особенными приемами: оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же косноязычный. Я положительно был разочарован; но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением; а в следующие его посещения привязалась к нему всей своей душой.

Отговев и приобщившись Св. Таин, мы возвратились в деревню, а через несколько времени выехали в Петербург.

Это была пора или, как говорят, сезон общественных увеселений. Спектакли, балы, маскарады, вечера не давали отдыха великосветским людям. Не каждый день, но однако ж и мы посещали театры, бывали на балах; только - странное дело! - как-то беспокойна была совесть, и звон колокола, благовестившего ко всенощной, пробуждал в душе чувство, похожее на стыд и угрызение, когда, бывало, уже порешено было нам ехать в балет или в оперу. Нарушение поста тоже перестало нам казаться делом неважным: мы начали понимать, что живем не так, как того требует Православная Церковь. Пред встревоженными взорами души неотразимо стоял старец со своим тихим, спокойным взором, со своею умоляющею речью...

В следующую осень мы опять посетили Оптину пустынь. Отец Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он подробно спрашивал нас о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, отец Макарий заговорил так, как никогда до того не говорил с нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходе его, соревнуя друг другу, записали чудную речь старца Божия!

- Всякий человек, - говорил о. Макарий, - создан для того, чтобы, живя, славить Бога. Создан он хорошим; но, по времени, увлекаемый телесными страстями, ниспадает в

состояние греховное; однако никогда не поздно всякому грешнику стараться возвратить себе первобытное состояние.

Покаяние и старание исполнять заповеди Божий - вот вернейший путь к милосердному Господу для каждого.

Христианину обязательно ежечасно обращаться к Богу и полагать начало исправления своего духовного бытия.

Никто не должен смущаться своим греховным состоянием: *Несть человек, иже поживет и не согрешит*; и чем греховнее человек, тем сильнее будет помощь Божия для изведения его из тины греховной. Но помощь Божия бывает тогда лишь, когда грешник с сокрушением сердца кается, имеет произволение исправиться и, не видя в себе столько сил душевных, чтобы самому собою отторгнуться от дел греховных, ищет помощи Божией. Тут-то часто бывает видимое милосердие Господа, *не хотящего смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему*. Но ни в каком случае не должно ни на минуту отлагать начало своего исправления; и ежели голос совести возбуждает в нас чувство угрызения или раскаяния, то должно усердно молить Ангела хранителя жизни человеческой, да сохранит он нас от тлетворных падений и да поможет нам *работами Господеви со страхом и трепетом...*

Как однако же вяло слово человеческое, когда оно укладывается в размеренные строки и обусловленные знаки, прозванные буквами!.. Доселе чувствуется в сердце та невыразимая сладость, та непобедимая сила речей о. Макария, которыми он тогда потряс все существо наше... Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии; в груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали! И сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах!.. Отец Макарий утешал нас словами Св. Писания и писаний отеческих. Боже мой! Как много было в речах его врачующей елейности, какая чудная заря не вечернего дня Христова поднималась тогда из-за туч нашей грешной души!..

О. Макарий посоветовал нам поговеть и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова. Мы сами видели, как встречали его на дворе гостиницы: ему кланялись в ноги, теснились, чтобы принять благословение и крестились от радости, получив его. Во все время приготовления нашего к исповеди и Св. Причащению, старец ежедневно навещал нас и назидал духовно. Мы раскрывали перед ним все наши помышления... Как-то раз зашла у нас речь о постах. Признаться, я боялся сказать ему о виновности своей в этом отношении, опасаясь услышать строгий выговор за нарушение постановлений Церкви. Вышло совсем не так. Отец Макарий кротко заметил нам, что это дурно, нехорошо, что в Церкви на то и существуют разные постановления, чтобы мы, как дети ее, соблюдали их со всею строгостью; что они обязательны для всякого, невзирая ни на какие условия обыденной жизни: все это он говорил так мягко и ласково, что у меня явилась смелость спросить его: "А можно ли, в случае нужды, например, - в дороге, в гостях, вообще, где неудобно найти постную пищу, разрешить на скоромную?"

О. Макарий, улыбнувшись, отвечал мне на это:

- Могу ли я - иеромонах, разрешать то, что запретила Церковь? Нет, я бы просил вас, хоть из любви ко мне, начать соблюдение постов.

Мы решились послушаться. Сначала трудненько было, а потом привыкли и теперь,

благодаря Бога, не чувствуем в этом никакой тягости.

Разговаривая с о. Макарием, я как-то сказал ему, что живя и вращаясь в свете, случается, что вдруг ни с того ни с сего понравится какая-нибудь девица; слово за слово, и привяжешься к ней да так, что после находишь необходимым, из опасения ревности, скрывать это от жены; даже на молитве и в храме Божиим все думаешь о ней да о ней. Конечно, с течением времени эта привязанность сама собою проходит и забывается, а все-таки...

- Да, - со вздохом сказал о. Макарий, - вам, людям светским, такая ветреность кажется пустою, незначащею: а между тем в ней кроется страшное зло, влекущее за собою бездну бед и напастей и окрадывающее вашу духовную сокровищницу. Спаситель прямо говорит: *Всякий, иже воззрит на жену, во еже вожделети ея, уже любодеиствова с нею в сердце своем*". Видите: вы только взглянули с вожделением, а грех уже совершен и заповедь Господня нарушена. Ас житейской-то точки зрения - сколько горьких скорбен влекут за собой подобные пристрастия! Вот вы теперь, как я вижу, живете счастливо и покойно в вашем семейном быту, любите вашу жену, и она вас любит, откровенны с нею; вы имеет в ней друга, который искренно участвует в ваших скорбях и радостях; а лишь только в сердце ваше проникнет помысл об измене - искушитель тотчас схватится за него и повлечет вас с такой силой, что трудно уже будет остановиться и воротиться к священному вашему долгу. До падения тут уже недалеко; а совершись оно - все тогда расстроилось! В жене вашей, если она верна вам, вы будете иметь скорее врага, чем друга; вместо любви, вы начнете питать к ней ненависть; вместо утешения, вы будете видеть в ней помеху удовлетворению вашей грубой нечеловеческой страсти; вы и не заметите, как станете беззаконным врагом вашей законной супруги, что за горькая будущность такой жизни! Но это еще здесь; а что там - за гробом!.. Страшно... Страшно грешнику впасти в руце Бога Живаго!

- Научите же, батюшка, - сказал я, - как сохраниться от страстных увлечений вообще, и от соблазняющих помыслов дома на молитве и даже в церкви?

- Начало всех этих искушений, - отвечал старец, - есть гордость. Вообразит себе человек, что он живет благочестиво, нимало не рассуждая о своей греховности да еще иногда и осуждая других, - вот. Господь и попустит действовать на него козням врага... Будьте внимательны к своему образу жизни, поверяйте вашу совесть, - и вы всякий раз невольно будете приходить к тому убеждению, что вы еще ни одной заповеди не исполнили, как следует христианину. Рассуждая таким образом, вы ясно увидите ваши немощи душевные, которые влекут за собою и плотские падения. Чтобы избавиться от этих падений, должно приобрести смирение. Что же касается до греховных помыслов в церкви и дома на молитве, то этим смущаться не должно, ибо это происходит не от вас, а от врага; вы же старайтесь не коснеть в этих помыслах, а скорее обращайтесь к Богу с молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного! - Вот вам пример: когда родители идут с маленькими детьми своими гулять, то обыкновенно детей пускают вперед, чтобы не выпускать их из виду; вдруг откуда-нибудь из-за угла выбежит собака и бросится на детей, - что делают дети? Сейчас же кидаются к родителям с криком: "Папа! Мама!" - Они с детскою простотою и чистою верой ожидают помощи от родителей. Так и вы на пути вашей временной жизни, ежели искушитель наш дьявол и начнет кознодействовать, не смущайтесь и отнюдь не помышляйте обходиться своими собственными средствами, но с детскою простотою спешите к Отцу Небесному с воплем: Господи, я - создание Твое, помилуй меня!.. Наконец, скажу вам и то, что, по моему разумению, трудно сохраниться от соблазнов жизни, живя в больших городах. Как устоять

человеку, еще слабому в духовном делании, против искушений современного света? Заметьте, что настоящее светское общество состоит частью из людей иноверных, частью из христиан, хотя и православных, но, по слабости их, так увлеченных обычаями света, что они православные лишь по имени, а в сущности далеко уклонились от истинного Православия. Трудно бороться со страстями, но несравненно труднее устоять против постоянных соблазнов. Наконец, роскошь, следование за модой, самые потребности жизненные - все это так дорого, что какого хотите состояния мало для удовлетворения всем требованиям света. Вот вы сами говорите, что ваши денежные дела в расстройстве; а как поживете подольше в деревне, средства-то ваши и поправятся. Да это ли одно! Душа человеческая как существо бессмертное не может оставаться в одном и том же положении: она или улучшается, или ухудшается; очень немудрено, что при тихой деревенской жизни - конечно, при помощи Божией, - духовное ваше устройство должно хоть сколько-нибудь улучшаться.

И много говорил мудрый старец такого, что глубоко запало в душу, жаждущую слова правды.

Никогда в жизни моей не ощущал я такого усладительного спокойствия, как в эти незабвенные минуты с благодатным подвижником; все помыслы стремились к одному твердому намерению - положить начало жить, как следует православному христианину. Слова старца, как роса небесная, ложились на иссохшую землю сердца, и чуялось, как внутри его начинало прозябать зерно сладкого упования, что и для меня не закрыт путь спасения, путь к блаженной жизни, что и я могу быть христианином не по одному названию. Я намеревался совсем покинуть зимние поездки в города, потому что после этих собеседований и мне, и жене моей решительно опротивела шумная городская жизнь. Мы как будто в первый раз увидели логичность той простой истины, что гораздо будет разумнее привести в порядок свои дела и, вместо того чтобы проживаться, например, в Петербурге, иногда пополам с нуждой, - жить безбедно и даже со всеми удобствами в деревне.

В таком настроении чувств и мыслей воротился я домой, усердно занялся хозяйством и стал жить, следуя, по возможности, советам о. Макария.

Наступили Филипповки. Я стал строго содержать пост; но, увы, похотствующая на дух плоть скоро взбунтовалась против святого постановления Церкви. Сначала - колебание, потом разные думы и размышления, наконец, даже - досада на старца Божия, возмутившего, как мне казалось, спокойствие моей совести, - все это решительно расстроило меня. В таком раздраженном состоянии духа я как-то резко сказал жене, что мне надоело жить в деревне, что, собравшись с деньгами, я положил ехать в Петербург, куда, действительно, меня звали родные. Жена выслушана меня спокойно, но потом мало-помалу принялась отсоветывать мне поездку; она умоляла меня хоть на этот раз послушаться старца. Но я-таки настоял на своем и сказал решительно, что едем в Петербург в первых числах декабря.

Оставалось дней пять до отъезда; мне что-то нездоровилось. Вообразив себе, что это от постной пищи, я приказал готовить себе скоромную. Но в первую же ночь после нарушения заповеди, когда все в доме угомонилось, оставшись один, я почувствовал какое-то беспокойство, похожее на угрызение совести: самовольное разрешение на скоромную пищу, а, главное, ропот на о. Макария и преслушание любвеобильного его совета преследовали меня неотразимо. Я не спал почти всю ночь. Утром я рассказал об этом жене; она снова начала упрашивать меня отложить поездку; но опасение показаться

бесхарактерным не позволяло мне согласиться на ее представления. Кончилось тем, что, после долгих споров, мы положили послать нарочного в Оптину пустынь с письмом к о. Макарию и просить его благословения на поездку в Петербург, объяснив и причину тому. Я принялся писать; но, - странно, вместо того, чтобы приступить прямо к делу, я по какому-то неудержимому чувству своей виновности, писал вовсе не то, что думал писать, принимаясь за перо. Вот что написал я: "Долго думал я, как начать письмо мое к вам, благодетель и покровитель души моей, батюшка отец Макарий! Случалось мне красно выражаться в сочинениях светских, но недоумею выразить того, что чувствую в настоящую минуту. Умоляю вас принять и обратить внимание на мое послание. Виноват пред вами, виноват пред Господом: простите ради милости христианской! Свежо сохраняются в памяти моей ваши благие советы, но, увы, почти ничего из них не исполнено. Очень горько мне, и крайне смущает меня, что не исполнил я ваших приказаний. Я со страхом решаюсь писать к вам, но письмо мое состоит из верного описания моих греховных действий и помышлений. Я по делам моим решился ехать в Петербург без вашего благословения; я сетовал на вас, что вы не советуете поездки в столицы. Наперед прошу вас простить меня, как наигрешнейшего сына Церкви. Сознаюсь вам, я и теперь боялся писать о неисполнении советов ваших, даже тяготился ими, помышляя так: ведь я - не монах, не могу оставить мира. Наконец, и теперь меня не оставляет мысль, что вы воспретили мне поездки в столицы и мирские увеселения. Все описанное сильно тревожит мою грешную душу, но более всего боюсь что-либо утаить от вас..."

Письмо мое было наскоро переписано и отправлено.

Когда нарочный уехал, я стал перечитывать черновик письма и пришел в необыкновенное смущение. Мне сделалось так досадно и на себя, и на жену, и на о. Макария, что я готов был послать в погоню за нарочным и воротить его. и послал-таки, но посланный возвратился ни с чем. Я был просто вне себя от досады и тогда только успокоился, когда получил от о. Макария ответное письмо. Вот оно:

"Достопочтеннейший о Господе! В письме вашем сознаете в некоторых случаях неисполнение должного, называя оное моим приказанием. Но что я значу и могу ли что кому приказывать? Да, без вопроса не могу никому и ни о чем советовать; а кто о чем вопрошает меня, я, молясь тогда, призываю Бога в помощь, что кому и как должно говорить, но не приказывать, а давать советы, согласно с заповедями Божиими и постановлениями Церкви. За неисполнение оною я не могу требовать отчета или взыскания, ибо я не о себе советую, а всякий должен поверять свою совесть, в чем согрешит пред Богом, и приносить раскаяние с намерением положить начало ко исправленною. Вы боялись мне сознаться, помышляя, что вы - не монах и не можете оставить мира, и что я воспрещу вам поездки в столицы и мирские увеселения. Это как же? Какое право я имею воспрещать вам? Но должен сказать не как монаху, а как христианину, учение св. Апостола: *Аще кто хочет быти друг миру, враг Божий бывает, и паки: Не любите мира, ни яже в мире; аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем, яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть.* Видите, что есть мир, которого дружба поставляет на вражду с Богом; **не люди, но страсти, которым мы подвергаемся из подражания миру и свету.** Не подумайте, что, написав вам это, воспрещаю вам обращаться с миром, но я только предлагаю вам учение Апостолов в предосторожности. Вы имеете самовластие, разум и закон: могу ли я посудить самовластие, разум, рассуждение и волю? А вы можете избирать, что хотите - благое, или сопротивное".

Прочитав несколько раз письмо старца, я не знал, что предпринять; но когда мысли мои

пришли в нормальное состояние, взволнованный дух успокоился, тогда я взвесил на весах моего разума истины, предложенные о. Макарием. Какая логически верная правда, что суетная дружба с миром поставляет нас во вражду с Богом! Очень ясно, что не люди, а страсти наши, которым мы так легко подвергаемся из подражания свету, беспрестанно увлекают нас к падению. Кто из нас, поверив свою совесть, не сознает, что если не совсем невозможно, то очень трудно удержаться от подражания светским, не совсем-то православным обычаям! Возможно ли сохранить чувство целомудрия в обольстительно изящном балете? Явится ли сокрушение духа после крикливой оперы, или смирение - после потешного водевиля?... Соображая все это, я чувствовал, как сердце мое сжималось тягостною тугою; во взволнованной душе поднимался вопрос о смертном часе: ужас объял меня, и я "чаях" только "Бога, спасающего меня от малодушия и от бури".

Вспомнились мне в эти минуты слова старца о детях, гуляющих под призором родителей, и, смущенный духом, я думал с детскою простотою обратиться к Богу с испрошением Его помощи. Но где же взять простоты детской? Она чужда растленному человеческому сердцу; она подавлена кичливым разумом и безмерным самолюбием... Делать было нечего: приходилось обратиться к смиренной мудрости старца Божия. Мы так и сделали: вместо поездки в Петербург, отправились в Оптину пустынь.

С каким-то замиранием сердца въехал я на двор монастырской гостиницы. Было около трех часов пополудни. Лишь только отвели нам квартиру, вошел к нам о. Макарий, бывший на ту пору в гостинице. Благословив и приветствовав нас, он сказал шутливым тоном: "Видите, какой я страшный! Вы за сто верст и то меня боитесь. А я, ежели правду сказать, радуюсь и благодарю Бога за вас; ведь вы не меня боитесь, а вас пугает, что живете-то нехорошо. Не смущайтесь, однако ж, этим: Господь вам поможет. Полагайте начало вашего исправления. Имейте только произволение благое, а уже Господь устроит ваше спасение. А ежели я неискусен и не сумел вас научить так, чтобы вы не смущались, то в этом простите. Бога ради, и не посетуйте на меня: ведь я тоже человек, как и все люди, даже грешнее многих, очень многих. Ежели и вы что-нибудь помыслили или сказали обо мне что-либо худое, то забудьте и не думайте об этом. Мы - христиане: каждый из нас обязан, прощая друг другу, понести немощь братскую, по словам Апостола: *Друг друга тяготы носите, да так исполните закон Христов*. Успокойтесь, прошу вас, и будьте мирны".

Поговорив еще немного, отец Макарий ушел. Оставшись один, я подумал: что за чудеса такие! Несколько недель душа моя была в непрерывном волнении, мысли беспрестанно менялись и порождали в сердце то злобу, то досаду, тоску, беспокойство - и вдруг после его ласковых, исполненных христианской любви слов, вся эта буря духовная миновала... Неужели это от воображения? Отчего же, однако, никто другой никогда не влиял на меня так, как этот простой монах? Ведь это же не сказка, что я назад тому сряду несколько недель был нездоров душою, почти ни одной ночи не спал покойно, - и вот теперь чувствую, как будто на свет народился. Нет, поневоле пришел к тому убеждению, что тут есть Божественная благодать, всегда *немогущая врачующая*, что она уврачевала меня, при молитвенной помощи старца, что вместе с ним явилась ко мне всесильная помощь Божия и изгнала из души моей скорбь, замирание сердца заменила какою-то тишиною, пролила во все существо мое легкость, мир и спокойствие. "Нет, старец Божий! - сказал я решительно, - теперь уж не отстану от тебя, и, насколько сил хватит, буду исполнять все твои советы!"

В течение нескольких дней, проведенных нами в Оптиной пустыни, вот что, преимущественно, сохранилось в моем памяти.

Когда у нас зашла речь о последнем письме старца, по которому я и приехал в обитель, о. Макарий сказал:

- Помните, - я писал вам, что вы имеете самовластие, разум и закон. Рассудите здраво: вам дана воля жить, как вы хотите; дан нам всем закон, как обязаны мы жить и, наконец, - разум, чтобы понять закон и видеть, как управляем мы нашею волею: сообразны ли с уложением закона по воле нашей творимые дела? Что преобладает в нас: твердое ли намерение исполнять заповеди или лукавый и вместе с тем заманчивый соблазн житейских наслаждений? Кто в состоянии сам собою устоять против искушений вражьих? Кто, пlying по житейскому морю, не знает бурных напастей на зыбких волнах? А между тем каждому из нас надо стремиться к тихому пристанищу, возводящему от тли ко Господу, Который призывает всех труждающихся и обремененных, обещая упокоить их. Помните, что все мы здесь временны, и никому неизвестно, когда мы предстанем пред Господом Славы; но ведайте, в чем нас застанут, в том и судить будут; и ежели мы наше самовластие употребим во зло и разумную волю нашу не покорим закону, повторяю - страшно будет грешнику впасть в руке Бога Живаго... Не подумайте, чтобы я предлагал вам убежать общения со светом или чуждаться знакомства с добрыми и хорошими людьми. - нет: всякий человек должен жить там, где Господь определил ему жить. Вы - человек светский, вы - член вашего общества: не чуждайтесь же его, но старайтесь жить благочестиво, никого не осуждая, всех любя; во всех житейских столкновениях укоряйте себя, стараясь извинять другого. Если же вас кто чем оскорбил, то помышляйте, что это попущено Богом, дабы испытать, насколько велико ваше христианское терпение. Поминайте чаще величие Божие и свое убогое ничтожество; будьте внимательны к своему деланию и не допускайте в себе мысли о вашем достоинстве, подобно фарисею, но почаще повторяйте молитву мытаря; читайте книги старческие; выпишите себе духовные журналы, - это будет занимать вас и утверждать в духовном делании".

"Когда я обжился в деревне, - так продолжает автор рукописи, - и познакомился ближе с соседями, прошел слух, что меня хотят назначить на службу по выборам. Крепко мне не хотелось закабалить себя на несколько лет, не предвидя в этом ничего, кроме стеснения в жизни и лишения себе свободы. Увидавшись с о. Макарием, я обратился к нему с вопросом, как он мне посоветует поступить в этом случае.

- Не должно искать или просить, - отвечал он, - чтобы вас избрали на какую бы то ни было должность, но ни в каком случае не должно и отказываться, ибо не совсем добросовестно уклоняться от служения обществу, тем более, что ежели жребий служения падает на вас, то это, конечно, не без Промысла Божия, которому каждый из нас смирением и любовью должен покоряться. Наконец, ежели никто из благонамеренных и способных людей не захочет служить, то, поневоле, место его займет какой-нибудь малознающий, или того еще хуже, человек с малыми средствами к жизни, который иногда будет не в силах устоять против искушений денежных, могущих встретиться на службе: вами же выбранный человек начнет брать взятки, судить пристрастно, - а вы приметесь его бранить, осуждать да сердиться на него, - а кто виноват? Вы сами, потому что ленились служить, тогда как имеете все средства к тому, чтобы удержаться от каких бы то ни было незаконных доходов. Ведь вас не соблазнит мшелоимство? - спросил он, устремив на меня свои добрые, в душу проникающие очи, - не правда ли?

- Конечно, - отвечал я, - лично для меня это неопасно. Бывши в гражданской и военной службе, я никогда не имел никаких доходов; убежден и теперь, что никогда и впредь их иметь не буду.

- Ой, как вы нехорошо говорите! - почти с гневом перебил старец. - Какие у вас горделивые мысли! Как можно так самонадеянно говорить? Неужели вы не знаете примеров, что бывали люди, о коих общественное мнение говорило, что они, в строгом смысле, честны, - и не ошибочно было это мнение: они действительно были безукоризненно честны; но когда доверили их распоряжению большие суммы, то тут-то лукавый и попутал их, - горделивое самолюбие сказало: страстная привязанность к житейским наслаждениям искусила их слабые души. Конечно, не без труда и не без угрызения совести решились они поклониться тельцу золотому, как средству для удовлетворения своих страстей. И пали они оттого, что их честность была основана на одном лишь самолюбии: они были самонадеянно честны и притом боялись только света, не помышляя о будущей жизни и об ответственности пред Всеправедным Судьей живых и мертвых... Вам советую я о своих намерениях рассуждать без самонадеянности, но со смирением. Понятно, что вас не соблазнят сто рублей или тысяча, положим даже более этого, потому что, по вашему состоянию, подобная сумма не так еще важна; а если бы представился вам случай приобрести мильон, несколько мильонов, и приобрести их с надеждою - авось не узнают: что бы вы сделали? Я вам на это отвечу так: если обратитесь к Господу, то Он поможет и сохранит вас от постыдного падения: а если понадеетесь на себя, то весьма немудрено, что впадете в преступление, от чего да сохранит вас Господь Бог и Царица Небесная!..

Раз как-то сказал я о Макарию, что ко мне заехал монах со сбором на монастырь, что он держал себя неприлично своему званию, и манеры его были для меня так неприятны, что я рассердился и с трудом удержался, чтобы не высказать ему этого. Отец Макарий задумался и потом сказал:

- Попал к вам в гости наш брат-монах и держал себя неприлично своему званию - жалко его! А все-таки это случилось не без Промысла Божия, путеводящего всех нас. Почему вы знаете: может быть, Промысл звал его к вам, чтобы испытать, насколько у вас христианской любви и снисхождения к впадшему во искушение человеку? Подумайте-ка хорошенько: ваши дело осуждать его? Конечно, нет. Ваша обязанность: странного принять, успокоить его да, по силе возможности, подать ему. Знаете ли вы, что если вы принимаете пришедшего к вам во имя праведника, то мзду праведнику примите; - если монаха, носящего на себе чин ангельский, достолично примете, то и за это мзды не лишитесь. А что монах чин свой носит неправедно, в том за него ответственность не будете: да, притом, вы видите только, как он погрешает, а известно ли вам, как он кается? Быть может, его раскаянию и Ангелы Божий радуются...

Бывая в Оптиной пустыни, я познакомился с одним из духовных детей о. Макария. Знакомцу моему случилось по делам своим заехать в нашу сторону. Верстах в тридцати от нашего имения он захворал. Узнав об этом, я тотчас же навещил его, ухаживал за ним, как нянька - словом, употреблял все средства, чтобы быть ему полезным. Больной трудно поправлялся и, по приговору медиков, едва ли должен был встать с болезненного одра. Но, к общему удивлению, он выздоровел и, приехав ко мне, вместо благодарности наговорил и наделал мне кучу неприятностей. Я страшно рассердился и если не наговорил ему дерзостей, то только из приличия и из опасения не наделать какого-либо скандала.

Увидавшись с о. Макарием, я рассказал ему все, что случилось, и горько жаловался на моего знакомца, не стесняясь нимало в изливании своего гнева. Отец Макарий все слушал да молчал. Мне стаю досадно: замолчат н я.

- Действительно. - сказал о. Макарий с обычной ему скромностью, - этот человек немного неосторожен, даже неучтив иногда; но что ж мне с ним делать? Видите, каковы у меня духовные дети! Я иногда тоже бываю немирен к нему и даже часто браню его. Что же? И меня иногда не слушается. Сколько раз я выговаривал ему за то, что он без толку ездит н каждый год испортит или совсем загонит несколько лошадей. Ведь это тоже нехорошо, - говорю ему; а он противоречит. Погодите: вот, как он ко мне придет, я поговорю с ним, н, если Господь поможет, вы помиритесь. А вам теперь советую умирить ваш гнев и поговеть. Это дело будет полезней для души вашей.

Я начал говеть; а через несколько дней приехал и оскорбивший меня Оптинский мой знакомец. Когда я пришел к о. Макарию принять от него прошение и благословение к исповеди, старец сказал:

- Да ведь вы еще немирны к такому-то. Как же вы приступите к таинству покаяния и причащения, не примирившись со всеми? Я прошу вас: докажите мне на деле, что у вас есть желание приобрести смирение: смиритесь и попросите прошения у оскорбившего вас.

Трудно было совладать с оскорбленным самолюбием. Я несколько минут колебался, но потом увидел, что делать было нечего: надо было покориться старцу. Впервые в жизни пошел я просить прошения у человека, оскорбившего меня; но когда я вошел к нему и поклонился, он так смутился, что мне стало жаль его. Мы обнялись с ним и поцеловались лобзанием мира. С необыкновенною радостью в сердце я возвратился к батюшке.

- Спаси вас. Господи, за ваше ко мне послушание! - сказал старец, когда я ему поведал все бывшее между нами:

- Вот теперь идите исповедаться: Бог вас благословит!

По принятии Св. Тайн я еще несколько дней оставался в пустыни и, при разговорах с о. Макарием, сказал как-то:

- Отчего вы, батюшка, в ту пору, как я жаловался на такого-то, не укорили меня, а напротив, даже сами осуждали его, принимая мою сторону? - Да, - отвечал старец, - я согрешил в этом, что осудил брата моего; но что ж мне было делать? Если бы я тогда начал укорять вас, - очень немудрено, что вы и против меня стали бы немирствовать. Ведь огонь маслом не тушат. Когда человек немирен, то противоречие только раздражает его. Должно дать место гневу. А когда бурное состояние позатихнет, мир начнет водворяться в душе его, - тогда можно и совет предложить, который гораздо вернее подействует и примется с большею любовью. И вам советую в подобных случаях быть осторожным: человека, в гневе сущего, не укоряйте, не обличайте и не спорьте с ним, а лучше оставьте его в покое. Будьте только внимательны к самим себе, чтобы не впасть в немирствие, и когда чувствуете, что сердце ваше раздражается, то поминайте мысленно молитву Иисусову и старайтесь положить хранение устам своим.

В течение нескольких лет знакомства моего с Оптиной пустыней и руководства о. Макария, я начитался и наслушался многого из Священного Писания и от старческих книг. Свойственное мне самолюбие родило во мне охоту вести религиозные разговоры в обществе разнородных людей, иногда вступать в споры, с желанием поставить на своем. Когда я встречал сопротивление, то я раздражался и выходил из себя. Однажды я рассказал об этом отцу Макарию, - и вот что отвечал мне на это:

- Ежели вам случится сойтись с людьми едино-мысленными, то отчего же не говорить о религии?

Этот разговор несравненно лучше и приличнее для христианина, чем какое-нибудь празднословие и пустословие. Почему не послушать духовно разумную речь благомыслящего человека, или отчего не передать того, что вы сами знаете? Но если возникнет спор, то гораздо разумнее избегать его, по учению Апостола, воспрещающего словопрение, потому что оно служит *не на потребу, а на разорение слушающих* (2 Тим. 2, 14). В этом случае лучше прекратить разговор, но и то разумно, со смиренномудрием, - или переменив предмет рассуждения, или постепенно выйдя из него, но не заключать разом, как бы внезапно, ибо такое молчание легко может в спорящих породить такую мысль, что вы пренебрегаете их образом мысли, или что вы не хотите с ними говорить, считая их недостойными вашего разговора. Во всяком случае, должно стараться всякого человека умиротворить, а не вовлекать его в страсть гневную. Ведайте и то, что для противоречащего поучение бесполезно, ибо поучается лишь тот, кто желает и ищет поучения.

Много бы и еще можно поведать назидательных речей и уроков в Бозе почившего старца Макария, но довольно и этих, чтобы видеть всю духовную мудрость и опытность человека Божия.*

* Эта опытность и мудрость с особенной силой сказалась в письмах старца Макария к монашествующим и мирским, изданных Оптиной пустыней.

Постараюсь, насколько сумею, очертить общий характер его наставнической деятельности.

Что ни предлагал бы старец о. Макарий, он всегда ставил в главизне своих советов - смирение: из этой добродетели он выводил все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь пред собою Его милосердие беспредельное и всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Бога прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему; хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу; чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих домочадцев и всех знакомых; вспоминать почаще заповеди Божий, стараться исполнять их, равно как и постановления церковные; если возможно, несколько раз в год говеть и причащаться Святых Тайн; соблюдать все четыре поста, а также среду и пятницу; каждый праздник бывать у всенощной и у обедни; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов, а ежели время позволяет, то - главу из Евангелия и Посланий Апостольских. Кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живущих и во главе сей молитвы с благоговением молиться о Государе Императоре и о всем Царствующем ДOME. Если же какую-либо из сих обязанностей, по каким-нибудь обстоятельствам, не привелось бы исполнить, то укорять себя в этом, приносить чистосердечное раскаяние с твердым намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаешь какое-либо

неудовольствие, так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе. - Вот сущность уроков, которые преподавал о. Макарий всякому, жаждавшему от него назидания и поучения.

Отличительною чертою характера о. Макария была невыразимая любовь к ближнему. Когда он слышал о каком-либо несчастье или скорби ближнего, или о каком-либо греховном падении, или о семейной ссоре и т. п., - то, как ни старался старец скрывать свои чувства, всякому видно было, что он соскорбнт скорбящим и всею душою соболезнует о них. Какую чистою любовью радовался он, когда с кем бы то ни было случалось что-либо достойное духовной радости! Один знакомый мне господин около двадцати лет жил врозь с женою; ненависть между супругами была взаимная; но, вследствие увещаний старца, они сошлись и живут теперь так, как приведи Бог каждому жить. С каким восторгом батюшка рассказывал нам об этом, относя, разумеется, успех дела не к себе, а к Богу, не хотящему смерти грешника, и искренно воздавая хвалу Ему!

Изумительно было спокойствие старца в минуты его наставнической деятельности! Он с одинаковым терпением выслушивал нелепое суеверие и безумное вольнодумство, бессмысленную жалобу крестьянской женщины и замысловатую пытливость эмансипированной барыни, бесхитростный рассказ простолюдина и хитросплетенную фразу: ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного духовного спокойствия - все было покорено им в себе глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания. Не цветисты были поучения его, но в них слышался дух, чувствовалась теплота; размягчалось самое ожесточенное сердце...

Накануне кончины о. Макария, 6 сентября, я удостоился с семейством моим принять от него последнее благословение. Благодетель наш благословил нас иконами. И вот последние, чуть слышно произнесенные слова его к нам:

- Помните Бога и смертный час; храните мир и любовь между собою и ко всем!

Быв лично свидетелем блаженной кончины праведника, я только то могу сказать: пошли Бог всякому сподобиться такого мирного, безмятежного переселения от временной жизни в вечную!..

"Это что-то необычайное! - сказал отец архимандрит Моисей при перенесении усопшего из скитской церкви в монастырь. - Восемьдесят лет живу я на свете, а не видал таких светлых похорон. Это более походит на перенесение мощей, нежели на погребение".

"Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их, и утешение их у Вышнего".

* * *

Да пребудет благословение Божие на сказании сем доброго мирского ученика и послушника великого старца нашего, отца Макария! Да растворит его Господь солью Своею, и да осолит оно сердца читателя во еже познавать силу Божию, в нашей человеческой немощи совершающуюся. Много, много жатвы на белеющих уже нивах Господних: да изведет Господин жатвы делателей Своих! Еще день, хотя и близкий к своему закату, но все день, и можно пока работать во славу Божию и на спасение душ человеческих. Скоро наступит ночь, когда уже престанет всякое делание. Благослови же, Господи, трудников Твоих Твоего единонадесятого часа!..

1861 ГОД

Январь

Девушка Р., благочестивая сама и из рода благочестивого, подверглась такому искушению, о котором если бы поведать современным нашим умникам, то легко было бы за сообщение это угодить в их глазах в "обскуранты". И выдуманно же такое словечко, которое столь же чуждо и русской душе, и русской речи, как чужды им и сами изобретатели!.. О подобном искушении православному христианину ведомо из жития Священномученика Киприана и святой мученицы девицы Иустины, память которых празднуется Церковью 2 октября. Девушку Р. подверг своему преследованию один молодой человек, который, видя, что все его усилия возбудить в ней к себе взаимность остаются тщетными, обратился к волхвованию и с помощью чародея стал наводить на нее бесовское обольщение. В наше время, с поражающим скорбное внимание духовного наблюдателя развитием силы бесовского спиритического учения, с новой энергией пробудились к действию адские силы, которые под своей властью столько веков содержали языческое человечество. Девушка Р., предупрежденная своей верной служанкой о кознях того человека и начиная ощущать в себе действие вражеской силы, обратилась с теплой молитвой к Богу. В одну ночь верная ее служанка видит сон, что какой-то высокий монах плотного телосложения входит в комнату ее барышни, берет барышню за руку и выводит с собою, но уже в монашеской одежде. Вечером того дня, когда был виден этот сон. наш отец игумен Антоний, не будучи знаком с семейством Р., неожиданно посетил его. При вступлении его в дом Р., целая толпа бесов, видимых о. Антонию, напала на него, с бранью и угрозами воспрещая ему вход; но старец Божий не убоился угрозы врагов рода человеческого и разогнал их именем Божиим. Когда о. игумен вошел к Р., то всеми было замечено, что мертвенная бледность покрывала лицо его. Служанка же в нем тотчас же узнала виденного ею во сне монаха. После этого посещения девушка Р., почувствовав к батюшке полное духовное доверие, написала к нему письмо, в котором и открыла страшную историю своей жизни, прося духовной помощи. Старец понял, что для этой девицы одно спасение - удалиться в монастырь; но родные ее об этом и слышать не хотели. О. Антоний стал усердно молиться о ней ко Господу и в то же время письмами своими укреплял ее в борьбе с невидимыми бесовскими силами, наведенными на нее чародеем. Через несколько времени о. Антоний посоветовал всему этому семейству отправиться в Н. монастырь, где должно было совершиться пострижение в монашество некоторых лиц. Предложение это было принято и, за молитвы старца, обряд пострижения произвел такое впечатление на мать девицы Р., что, при выходе из церкви, она неожиданно объявила свое согласие на вступление и дочери своей в монастырь. Теперь девушка Р. находится в Т-ском монастыре. Но чародей хвалился, что он вытащит ее и из обители. Действительно, юная послушница продолжала ощущать и в монастыре действие вражеской силы, не имея покоя ни днем, ни ночью; и опять она находила себе подкрепление в молитвах и советах о. Антония. Совершенное же избавление от томительного вражеского искушения она получила чрез великого святителя, благодарение Богу, и поныне здравствующего Московского митрополита, Филарета: он ей явился однажды во сне, прочел 60 псалом, велел ей повторять за ним стихи этого псалма и потом дал ей заповедь выучить его наизусть. Проснувшись, она почувствовала, что искушение, томившее ее в продолжение многих лет, совершенно отошло от нее.

Февраль

19 сего месяца Россия вступила на новый путь - свободы. Волею Благочестивейшего Самодержавнейшего Государя Императора Александра II русский народ освобожден от крепостной зависимости. До сего дня он шел путем послушания и смирения; теперь - свободы и, по-видимому, без указания на необходимость сохранения за собой прежних христианских добродетелей. Во что может обратиться подобная свобода, мы видели уже на примере Франции и на других Европейских государствах. Но то - Запад, а на западе что может быть, кроме царства тьмы? Мы - Восток; но и на востоке солнце также восходит и... заходит. Да не узрят очи мои царства тьмы!

Май

16. О. архимандрит Моисей, ехавши с дачи, упал, по оплошности кучера, с таратайкой на бок и повредил в боку своем бывшим у него молитвенником ребра. Растирания и банки не доставили облегчения, так что 20 и 21 - Царские дни - не в силах был выходить в церковь.

20. Замечательное событие. Один из Козельских жителей, узнав, что в Оптиной есть излишек запаса картофеля, покупал его под разными предлогами, как бы для себя, по 3 1/4 копейки за меру, а между тем, как после обнаружилось, продавал его по 16 копеек за четверик (2 меры) и даже дороже **нуждающимся** для **сажания** на огородах. И **так** скупил и перепродал до ста четвертей. В ночь с 14 на 15 дом его, за плутни против Богоматери, сгорел до основания...

"Кто Тебя не ублажит. Пресвятая Дево!"

4 августа

День приснопамятный. Аз, грешный и непотребный иеромонах Евфимий, 4 августа 1831 года, пополудни в 4 часа прибыл в сию святую обитель - Оптину пустынь и с того числа нахожусь в ней безысходно. Тридцать лет исполнилось уже моего здесь пребывания! Увы мне, грешному! Скольких благодеяний удостоен я, по милосердию Господа нашего Иисуса Христа, чрез святых старцев сей обители, особенно же чрез о. настоятеля архимандрита Моисея, моего главнейшего благодетеля и отца, и почивших иеромонахов - Льва и Макария, а также всех монашествующих в обители и в Скиту, терпящих немощи мои даже доселе! А что сотворил я им в благодарность за все их ко мне милости? Положил ли я хоть начало своему спасению? Увы, увы, увы!

Но слава и благодарение Господу Богу за все!

4 августа 1831 года прибыл в обитель сию.

24 июня 1835 года посвящен в стихарь.

В марте 1836 года пострижен в рясофор и определен указом в братство.

4 августа 1840 года пострижен в мантию.

18 июня 1843 года посвящен в иеродиаконы.

29 августа 1850 года посвящен в иеромонахи.

1859 года. Возложен крест для ношения на Владимирской ленте, бронзовый, учрежденный в память войны 1853 - 1856 гг.

Но спасут ли мою окаянную душу в день он все эти милости, щедро на меня излианныя?..
Боже мой. Боже мой! Милостив буди ми, грешному!..

5 ноября

Пополудни в 3 часа почил о Господе иеродиакон Папладий на 78 году от роду. В Оптину он прибыл в 1814 году послушником из Плошанской Пустыни. Это был старец, якоже един от древних, 7 ноября совершено погребение многоболезненного тела его, по Литургии, отцом архимандритом Моисеем (он же - духовник его) соборно: облачались 8 иеромонахов и 2 иеродиакона. К месту последнего упокоения почившего великого старца сопровождала вся монастырская и скитская братия.

1862 ГОД

19 марта

Понедельник. Новолуние по святцам и явление необыкновенное. До 17 марта зима стояла довольно сурово; 17 пополудни - оттепель: 18 - тоже; 19 тучи и дождь при слабом западном ветре. В ночи с 12 часов под 20 число - страшная туча, проливной дождь, непрерывная, ослепительная молния с сильными громовыми ударами. На телячьем лугу ударом молнии раздробило на корню большой дуб. Явление по силе, грозности и по времени года неслыханное. Что предвещает оно? Знамение ли это только обители нашей? Или же в лице ее для нашего Отечества и с ним всего мира? - Кто проникнет в тайну сию? Без числа согрешихом. Господи; помилуй нас!

21 апреля

Утром в 6 часов скончался с марта 1838 года многострадальный иеродиакон Мефодий на 65 году от рождения. Родом он был из польских шляхтичей, по имени - Михаил Георгиев Склумбовский. 33 лет он определен был в число братства Оптиной пустыни указом от 12 июня 1825 года. Прежде жил в Софрониевой пустыни и в Рыхловском монастыре. В 1838 году он был разбит параличом и в таком состоянии пребывает до самой смерти не только с терпением, но и как бы с восторгом переносил свои многолетние страдания. Мученичество этого страдальца, соединенное с непередаваемым благодушием, весьма многим приносило великую душевную пользу. В почившем Божиим угоднике неоднократно был замечаем внимательными и дар благодатной прозорливости.

30 мая

В 6 часов утра скончался рясофорный монах Николай Иванов Новацкий, из евреев; до крещения имя его было - Вульф Янкелев Абрамович. Он был келейником многострадального иеродиакона Мефодия, скончавшегося ровно 40 дней тому назад, 21 апреля, тоже в 6 часов утра. Совпадение замечательное, особенно, если вспомнить, что монах Николай исполнял свои келейные обязанности при Мефодии не только с усердием, но и с великой о Господе к нему любовью...

16 июня

Последнее звено великой цепи, соединявшей меня с землею и ее привязанностями, оборвалось: сегодня, в субботу, в 10 часов утра, почил о Господе Настоятель Оптиной пустыни, отец братства и мой благодетель, отец архимандрит Моисей.

На этом месте оборвался и дневник иеромонаха Евфимия... Рассматривая другие монастырские рукописи, я нашел еще тетрадку, писаную, по-видимому, его же рукой, и в ней под 1866 годом та же рука начертала следующие строки:

"С ужасом христианское внимание останавливается пред тем, что стапо твориться в мире и, в частности, в тех явлениях нездешней жизни, которым усвоено именование "спиритических". Впрочем, учение это не ново, и спириты не без основания относят начало спиритизма к глубокой древности. То, что прежде называлось "некромантией", явилось ныне под именем спиритизма. Жрица древних мистерий известна была под именем пифии, волшебницы, колдуньи; жрец - под именем волхва, мага, знахаря: теперь они зовутся медиумами. Сущность дела осталась та же; переменялись только названия, а заправитель его - все тот же змий древний, тот же "дух пытлив", которого изгнал св. Апостол Павел, и который боялся и трепетал за храм Артемиды Ефесской.

Мне доставлен перевод второго номера журнала "Ревью спиритэ" 1866 года. Великий жрец спиритизма, как некоего нового откровения, Аллан-Кардек обмолвился, наконец, крупною новостью, вполне определяющею учение спиритизма как **учение антихристово**: он представил несколько бывших ему **откровений о скором пришествии нового мессии**. По словам духов, это будет не Иисус Христос, а особый посланник. Вот что говорили духи устами Аллан-Кардека:

"Звезда нового верования, будущий мессия уже возрастает в неизвестности, но враги его содрогаются, и силы небесные колеблются. Вы спрашиваете: не будет ли новый мессия сам Иисус Назоряннин? Какое вам дело, если одна и та же мысль будет принадлежностью того и другого? Если Богу угодно будет продлить вашу жизнь, вы услышите проповедь истинного евангелия Иисуса Христа от нового посланника. Перемена великая последует за проповедью этого благословенного чада. При звуке могучего его голоса люди различных вер подадут друг другу руки. Бесспорно, что ваша эпоха есть эпоха переходная, время всякого брожения, но она еще не достигла совершенной зрелости.

Переделка человечества берется для двадцатого столетия. Человек, призванный совершить это, еще не готов для исполнения этой миссии, но звезда его, украшенная венцом, взошла во Франции... Недавно она была видна в Африке. Путь ее заранее обозначен: порча нравов, различные бедствия, упадок веры будут ее предтечами... Тот, Кто умер на кресте, исполнил Свою миссию, но эта миссия возобновится чрез других духов из божественного сонмища. Это будет тот, о котором Иисус сказал: "Я пошлю вам дух истины". Честь и слава этому божественному посланнику, который восстановит заповеди Иисуса Христа, худо понятые и худо исполняемые. Честь и слава спиритизму, предшественнику мессии, разъясняющему все это! Верьте, братья, что только вы одни получаете эти сообщения; сохраняйте же их втайне!.."

Боже, Господи! До чего все это страшно. Нужно родиться духовно слепым или быть неисцельно ослепленным дьявольскою лестью, чтобы не слышать во всем этом сатанинском откровении голоса того, кто в последние дни мира, зная, что времени ему уже остается немного, в великой ярости явится *лестить живущие но земли, кто каждому из своих последователей дает начертание на десней руке или на челах их* (Откр. 13, 14, 16)... "Змий, мудрейший всех зверей, сущих на земли", лучше нас, смертных, знает, что пророчества тайновидца идут прямо и непосредственно к нему, и вот он является Аллан-Курдаку в образе Иоанна и ведет такую речь:

- Народы! Внимайте! Громкий голос слышится от одного края Вселенной до другого. Голос

этот есть предтеча, объявляющий явление духа истины, который грядет исправить стропотные пути, шествуя коими, человек заблудился, запутался в ложных софизмах. Читая откровение Иоанна, вы часто спрашивали: что он хочет сказать? Как сбудутся эти недоуменные вещи? И ваш недоумевающий разум углублялся в мрачный лабиринт, из которого не мог выйти, ибо вы хотели понимать буквально то, что говорилось иносказательно. Теперь, когда наступило время исполниться части предсказаний, вы понемногу научитесь читать книгу, которой любимый ученик вверил то, что дано ему было увидеть. Впрочем, дурные переводы и ложные толкования будут еще несколько мешать вам. Но, настойчиво трудясь, вы, наконец, достигнете того, что станете понимать все, что теперь от вас сокрыто. Только знайте, что если Бог соизволяет, дабы запечатленное было для некоторых распечатано, то это делается не для того, чтобы разумение тайн оставалось в руках их бесплодным, а для того, чтобы они, неумолимые труженики, распахали необработанные земли; для того, наконец, чтобы благодатною росой освежили сердца, иссушенные гордостью, в которых добрые семена живого слова не пустили еще ростков из-за суетной их жизни... Вы, которые знаете всю цену времени, вы, которым законы вечной мудрости час от часу делаются яснее и яснее, - будьте в руках "всемогущего" послушным орудием, приносящим собою свет и плодотворность для тех душ, о которых Иисус сказал: "Имут уши и не слышат, имут очи и не видят".

- Спиритизм, - продолжает мнимый Иоанн, - есть тот могущественный голос, который гремит во всех концах земли. Все его услышат!..

"Старцы наши, - так отмечено в найденной тетрадке, - в один голос предваряли нас и всех тех, кто хотел внимать их богомудрым речам, что возвещенная ныне всему миру, за исключением только деспотических стран Востока, свобода есть не что иное, как преддверие близ грядущего безначалия, плодов которого не минует ни одна страна, ни один народ. Свобода без Господа Иисуса Христа, основанная на одном только лжеименном разуме, есть свобода беспрепятственного разлития зла. есть свобода падшего Денницы. Во времена же безначалия должен явиться и "сын погибели", имя же ему: **антихрист**".

От составителя

Заканчивая малый труд, основанием которого послужил дневник Оптинского иеромонаха Евфимия, об одном прошу и молю боголюбивого моего читателя: если только сказанное в книге этой найдет отзвук в его сердце, то да помянет он в молитве своей к Творцу всяческих грешное имя Сергея Нилуса.

Оптина Пустынь
28 апреля 1909 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уже приготовлен был настоящий мой труд к печати, как в сердце моем возник помысл, настойчиво потребовавший от меня представления моей рукописи на рассмотрение и благословение предстоятелей и старшей братии святой Оптинской Пустыни. И почувствовало мое сердце, что помысл этот не с шуией, а с десной страны, что, давая моему труду значение слова, исходящего из потаенных недр великого Оптинского духа, я не вправе выпускать его в свет, не получив на него от преемственных и современных носителей этого духа одобрения и благословения. Так я и поступил, не считаясь с

желанием моим предварить моим трудом съезд в Обители Св. Троицы монашествующей братии.

Отсюда - задержка в печатании, но отсюда же - полное спокойствие моей совести, как описателя на пользу ближних достоверных и важных свидетельств веры нашем и жизни монашества доброго и истинного.

Отдавая ныне свою "Святыню под спудом" на утешение и укрепление веры братьев моих по духу - православных христиан, тяжко страждущих и даже, быть может, изнемогающих под натиском всех злобных сил ада, ополчившихся на Господа и на Христа Его, я считаю святою своею обязанностью добавить в напутствие ей несколько слов и указаний по поводу совершающихся на наших глазах мировых событий, являющихся, по разумению моему, живым свидетельством благодатной прозорливости великих Оптиных старцев, предваривших верных духовных чад своих о том, что именно нашему времени суждено, в особенности, готовиться к исполнению времен и к сретению Господа славы, близ Грядущего судити живым и мертвым со славою и силою мноюю.

Для тех из читателей моих, кому неизвестна книга моя "Великое в малом и антихрист, как близкая политическая возможность", я вновь приведу здесь сказанное о двух сновидениях благочестивого священника Тверской епархии, бывших ему в конце шестидесятых и семидесятых годов прошлого столетия и истолкованных великим старцем Оптиной пустыни, всей Православной России известным иеромонахом Амвросием.* Обращаю на сновидения эти, на их толкование особое внимание читателя: важностью и глубиной их значения были заинтересованы не простые смертные, а три лица, представляющие собою, так сказать, квинтэссенцию православно-русского духа; и три лица эти были: Обер-Прокурор Св. Синода граф Александр Петрович Толстой; благодатный священник и старец-подвижник, на могиле которого, по его молитвенному предстательству, совершались и совершаются, едва ли не ежедневно, великие чудеса милости Божней.

* Жизнеописание старца Амвросия Оптинского. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни.

"Один благочестивый священник Тверской епархии, - так в 1866 году писал в Оптинну пустынь граф А.П. Толстой, - видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одною лампадою. В пещере много духовенства.

За лампадою - образ Божией Матери. Пред образом стояли в облачениях архипастырь Московский Филарет (находящийся в живых) и покойный протоиерей г. Ржева, отец Матвей Константиновский,* родитель означенного священника, в жизни своей отличавшийся особым благочестием. Все стоят в безмолвии и страхе. У входа в пещеру - сам священник и одно мирское лицо, духовный сын о. протоиерея. Оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся ясно слова:

* Святой жизни. Известен своим влиянием на Гоголя.

- Мы переживаем страшное время: доживаем седьмое лето! - С этими словами - пробуждение в большом волнении и страхе.

Сон повторяется до трех раз все тот же, без малейшего изменения, явный и страшный... Ни священник, видевший это, ни духовный сын отца Матвея, - оба решительно ничего не понимают: ни что он значит, ни кем он послан".

В ответ на это письмо старец Амвросий писал так: "Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества всюду распространяется, всюду проникает. Истину эту подтверждают слышанные слова:

"Мы переживаем страшное время..."

Живой святитель и покойный протоиерей, в облачении молящиеся вместе пред иконой Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двойное (Церкви небесной и Церкви земной): видно, достойные пастыри, живые и отшедшие к Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви - и те, и другие умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она Всевышний Покров Свой над бедствующею Церковию нашею и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое расположение ко спасению... Оба стоящие у входа в пещеру, может быть, означают людей, с живым участием и со скорбью, и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи подобно молившимся в пещере... Слова: **"Мы доживаем седьмое лето"** - могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста, когда верные чада Единой Святой Апостольской Церкви должны будут укрываться в пещерах, и только всемогущие мольбы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследования слуг антихриста. Настоящему времени особенно приличны слова Апостола: *Дети, последняя година есть, и яко же слышате, яко антихрист грядет, и ныне антихристы мнози быта: от сего разумеваем, яко последний час есть* (1 Ин. 2, 18). В настоящее время некоторые добровольно уже принимают печать антихриста на челе и на десной руке, потому что, ради светских приличий и мирских выгод, стыдятся ограждать себя крестным знаменем и сперва поступают так в обществе, ради стыда человекоугодия. а потом от обычая не полагают на себя крестного знамения и дома предвкушением пищи и пития, и в других случаях, чем сотворяют радость **велию** врагам душевным, для которых они, будучи неограждены силою креста и молитвы, делаются игрищем и посмешищем.

Седьмое число в церковной численности имеет великое значение. Срок времени числится седмидневными неделями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами семи Вселенских Соборов. Семь Таинств и семь дарований Святого Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было семи Азийским Церквам. Книга судеб Божиих. виденная в Откровении Иоанном Богословом, запечатана семью печатями. Семь фиал гнева Божьего, изливаемого на нечестивых и проч. Все это седмичное исчисление относится к настоящему веку и, с окончанием оно, должно кончиться.

Век же будущий в Церкви означает восьмым числом. Шестой псалом надписанпе имеет такое: "Псалом Давида в конец песней. о осьмом". - по толкованию, - о осьмом дне, т.е. о всеобщем дне воскресения и грядущего Страшного Суда Божия, которого боясь. Пророк молит Бога во умилении сердца об оставлении грехов: *Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешу меня,* и прочее... Неделя Антипасхи, или

св. Фомы, в Цветной Триоди называется неделюю о осьмом, т.е. вечном дне и нескончаемом, который уже не будет прерываться темнотою ночей. *Ноши не будет тамо*, т.е. в небесном Иерусалиме. говорится в Откровении (22, 5). Блажен, кто сподобится наслаждаться блаженством блаженного и нескончаемого дня сего, еже буди всем нам получить благостию и милосердием, и человеколюбием Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа. Ему же подобает слава и держава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцом и Пресвятым, Благим и Животворящим Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь". Это сновидение и толкование первое.

Тот же граф А.П. Толстой опять писал в Оптину пустынь пятьлетспустя. Письмо помечено 7 июля 1871 года.

"Как будто нахожусь в своем доме, - так пишет граф, - и стою в прихожей. Далее - комната, в которой на простынке между окон находится икона в большом размере Бога Саваофа, издающая ослепительный свет, так что из другой комнаты (прихожей) нельзя было смотреть на нее. Затем еще далее - комната, в которой находятся протоиерей Матвей Александрович Константиновский и покойный митрополит Филарет; и эта комната наполнена книгами: по стенам от потолка до пола книги: на длинных столах горами книги; и мне непременно нужно пройти в эту комнату, но меня удерживает страх, как пройти чрез такой поражающий свет. Но необходимость принуждает преодолеть страх, и я с ужасом, закрыв лицо рукою, перехожу первую комнату п. войдя в следующую, вижу протоиерея Матвея Александровича в переднем углу. Он читает книгу. А ближе к двери стоит митрополит, одетый в простую черную рясу; на голове - скуфейка; в руках - разогнутая книга, и головою показывает мне, чтобы и я нашел подобную книгу и развернул ее. В тоже время митрополит, поворачивая листы своей книги, говорит:

- Рим, Троя, Египет. Россия, Библия. Вижу, что и в моей книге крупными словами написано: "Библия".

Тут сделался шум, и я проснулся в большом страхе. Много думал: что бы все это значило? Мне сон кажется грозным, и лучше бы ничего не видеть. Нельзя ли опытных в духовной жизни спросить о значении этого сновидения? Самому мне внутренний голос объясняет сон. но объяснение такое ужасное, что не хотелось бы согласиться с ним".

Второе это сновидение старцем о. Амвросием было истолковано следующим образом:

"Кому показано было это замечательное сонное видение, и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было чрез Ангела хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознает, что ему внутренний голос объяснил значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа и в следующей за тем комнате виденное множество книг, и стоящие там с книгами покойные - митрополит Филарет и протоиереи Матвей Александрович, и произнесенные одним из них слова - "Рим, Троя, Египет, Россия. Библия" могут иметь такое значение: во-первых, все касающееся до сотворения мира, судьбы народов и спасения людей Господь Вседержитель открыл избранным святым мужам, пророкам и апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а ими все это передано людям и написано в Библии, то есть в книгах Ветхого и Нового Завета.

Во-вторых, множество других виденных там книг может означать то, что все, сказанное в

Библии прикровенно и неясно, объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, пастырями и учителями Единой Соборной, Апостольской, Православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович видены были с книгами в руках, может означать, что они в продолжение своей жизни поучались о судьбах человечества не из простых книг человеческих, в которых встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение, а из книг библейских, и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей Богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания, к чему побуждали и видевшего, чтобы и он на все искал объяснение не в простых книгах человеческих, а в книгах святых и Богодухновенных Отцов Православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей Матвей Александрович стоял в переднем углу, который, обычно, признается молитвенным, может означать, что он не только поучался сказанным образом, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова - "Рим, Троя, Египет" - могут иметь следующее значение: Рим во время Рождества Христова был столицей Вселенной и, с возникновением патриаршества, имел первенство чести: но за властолюбие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и унижению.

Древняя Троя и древний Египет, замечательные тем, что за гордость и нечестие наказаны, первая - разорением, а второй - различными казнями и потоплением Фараона с войском в Черном море. В христианские же времена, в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии - Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая Православную Церковь благочестием и правыми догматами: но впоследствии по неведомым судьбам Божиим подверглись владычеству варваров-магометан и доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоверия. А в Египте вместо древнего нечестия в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском благочестии, что в некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен "Рим. Троя. Египет" помянуто имя и России, которая в настоящее время хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и неблагочестия проникли и внедрились и у нас и угрожают тем же, чему подверглись вышесказанные страны.

Затем следует слово "Библия". Другого еще государства не помянуто. Это может означать, что **если и в России ради презрения заповедей Божиих, и ради ослабления правил и постановлений Православной Церкви, и ради других причин оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в Апокалипсисе Иоанна Богослова.** Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасно. Страшно будет второе пришествие Христова и ужасен последний суд мира, но не без великих ужасов будет перед тем и владычество антихриста, как сказано в Апокалипсисе: *И в те дня взыщут человецы смерти и не обритут ее, и вожделеют умрсти. и убежит от них смерть* (Откр. 9. 6). **Придет же антихрист во время безначалия,** как говорит Апостол: *Точию держави ныне дондеже от среды будет* (2 Сол. 2. 7). то есть **когда не**

будет преержащей власти.

Голос старца Амвросия Оптинского, свидетельствующий о близости исполнения времен, не был для второй половины истекшего столетия голосом, затерянным в одиноком пространстве. Во второй половине семидесятых годов в другой великой хранительнице православного духа. Глинской пустыни, приближался к исходу из жизни временной в жизнь вечную другой старец схархимандрнт Илиодор.* Вот что из жизни его передавал мне один из присных его учеников, с год тому назад скончавшийся иеромонах старец Домн; и не мне одному, но и другим, еще живым свидетелям его слова, сказывай это блаженный старец.

* Скончался в 1878 году.

"Было это, - так повествует о. Домн, - лет за пять или за шесть до преставления отца моего духовного и учителя, отца схархимандрита Илиодора, мужа веры крепкой и духа великого и прозорливого. Часто собирались мы, ученики его, к своему старцу для духовной беседы, послушать словес его Богодухновенных. И вот так-то пришли мы к нему один раз вечером и застали его в келлии сидящего скорбно и даже уныло.

В келлии старца был полумрак; горела одна лампада. Старец встретил нас молчаливым благословением и сидел безмолвный и скорбный. Сели и мы "при ногу учителю", ожидая, когда сам он благословит начать беседу. И невольно сердце наше исполнилось какого-то тяжкого предчувствия.

И обратил к нам слово свое старец великий:

- Чадца мои! Видите вы меня ныне скорбна. Поведаю вам. откуда мне и сия скорбь надлежит. На этих днях читал я Откровение святого Апостола и Тайнозрителя Иоанна Богослова: и возжелала душа моя уведать: доколе же Господу Богу угодно будет долготерпеть все умножающиеся беззакония мира. И был я в духе, и вижу: се восходит от востока звезда пресветлая и великая, и вокруг той звезды - звезды меньшие, но тоже яркие и светлые. Прошла эта звезда со своими звездами к небосклону и склонилась к своему западу. И сказал мне некий голос:

"Се - звезда Императора Александра Благословенного!" Поссм иную звезду узрел я восходящей с востока с окружающими ее звездами. И та звезда, и те звезды горели блеском великим и славным, и так же прошли они по небесному своду, и так же сокрылись на запад. И голос возвестил мне: "Се - звезда Императора Николая Павловича!" И иную звезду увидел я на востоке; и была та звезда, как и прежние, окружена звездами; но яркий свет их был, как цвет крови. И звезда та не дошла до своего запада и исчезла как бы в преполовлении пути своего. И было ко мне страшное и грозное слово:

"Се - звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. А что пресеченным путь ее зришь, то ведай: Царь этот среди бела дня лишен будет жизни рукою освобожденного им раба на стогнах верноподданной столицы. Безумное, страшное совершится злодеяние!"

И исполнилось при этих словах сердце наше великой скорби и жалости. Уже были,

правда, покушения на жизнь Государя, но душа наша не допускала даже помысла о насильственной смерти Венчанного Помазанника Божия, которую уже провидел духом Богодухновенный старец... Старец же продолжал:

"И вижу я на востоке иную звезду, окруженную своими звездами. Вид же, величина и блеск ее превосходил все виденные до того звезды. Но и этой звезды дни таинственно были сокращены.

- Это звезда Императора Александра III! - возвестил мне вещий голос. - И посем узрел я..."

Но далее старец уже не продолжал своей речи и, склонив свою голову, тихо заплакал. Прослезились, на него глядя, и мы. и. помолчав мало, спросили:

- Что же дальше?

- Поведаю вам, чадца, только одно: неции от зде стоящих возжелают смерти, но смерть убежит от них...

* * *

Такова великая и страшная повесть старца-иеромонаха Глинской пустыни Домна.

А что вешал в Бозе почивший праведник, отец Иоанн Кронштадтский? Но глагол его был слышен не только по всей России, но и во всем мире: нам ли вновь повторять его?

Еще много можно было бы привести свидетельств истинных о значении с эсхатологической точки зрения современных нам мировых событий, но для цели моей - возбуждения внимания остатка верных к опасности пути, на котором стоит мир и по которому мы ходим, слишком довольно и того, на что было указано. Тому, кто жизнь века сего не признает пределом и целью своего земного странствования, чей дух привык к питанию Божественным словом, кому Церковь - мать, а Бог - Отец, тому достаточно и малого огня, чтобы возжечь светильник веры, исполненный елея благодати Святого Духа. Про остальной же мир глагол Божией изрек однажды и на все времена: *Слухом услышите - и не уразумеете, и очами смотреть будете - и не увидите!* (Ис. 6. 9).

Впервые опубликовано: С. Нилус. Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа. Сергиев Посад, 1911.

Нилус Сергей Александрович (1862 - 1929), религиозный писатель и общественный деятель.